

Лечебное дело

3(86) сентябрь
2023

Научно-практический терапевтический журнал
www.lech-delo.by

МИЛЬГАММА®

тиамин + пиридоксин + цианокобаламин
бенфотиамин + пиридоксин

БОЛЬ В СПИНЕ И ШЕЕ?

milgamma.com.by

woerwagpharma.by

Синергичный эффект
в уменьшении
болевого синдрома

Восстановление
нервных
волокон

Сокращение
сроков
лечения

Восстановление
физической
активности

**ЛЕКАРСТВЕННЫЙ ПРЕПАРАТ. ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ
СЛЕДУЕТ ОЗНАКОМИТЬСЯ С ИНСТРУКЦИЕЙ.**

Имеются медицинские противопоказания и нежелательные реакции. Применение при беременности и в период лактации возможно, если потенциальная польза для матери превышает возможный риск для плода и ребенка, только по рекомендации и под наблюдением врача.
Вёрваг Фарма ГмбХ и Ко. КГ, Германия. Произведено Солюфарм Фармасьютиш Урэнесс ГмбХ, Мауерманн Арцнаймиттель КТ, Германия. На правах рекламы.

МИДОКАЛМ®

УВЕРЕННОСТЬ В КАЖДОМ ДВИЖЕНИИ

Таблетки*

Ампулы**

- ▶ Мидокалм® – оригинальный толперизон¹
- ▶ Опыт клинического применения 10 млн пациенто-лет²
- ▶ Уникальная возможность ступенчатой терапии боли

1. По данным государственного реестра лекарственных средств РБ www.rceth.by. 2. Кукушкин М.Л. и соавт. Результаты рандомизированного двойного слепого параллельного исследования эффективности и безопасности применения толперизона у пациентов с острой неспецифической болью в нижней части спины. Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2017; 117(11): 69-78. * Таблетки толперизона, покрытые пленочной оболочкой, 150 мг и 50 мг №30. ** Раствор 100 мг толперизона и 2,5 мг лидокаина № 5.

ГЕДЕОН РИХТЕР ОАО

Рег. уд. МЗ РБ №3619/98/03/08/13/18 от 11.04.2018
Рег. уд. МЗ РБ №644/95/2000/05/09/15/20 от 26.06.2020

На правах рекламы. Лекарственный препарат. Имеются противопоказания и нежелательные реакции. Не рекомендуется в период беременности и кормления грудью, детям в возрасте до 10 лет.

Лечебное дело

3(86) сентябрь
2023

Научно-практический терапевтический журнал

Издается с 2008 года

Периодичность издания: один раз в квартал

Входит в перечень научных изданий, рекомендованных ВАК Республики Беларусь для публикации материалов диссертационных исследований (научное направление – терапия)

Включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (eLibrary.ru)

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор:	<i>А.В. Хапалюк</i>
Заместители главного редактора:	<i>Т.А. Нечесова, Н.Н. Силивончик</i>
Литературный редактор:	<i>И.Г. Давыдик</i>
Дизайн и верстка:	<i>Ю.Л. Бурак</i>

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гастроэнтерология и гепатология	<i>Ю.Х. Мараховский, С.И. Пиманов</i>
Инфекционные болезни	<i>И.А. Карпов</i>
Кардиология	<i>А.Г. Булгак, Н.П. Митьковская, А.Г. Мрочек, А.М. Пристром, М.С. Пристром, В.М. Пырочкин, В.А. Снежицкий, М.В. Штонда</i>
Неврология	<i>В.В. Евстигнеев, В.В. Пономарев, Э.К. Сидорович</i>
Общая и клиническая фармакология	<i>Н.А. Бизунок, А.Г. Захаренко, М.Р. Конорев</i>
Общественное здоровье и здравоохранение	<i>Т.П. Павлович, Т.М. Шаршакова, М.В. Щавелева</i>
Психосоматическая медицина	<i>С.А. Игумнов, А.В. Копытов, О.А. Скугаревский</i>
Пульмонология и фтизиатрия	<i>С.Е. Алексейчик, Г.Л. Гуревич, Е.А. Лаптева, А.Э. Макаревич, Е.М. Скрыгина</i>
Ревматология	<i>Е.В. Кундер, Н.А. Мартусевич, Т.Д. Тябут</i>
Эндокринология	<i>Л.И. Данилова, Т.В. Мохорт, А.П. Шепелькевич</i>

Учредитель и издатель: ООО «Медицинские знания»
Адрес редакции: 220103, г. Минск, ул. Кнорина, д. 55, пом. 1, к. 52
E-mail: akhapa@tut.by
Свидетельство о регистрации № 673 от 18.09.2009 г.
Выдано Министерством информации Республики Беларусь
Подписные индексы журнала по каталогу РУП «Белпочта»:
01048 (инд.), 010482 (вед.)
Тел. главного редактора:
+375 29 778 97 74; +375 29 674 97 74

Полиграфическое исполнение: Государственное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП № 02330/71 от 23.01.2014 г.
Ул. Веры Хоружей, 13/61, 220123, г. Минск.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. . Заказ № . Тираж 300 экз.
С информацией о правилах оформления статей можно ознакомиться на сайте www.lech-delo.by в рубрике «О журналах».
Мнение авторов не всегда отражает точку зрения редакции.
При использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

В12 АНКЕРМАНН®

цианокобаламин

Энергия, память, настроение!

woerwagpharma.by

Проявления дефицита В12:

Ухудшение памяти,
концентрации
внимания

Снижение
мотивации

Парестезии и
онемение в
конечностях,
слабость

Мегалобластная
анемия

ЛЕКАРСТВЕННЫЙ ПРЕПАРАТ. ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ СЛЕДУЕТ ОЗНАКОМИТЬСЯ С ИНСТРУКЦИЕЙ.

Имеются медицинские противопоказания и нежелательные реакции. Длительность приема определяется лечащим врачом (обычно 4 недели). При беременности и лактации рекомендуемая суточная доза витамина В12 составляет 4 мкг. Накопленный в настоящее время опыт не свидетельствует о развитии неблагоприятных эффектов при приеме более высоких доз В12 на плод и вскармливание грудью ребенка.

Вёрваг Фарма ГмБХ и Ко. КГ, Германия. Произведено Артезан Фарма ГмБХ и Ко. КГ, Германия.

На правах рекламы.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ / EDITORIAL

Клинические аспекты тяжелой бронхиальной астмы / The clinical aspects of severe bronchial asthma

А.Э. Макаревич / A.E. Makarevich

7

В МИРЕ ЛЕКАРСТВ / AMONG ALL DRUGS

Витамины группы В в лечении дорсопатий: Мильгамма® / Group B vitamins in the treatment of dorsopathy: Milgamma®

А.В. Хапалюк / A.V. Khapaliuk

23

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ / SCIENTIFIC PUBLICATIONS

Моделирование острого респираторного дистресс-синдрома с нарушениями гемостаза у крыс / Modeling of acute respiratory distress syndrome with hemostasis disorders in rats

М.А. Матлакова, К.И. Павлов, Т.Г. Метелица, Г.А. Курклинская, Е.В. Чегодаева, А.М. Наборовская, Л.М. Кундельская, Л.В. Бутько, Ж.А. Макаревич / M.A. Matlakova, K.I. Pavlov, T.G. Metelitsa, G.A. Kurklinskaya, E.V. Chegodaeva, A.M. Naborovskaya, L.M. Kundelskaya, L.V. Butsko, J.A. Makarevich

28

ОБЗОРЫ И ЛЕКЦИИ / REVIEWS & LECTURES

Механизмы респираторных нарушений после COVID-19 и возможности их коррекции / Mechanisms of respiratory disorders after COVID-19 and the opportunities for their correction

Ж.В. Антонович / Zh.V. Antanovich

35

Легочные заболевания и синдромы у пациентов с декомпенсированным циррозом печени / Pulmonary diseases and syndromes in patients with decompensated cirrhosis of the liver

М.В. Штонда, Н.Н. Силивончик, Е.М. Банькова, С.А. Петров, А.Н. Семененкова, Ж.Л. Сухих / M.V. Shtonda, N.N. Silivontchik, A.M. Bankova, S.A. Petrov, A.N. Semenenkova, Z.L. Sukhikh

46

Восстановление фертильности у лиц мужского пола при гипогонадотропном гипогонадизме / Restoration of fertility in male persons with hypogonadotropic hypogonadism

С.В. Тишковский, Л.В. Никонова / S.V. Tishkovskiy, L.V. Nikonova

51

СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ / CASE REPORT

Кардиомиопатия такоцубо в практике врача-кардиолога / Takotsubo cardiomyopathy in the practice of cardiologist

А.А. Клименко, Т.К. Логинова, Г.М. Вердиева, А.Э. Алисултанов, Г.П. Устинов / A.A. Klimenko, T.K. Loginova, G.M. Verdieva, A.E. Alisultanov, G.P. Ustinov

59

Раздумья о лечении пациентов с COVID-19 / Deliberations for COVID-19 patients treatment

С.А. Петров, Е.М. Банькова / S.A. Petrov, E.M. Bankova

64

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭТЮДЫ О МЕДИЦИНЕ / LITERARY ETUDES ABOUT MEDICINE

Трое в лодке, не считая собаки / Three men in a boat (to say nothing of the dog) (отрывок из романа)

Джером Клапка Джером / Jerome Klapka Jerome

67

ЦИНКОРОТ® 25

цинка оротат

Проявления дефицита цинка:

Цинк, который лечит!

woerwagpharma.by

**ЛЕКАРСТВЕННЫЙ ПРЕПАРАТ. ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ
СЛЕДУЕТ ОЗНАКОМИТЬСЯ С ИНСТРУКЦИЕЙ.**

Имеются медицинские противопоказания и нежелательные реакции. Перед применением лекарственного средства в период беременности или кормления грудью необходимо проконсультироваться с врачом.
Вёрваг Фарма ГмбХ и Ко. КГ, Германия. Произведено Мауерманн Арцнаймиттель КГ, Германия.
На правах рекламы.

**О сюжете картины Г. Семирадского (1843–1902)
«Доверие А. Македонского врачу Филиппу»
(комментарий кандидата юридических наук, доцента В.М. Ерчака)**

Что означает название картины? Оно означает не просто доверие к своему врачу. Если Вы присмотритесь к выражению лица врача Филиппа, то увидите крайнее удивление, смешанное с возмущением и страхом. Чем вызвана такая гамма чувств? Оказывается, врач Филипп читает донос... на самого себя! В нем «доброжелатель» сообщает Александру Македонскому, что «врач преподнесет ему чашу с ядом, выпив которую, Александр умрет». Можете себе представить чувства молодого повелителя Вселенной после прочтения этого доноса! Но страх перед

Г. Семирадский. Доверие А. Македонского врачу Филиппу

смертью уступил доверию к своему лечащему врачу. И на картине мы видим, как, выпив чашу из рук Филиппа, Александр дает ему прочесть состряпанный на него донос. Этот момент величайшего душевного накала как врача, так и его могущественного пациента изображен на картине.

Полотно несет в себе мощнейший нравственный заряд: человек – образ и подобие Божие. В человеке, по выражению Ф.М. Достоевского, «...борется дьявол с Богом, а поле битвы – сердце человека...». На чью сторону стать – доносчика или А. Македонского – и есть смысл бытия.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

- *Ультразвуковая диагностика легочной гипертензии (Л.Ю. Ушакова, Е.А. Вертинский, М.П. Жарихина, Л.В. Рачок)*
- *Гипо-гиперкалиемия: клинические проявления и ритмогенез (А.Э. Макаревич, И.В. Корнелюк)*
- *Диагностика и лекарственная терапия облитерирующего поражения артерий (Т.В. Окорокова, А.Н. Окороков)*
- *Кардиальные проявления гигантской грыжи пищеводного отверстия диафрагмы: случай из практики (Е.М. Сурмач, С.Н. Демидик, М.Г. Малкин, Л.Т. Арцименя)*

Стопдиар - антидиарейный препарат для всей семьи!

- ✓ Формы выпуска: суспензия для детей от 2-х месяцев до 6 лет, таблетки для взрослых и детей с 7 лет
- ✓ Стопдиар показан для лечения острой диареи бактериального происхождения
- ✓ Стопдиар не всасывается из желудочно-кишечного тракта, не оказывает системного действия на организм
- ✓ Стопдиар не влияет на сапрофитную кишечную флору

ДИАРЕЯ...

всегда
не вовремя!

ГЕДЕОН РИХТЕР ОАО

Имеются противопоказания и нежелательные реакции. Предпочтительно не применять у беременных женщин. Без консультации врача не следует принимать более 3 дней. На правах рекламы.

ЛЕКАРСТВЕННЫЙ ПРЕПАРАТ. ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ПРОКОНСУЛЬТИРУЙТЕСЬ С ВРАЧОМ

КЛИНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЯЖЕЛОЙ БРОНХИАЛЬНОЙ АСТМЫ

А.Э. Макаревич*

Белорусский государственный медицинский университет, Минск

*Контактная информация. Тел.: +375 17 340 19 11, e-mail: makae.bsmu@gmail.com

THE CLINICAL ASPECTS OF SEVERE BRONCHIAL ASTHMA

A.E. Makarevich*

Belarusian State Medical University, Minsk

*Corresponding author. Tel.: +375 17 340 19 11, e-mail: makae.bsmu@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Адекватная оценка и эффективная терапия тяжелой бронхиальной астмы важны в пульмонологической практике. Тяжелая бронхиальная астма формируется из разных фенотипов, которые различаются по клиническим проявлениям. Кардинальный признак тяжелой бронхиальной астмы – неконтролируемый или частично контролируемый клинический статус, несмотря на интенсивное лечение. Использование клинических фенотипов в комбинации с быстро определяемыми лабораторными параметрами (эозинофилия крови и мокроты) и персонализированное целевое лечение моноклональными антителами существенно улучшают менеджмент и исходы астматиков, имеющих высокий риск негативных событий.

тяжелая астма, оценка, эндотип, фенотип, эозинофилия, тип Т-2 воспаления, биомаркеры, приверженность, резистентность к кортикостероидам, моноклональные антитела

KEYWORDS

severe asthma, assessment, phenotype, endotype, eosinophils, cytokines, type T-2 inflammation, biomarkers, adherence, insensitivity to corticosteroids, monoclonal antibodies

Adequate evaluation and effective therapy of severe bronchial asthma is the core of pulmonologic practice. Severe bronchial asthma is formed from a multiple different phenotype (each with a differing presentation). A cardinal feature of severe bronchial asthma is often uncontrolled or partially controlled clinical status despite of intensive treatment. Using a clinical phenotype in combination with rapidly laboratory detected biomarkers (blood and sputum eosinophilia) and a personalized target monoclonal antibodies therapy will significantly improve a management and outcomes of these asthmatics having a high risk of a negative events.

Бронхиальная астма (БА) – гетерогенная болезнь, протекающая с разными выраженностью бронхообструкции и симптоматики (варьирующей по времени появления, частоте и интенсивности), а также клиническими фенотипами, обусловленными множественностью молекулярных механизмов (эндотипов) [1, 2]. Так, более 60 генетических локусов связаны с развитием БА, причем некоторые из них обуславливают формирование различных фенотипов тяжелой бронхиальной астмы (ТБА). Так, полиморфизм гена АДАМ-33 коррелирует с перестройкой стенки бронхов и избыточной продукцией медиаторов (обуславливающих фиброз субэпителиального слоя), а также с быстрым снижением ОФВ₁.

В настоящее время пополнились знания о ведущих механизмах развития ТБА, ее гетерогенности, фенотипах и биомаркерах воспаления дыхательных путей (д. п.), а также появились возможности для проведения целевой специфической терапии

болезни с фокусом на коррекцию генетически обусловленных характеристик заболевания. Так, эозинофильное воспаление д. п. имеет нескольких надежных и легко измеряемых биомаркеров (число эозинофилов в крови, мокроте и уровень оксида азота в выдыхаемом воздухе – FeNO), информирующих о вероятном клиническом фенотипе, риске обострения болезни и предполагаемом ответе на лечение ингаляционными кортикостероидами (ICS) [3]. Однако несмотря на некоторые успехи фармакотерапии и выявление ряда новых патофизиологических механизмов, проблема ТБА остается малоизученной.

Полагают, что ~10 % астматиков имеют ТБА [4,5]. Реальную распространенность ТБА и длительность течения разных фенотипов БА сложно оценить из-за отсутствия корреляции между клиническим диагнозом и патофизиологическими нарушениями, необходимости выявлять, лечится пациент или нет,

следует ли он предписаниям врача. ТБА встречается как в раннем детском возрасте, так и во взрослом. Дополнительно многие астматики сообщали о наличии ТБА в детстве, а затем об ее исчезновении (у $\approx 60\%$ детей) на многие годы (причем гиперэозинофилия была хорошим предиктором наступления длительной ремиссии) и возобновлении уже во взрослом возрасте по неизвестной причине [6]. У половины больных (преобладал женский пол) ТБА появлялась после 12 лет [7, 8].

Несмотря на относительно малочисленность группы пациентов с ТБА, она ответственна за высокую летальность и финансовые расходы системы здравоохранения на их лечение, особенно при наличии коморбидности (СД, нефропатии и др.) [9–11]. Так, в Англии в 2/3 случаев смертей от ТБА (многие из них можно было предотвратить) выявлялись дефекты в менеджменте пациентов: неправильными были диагноз или лечение, неадекватно оценивалась тяжесть болезни лечащим доктором или самими пациентами, а также отсутствовал их осмотр в последние 12 месяцев [12].

ТБА определяется уровнем лечения для поддержания ее контроля [13]. Этот термин обычно используется для описания резистентной к терапии БА с плохим контролем симптоматики, наличием выраженной бронхообструкции, частых или тяжелых обострений, госпитализаций [14]. К ТБА также относят и пациентов, у которых при снижении дозы СС контроль болезни ухудшался.

В целом ТБА – это плохо контролируемая (или неконтролируемая) БА, несмотря на интенсивное лечение высокими дозами ICS (> 1000 мкг/сут флютиказона или его эквивалентов) содним из «контролеров» (β_2 -агонисты длительного действия – LABA, теофиллин или монтелукаст) и/или приемом оральных кортикостероидов (ОС) более 6 месяцев в году. ТБА часто бывает СС-зависимой или СС-резистентной. Более половины больных ТБА относятся к Т-2-эндотипу с наличием эозинофильного воспаления д. п. [15]. В структуру ТБА входят: переменная или фиксированная бронхообструкция; воспаление д. п. (если оно эозинофильное, то хорошо лечится ICS) и хроническая инфекция д. п. (персистирующий хронический бронхит), которая частично купируется терапией антибиотиками. Так, на фоне ограничения бронхиальной проходимости ($ОФВ_1 < 80\%$ и $ОФВ_1/ФЖЕЛ$ меньше нормы) выявляется ее определенная обратимость и реактивность д. п. вследствие появления малообратимых структурных изменений бронхов (их ремоделирования). У пациентов, страдающих ТБА, также отсутствуют факторы, способствующие ее тяжести: имеются высокая приверженность к терапии ($> 80\%$), правильная техника применения дозированных ингаляторов (ДИ), контроль внешних факторов (аллергенов и триггеров) и адекватное лечение имеющейся коморбидности.

ТБА – полигенное заболевание, но с определенным влиянием факторов окружающей среды

(их соотношение варьирует в разных странах). Так, пациенты с ТБА часто имеют аллергию на клеща домашней пыли, грибковую плесень и шерсть домашних животных. Нередко эти больные курят, что повышает риск утяжеления астмы и снижает эффективность терапии ICS.

Показано [16, 17], что важную роль в развитии функциональной недостаточности (снижении $ОФВ_1$) у пациентов с ТБА играют малые д. п., причем точно оценить наличие их дисфункции клиническая симптоматика и физиологическая оценка д. п. не могут, так как они определяют менее 10% общего сопротивления бронхов [18, 19]. Согласно данным компьютерной томографии высокого разрешения (КТВР) легких, наличие воздушной «ловушки» и гетерогенность вентилиации (из-за патологии мелких бронхов) коррелируют с тяжестью астмы и ее негативным исходом [20, 21]. Если толщину стенки центральных (крупных) бронхов можно уменьшить посредством длительного применения ICS и антиэозинофильных лекарственных средств (ЛС) анти-ИЛ-5 профиля [22, 23], то визуальные изменения в мелких д. п. не связаны с молекулярным фенотипом или ответом на проводимое лечение [24, 25]. Дополнительно на вскрытиях выявлено [26], что у пациентов, умерших от ТБА, поражалась вся длина бронхиального дерева.

Данные трансбронхиальной биопсии указывают на большую интенсивность воспаления в мелких д. п., по сравнению с крупными у пациентов, лечившихся высокими дозами ICS и даже ОС [27]. Показано [28–30], что у ряда пациентов с ТБА, получавших высокие дозы ICS, в бронхоальвеолярном лаваже (БАЛ) и бронхиальных биоптатах не определялась классическая аллергическая воспалительная схема, а доминировала нейтрофилия над эозинофилией (поэтому эти пациенты были менее чувствительны к терапии СС).

Выделяют [2, 14] также трудную для лечения БА (ТЛБА), диагностируемую почти у половины астматиков при отсутствии контроля над заболеванием (что обусловлено наличием ряда модифицируемых факторов), несмотря на интенсивное лечение (периодическое длительное применение ICS в средних или высоких дозах < 1000 мкг/сут или ОС) [31]. Частота неконтролируемой БА увеличивается по мере нарастания тяжести болезни, причем до 20% пациентов с ТЛБА расцениваются как имеющие ТБА. Как правило, плохо леченная БА – главная причина формирования неконтролируемой астмы.

Большая часть пациентов с ТЛБА имела потенциально модифицируемые причины плохого контроля БА, обусловленные неправильной техникой пользования ДИ, плохой приверженностью к лечению (она выявлялась у более половины пациентов) и нередко была обусловлена высокой стоимостью базисной терапии, значительным и постоянным воздействием факторов внешней среды (аллергенов или триггеров), неадекватным контролем

имеющейся коморбидности (или даже отсутствием ее лечения), а также наличием негативных психосоциальных факторов [32–34]. Все это затрудняло контроль ТБА и требовало от лечащего врача детальной системной оценки пациентов.

Оценка приверженности больного к лечению назначенными ДИ и ОКС весьма важна, так как может касаться ~70 % ЛС, выписанных астматикам, страдающим ТБА. Так, приверженность к лечению оральным преднизолоном у них не превышала 45 % [35, 36] нередко из-за боязни появления побочных эффектов СС при их длительном приеме. Отсутствие приверженности коррелировало с ухудшением симптоматики, ростом числа госпитализаций, плохим исходом и высокой смертностью. Вместе с тем отмечено, что степень приверженности к рекомендациям лечащего врача повышалась по мере утяжеления симптоматики (пациенты с ТБА охотно принимали ИС и ОКС). Поэтому отсутствие в этих случаях ответа на лечение указывало, скорее, на наличие резистентности к СС.

ТБА верифицируется комплексно, по наличию классической симптоматики (в ряде случаев и при ее отсутствии), но при этом должны учитываться и другие альтернативные диагнозы. Диагностика заболевания проводится на основе наличия следующих ее признаков [14, 32, 37]:

- выраженной вариабельности бронхообструкции (изменения пиковой скорости выдоха – ПСВ > 25 %) и симптоматики (сезонной или циркадной), а также положительного бронхопровокационного теста;
- плохого контроля, частых или жизнеугрожающих обострений и госпитализаций за последний год;
- связи между симптоматикой и физической нагрузкой (ФН) или профессиональной деятельностью;
- аллергии и коморбидности (усиливающей тяжесть болезни): гастроэзофагеальная рефлюксная болезнь (ГЭРБ), obstructивное ночное апноэ, рецидивирующая инфекция д. п., ожирение, остеопения/остеопороз, страх и депрессия, а также хронические риносинуситы (выявляемые у 80 % больных ТБА), причем степень их воспаления прямо коррелирует с таковой в д. п. и выраженностью бронхообструкции;
- семейного анамнеза наличия астмы или аллергии;
- триггеров (аллергены внешней среды, табачный дым, инфекции д. п. и др.) и факторов стресса (профессиональных или личностных);
- непереносимости аспирина (и другие НПВС).

Диагностика ТБА также включает и необходимость оценки ряда состояний:

- имеющегося фенотипа (согласно изменению клинико-патофизиологических и воспалительных параметров);
- исключения другой патологии, первоначально рассматриваемой как БА;
- возраста и обстоятельств, при которых начались приступы астмы;

- общего самочувствия в ходе регулярного контакта с домашними животными;
- динамики симптомов в ответ на проводимое лечение (или в ходе переездов и путешествий);
- правильности техники пользования ДИ и приверженности к длительному лечению;
- адаптации пациента к астме.

Разграничение ТБА от ТЛБА не всегда простое, многие пациенты с ТЛБА не имели ТБА [31, 38]. Так, ряд пациентов имели фиксированную, а не вариабельную бронхообструкцию, что вынуждало ставить диагноз ТБА клинически. Кроме того, выявлялись астматики, у которых применение таргетной биологической терапии существенно улучшало контроль болезни. Для окончательной верификации ТБА этим пациентам необходимо проводить повторную спирометрию или альтернативное тестирование пробным лечением ОКС (для выявления обратимой обструкции). Показано [31], что после проведения системной оценки астматиков с плохим контролем болезни более половины из них были отнесены к ТЛБА, а меньшая часть имела ТБА. Причем до трети этих пациентов могли принадлежать к обеим группам.

Контроль ТБА определяется следующими факторами: выраженностью симптоматики (например, избыточным приемом SABA > 12 вдохов/сут при ухудшении состояния) и бронхообструкции, частотой обострений и трудностями в достижении контроля в ходе лечения астмы [14]. К группе неконтролируемой БА относят пациентов с наличием факторов риска (ФР), препятствующих ее контролю – некомпенсированные сопутствующие болезни, курение, низкая приверженность к лечению, неправильная техника ингаляций и сохраняющийся контакт со значимыми аллергенами. Согласно GINA, неконтролируемая БА верифицируется при наличии одного из следующих признаков после снижения интенсивности лечения ИС:

- в последние 3 месяца по опросникам ACQ (> 1,5 балла) и ACT (< 2,0 баллов) определялся плохой контроль симптоматики;
- имелось минимум 2 обострения БА за последний год или одно обострение, которое лечилось в стационаре или в ходе лечения потребовалась искусственная вентиляция легких (ИВЛ) в последние 12 месяцев;
- тяжелого приступа в анамнезе или ≥ 2 курсов (> 3 дней каждый) лечения ОКС в прошлом году;
- бронхообструкции (ОФВ₁ < 80 % от должных величин или снижение отношения ОФВ₁/ФЖЕЛ меньше нормы после применения SABA) или персистирующей бронхообструкции, которую не удается скорректировать назначением β₂-агонистов короткого действия (SABA) и ОКС.

Выделяют три клинические формы ТБА [39]:

- обусловленная невозможностью доступа к базисному лечению ИС (т. е. нелеченая астма);
- с наличием выраженной симптоматики, которая существенно улучшается после оптимизации

лечения. Сюда включают также астму с наличием коморбидности, лечение которой часто улучшало контроль ТБА;

- резистентная к агрессивному лечению.

В ходе верификации ТБА сразу должен быть подтвержден диагноз БА и оценена ее тяжесть. Обычно этот процесс занимает 3–6 месяцев. Основные диагностические процедуры у пациентов с ТБА включают [3]: клинический анамнез, физикальный осмотр, оценку функции внешнего дыхания (ФВД) с тестами на обратимость бронхообструкции (часто это необходимо для исключения хронической обструктивной болезни легких – ХОБЛ) и на наличие гиперреактивности бронхов (ГРБ); если нет обструкции, проводят пробу с метахолином; аллергическое тестирование (кожные тесты с возможным аллергеном, уровень общего IgE в крови и аллерген-специфических IgE антител (АТ), а также оценку FeNO). В ряде случаев применяют и подострый тест на обратимость бронхообструкции путем назначения ОКС (40 мг преднизолона в течение 5–7 дней) [31, 32].

Детальный анамнез должен включать информацию о времени появления респираторных симптомов и их тяжести; наличии атопического дерматита, или бронхообструктивного синдрома, или астмы в детстве, пропусков занятий в школе (если пациент не помнит о наличии БА в раннем детстве), положительных кожных тестов с аллергенами и повышенного уровня специфического IgE. Так, аллергический ринит выявлялся у половины детей с БА и у многих взрослых астматиков, но обычно аллергическая симптоматика плохо коррелирует с уровнем специфических IgE. У взрослых следует также оценить наличие воздействия профессиональных поллютантов на рабочем месте. Также анализируется медицинская документация пациента и наличие у его близких родственников БА или аутоиммунной патологии.

Дополнительно выявляются возможные факторы, влияющие на симптоматику болезни: приверженность к лечению, правильная техника ингаляций, коморбидность (часто встречается у астматиков и нередко утяжеляет их состояние), ФР и триггеры. Так, тревога, депрессия и ряд социально-экономических факторов могут сформировать основу неконтролируемой БА.

Выявление ТБА также основано на наличии обструкции д. п. в настоящее время (или ранее) с ее обратимостью или без таковой. Так, обратимость обструкции д. п. регистрируется по данным: бронходилататорной пробы с САВА (разница ОФВ₁ > 12 % до/после пробы предполагает БА), тестирования с метахолином (снижение ОФВ₁ > 20 % от исходного уровня), многодневного мониторинга вариабельности (> 10 %) ПСВ согласно дневнику пациента или тестированию с ФН (снижение ОФВ₁ > 10 % от исходного уровня) для исключения других причин одышки. Чем больше вариабельность обструкции и чем чаще она выявляется, тем больше уверен-

ность в диагнозе БА. Врач должен быть осторожным в трактовке данных спирометрии, особенно в случае неполных или невозпроизводимых объемов выдоха. Это может привести к гипер- или гиподиагностике БА. Отсутствие бронхообструкции на фоне имеющейся респираторной симптоматики иногда указывает на альтернативный диагноз, хотя обструкции может и не быть при хорошем состоянии астматика.

Если бронхообструкция сразу не выявлена, но имеется персистирующая респираторная симптоматика, необходимы повторное проведение спирометрии или пересмотр диагноза астмы. В ряде сложных диагностических случаев определяют плетизмографические легочные параметры (FRC, RV, DLCO). Тестирование с метахолином лучше всего подходит для исключения БА у пациентов, страдающих другой патологией с нормальной величиной ОФВ₁. Кроме того, ХОБЛ, бронхоэктазы и обструкция нижних д. п. (из-за наличия инородного тела) могут вызывать изменения на спирограмме, похожие на БА. Так, недостаточная обратимость бронхообструкции не должна сразу предполагать наличие ХОБЛ или синдрома «перехлеста» (ACOS), особенно у курильщиков, это может быть признаком ТБА, при которой имеющееся хроническое воспаление д. п. вызвало их структурное моделирование с результирующим снижением ответа на пробу с бронхолитиком. Если у пациента отсутствуют данные о вариабельной бронхообструкции, диагноз ставится по наличию типичной симптоматики БА и после исключения альтернативных диагнозов.

При подозрении на ТБА необходимо провести дифференциальный диагноз с широким кругом болезней, схожих по симптоматике [32]: ХОБЛ, муковисцидозом, дисфункцией голосовых связок, обструкцией гортани при ФН, центральной обструкцией д. п., рецидивирующими аспирациями, ГЭРБ, саркоидозом, бронхоэктазами, психогенной гипервентиляцией (с фоновыми страхом, тревогой или депрессией), хронической сердечной недостаточностью (ХСН), тромбоемболией легочной артерии, а также с побочным действием принимаемых ЛС (например, с возникновением хронического кашля при лечении ингибиторами ангиотензин-превращающего фермента или бронхоспазма при приеме неселективных β-адреноблокаторов).

Одна из причин неэффективного лечения ТБА – ее неправильный диагноз (нередко обусловленный отсутствием лабораторного тестирования), что требует тщательного пересмотра данных анамнеза и физикального обследования пациента. Так, нередко клиницисты ложно объясняют наличие БА при появлении одышки при ФН, хотя на практике она может быть обусловлена существенной детринированностью больного, особенно имеющего ожирение. Наличие одышки, особенно у пациентов с БА, не имеющих других симптомов (или если они выражены минимально), требует прове-

дения разграничения с другими заболеваниями, при которых также имеется хроническая одышка, – ХСН, сердечная патология, хроническая инфекция д. п., анемия и интерстициальные болезни легких (ИБЛ) [39]. Хронический кашель (без визинга или одышки) может быть не только у пациентов с кашлевой астмой, но и при ХОБЛ, ГЭРБ или хронической инфекции д. п.

Проведение рентгенографии грудной клетки и КТ легких полезно в случае персистирования симптоматики, атипичного течения астмы или подозрения на ТБА, а также для исключения ряда альтернативных диагнозов или легочной коморбидности: внутренней или внешней обструкции бронхов, рака легкого, бронхоэктазов, альвеолита, ИБЛ, ХОБЛ, ХСН, гиперчувствительного пневмонита, хронической аспирации, саркоидоза, аллергического бронхолегочного аспергиллеза (АБЛА), мультисистемного эозинофильного гранулематоза с васкулитом мелких и средних артерий (синдром Чарджа-Стросса) [14].

У ~80 % больных ТБА отмечались поражение малых д. п., утолщение и расширение стенки бронхов на КТВР легких [40]. Выявление при этом обследовании бронхоэктазов, «ловушки воздуха», «джакузи легких», «деревя в бутоне» и «матового стекла» помогает предположить альтернативные диагнозы. Эти изменения можно использовать и для оценки негативных рисков в будущем. Так, наличие «ловушки воздуха» коррелирует с последующими госпитализациями и лечением в отделении реанимации, а множество слизистых пробок – с тяжестью БА (нередко указывая на ее фатальный вариант) [22, 41]. Проведение КТ легких не показано в случае обычного обследования и ведения астматика,

Эндоскопия полостей носа и КТ его синусов, а также 24-часовое рН мониторинг и определение давления в пищеводе (для исключения ГЭРБ), детальный анализ диеты и психического статуса – все это важно для диагностики и ведения больного с ТБА. Дополнительно анализ данных ЭхоКГ позволяет исключить ХСН или структурные поражения сердца. Выявление антинуклеарных антител (АТ) или антинейтрофильных цитоплазматических АТ (АНСА) помогает верифицировать ряд диффузных аутоиммунных болезней соединительной ткани. По показаниям при ТБА проводится бронхоскопия с получением БАЛ, а при необходимости и с биопсией (в том числе и лимфоузлов) для исключения альтернативного диагноза (центролобулярных фокусов, ателектаза, внутрибронхиальных изменений или бронхоэктазии).

Выявлено [32], что нередко (и непреднамеренно) больные ТБА и/или с наличием коморбидности не принимали регулярно назначенную схему лечения, во многом вследствие высокой стоимости базисной терапии. Поэтому обследуя такого пациента, необходимо оценить:

- его приверженность к приему антиастматических ЛС (пациент должен ясно понимать меха-

низм их лечебного действия); так, неправильные их прием или техника ингаляций являются нередкой причиной неэффективного лечения астмы;

- неблагоприятные триггерные влияния внешней среды – действие причинно-значимых аллергенов (домашняя пыль и шерсть домашних животных и др.) или профессиональных агентов на рабочем месте, вызывающих приступы БА, или появление вирусной инфекции д. п., или курение (в том числе и электронных сигарет), а также резкое изменение температуры окружающей среды (холодная погода);

- часто выявляемые психические факторы (страх, депрессия);

- наличие неправильного паттерна дыхания, включающего синдром гипервентиляции и появление обструкции гортани вовремя ФН (из-за аддукции голосовых связок), которые нередко выявляются при ТБА и их часто путают с ее проявлениями;

- ощущение симптоматики, которое бывает различным; так, юноша с якобы имеющейся ТБА может быть капитаном футбольной команды школы, что требует пересмотра этого диагноза. Нередко также подростки, жалующиеся на приступообразную одышку при ФН, не имели БА (или обструкции гортани вовремя ФН), а были физически нетренированными;

- коморбидность.

Отмечено [6], что изолированная ТБА – редкость. Большая часть этих астматиков имеют коморбидность, симптоматика которой иногда может ложно указывать на наличие астмы: ГЭРБ (больные обычно жалуются на изжогу после приема большого объема пищи, кашель, пробуждение ночью и тяжесть в грудной клетке, а иногда на недостаточный эффект от антиастматической терапии), в ее отсутствие диагноз ТБА маловероятен; частый хронический риносинусит (отмечаются кашель, визинг в верхних д. п. и выделение мокроты), дисфункция голосовых связок (сопровождается визингом и одышкой), выраженное ожирение (доминирует одышка), аспирации, курение, тревожность (одышка) и ряд аутоиммунных болезней [3, 6].

В настоящее время чаще стала выявляться поздно начавшаяся ТБА, особенно у женщин с ожирением (вероятно, из-за быстрого роста патологии, связанной с ним) [42, 43]. Имеется сложная связь между ТБА и ожирением, возможные механизмы которой включают: вторичное ограничение выдоха (из-за механического факторов), провоспалительный эффект жировой ткани на д. п. и высокую частоту коморбидности [44, 45]. Ожирение часто утяжеляет течение астмы, особенно на фоне имеющихся нарушения дыхания во сне и ГЭРБ [46–48]. При ожирении часто развивается не Т-2-эндотип воспаления д. п., малочувствительный к лечению ICS. Ожирение оказывает не только негативное влияние на контроль астмы, но и в ряде случаев симулирует появление псевдоастмы (так как изменения ФВД будут похожими на таковые при БА) [49, 50]. Хотя ожирение и связано с метаболическими

нарушениями, однако метаболический синдром не ассоциирован с развитием БА.

Точный диагноз ТБА и идентификация, связанная с ней коморбидность, их адекватное лечение очень важны для пациентов с наличием тяжелой резистентной симптоматики к лечению высокими дозами ICS и LABA, не получающих быстрого положительного ответа на эту терапию. Если поставлен диагноз ТБА и лечение не контролирует течение болезни, то следующий этап – проведение детального дифференциального диагноза, в ходе которого необходимо исключить следующие альтернативные заболевания (иногда тесно связанные с этой астмой):

- аспирин-непереносимость (с которой обычно ассоциированы полипоз носа и хронический риносинусит) и обостряемая аспирином болезнь д. п. (встречается у 4–10 % астматиков); непереносимость аспирина, наличие хронического полипозного риносинусита и приступов одышки формируют «аспириновую» БА, при которой в ряде случаев эффективным будет проведение десинтизации к аспирину;

- АБЛА (гиперчувствительная патология д. п.) – выявляется у ~2 % больных ТБА и возникает в случае колонизации д. п. спорами аспергиллы; АБЛА может заметно ухудшать состояние больных и проявляться похожей на астму симптоматикой (свистящими хрипами), рецидивами субфебрильной лихорадки, недомоганием, кашлем с коричнево-зеленой вязкой мокротой (способной закупоривать мелкие бронхи), иногда с прожилками крови; АБЛА подозревается при наличии типичных клинических и рентгенологических (быстро мигрирующих инфильтратов в легких) признаков или проксимальных бронхоэктазов на КТ, разделенных гифов с острым разветвлением в просвете бронха, заполненном мокротой при проведении бронхоскопии, а также очень высокого уровня общего IgE (> 1000 ед./л) и специфических IgG к аспергилле (с немедленной кожной реакцией на нее) или ее положительной культуре [51, 52];

- гиперчувствительный пневмонит – это похожий на астму синдром, при котором отсутствуют типичные клинические, лабораторные и визуальные показатели; трансбронхиальная биопсия помогает поставить этот диагноз [53];

- синдром Чарджа-Стросса – о нем следует думать при наличии симптоматики ТБА; высокой эозинофилии в крови (> 10 %), которая может резко уменьшаться при лечении OCS; мигрирующих паренхиматозных инфильтратов в легких; хронических синуситов и тяжелой нейропатии; в начальный период болезни нередко имеются только симптомы астмы, резистентной к назначаемым ICS, а системный васкулит долгое время не проявляется, и только со временем, когда появляются внелегочные васкулиты (на коже, в ЖКТ, почках и ЦНС), диагноз ТБА исключается [54]; при подозрении на синдром Чарджа-Стросса показано исследование

кожно-мышечного лоскута (в нем определяются внесосудистые эозинофильные инфильтраты);

- поражение д. п. на фоне имеющейся аутоиммунной патологии – так, вовлечение д. п. в системную иммунную патологию встречается в ~5 % случаев при ревматоидном артрите или СКВ и до 40 % – при болезни Крона и язвенном колите;

- саркоидоз – может сопровождаться сухим кашлем, умеренными болями в грудной клетке, субфебрилитетом, слабостью, ночной потливостью, снижением веса, а также расширением корней легких (за счет увеличения внутригрудных узлов) и появлением очаговых теней на рентгенограммах легких;

- дисфункция голосовых связок – проявляется внезапными и быстро исчезающими приступами одышки, свистящими хрипами и дисфонией, а также отсутствием эффекта от применения бронхолитиков; наличие этой патологии определяется посредством прямого исследования гортани и анализа петли объема потока вдоха;

- приступ одышки, обусловленный ФН, – может инициировать тяжелый персистирующий бронхоспазм, при котором прием ингибиторов лейкотриена может снижать выраженность симптоматики.

Пациенты, страдающие ТБА, имеют существенный риск быстрого падения ОФВ₁ (связанный с частыми обострениями, применением OCS и возрастом), рецидивирующих обострений, появления побочных эффектов в ходе терапии CS и летальности (которая гораздо выше в сравнении с контролируемой БА) [55–57]. Высокая летальность обычно ассоциируется с плохим контролем ТБА и наличием тяжелой бронхообструкции. Отмечено [58], что пациенты, длительно принимавшие OCS, имели более частую коморбидность: СД, ожирение, остеопороз, АГ, катаракту и диспепсический синдром и др. (что в определенной степени обусловлено системным действием OCS), чем больные с более легкой по течению БА.

Использование инвазивных методик (например, биопсии легкого) у пациентов с ТБА не является общепринятым методом. В ряде исследований [59–62] выявили наличие патологических изменений в мелких бронхах и легочной паренхиме при ТБА (определенных схем воспаления, колонизации/инфицирования д. п. атипичными микробами, грибами или их сочетание). Селекция астматиков для проведения биопсии идет по двум направлениям: диагностика ТБА или ее исключение, а также получение информации об ее фенотипах.

Так, астматик с атипичной симптоматикой на КТВР легких (с паренхиматозными изменениями, массивной «ловушкой воздуха или матовым стеклом»); высоким уровнем эозинофилов и FeNO (несмотря на лечение высокими дозами OCS); низкой DLCO (< 70 % от должных значений); наличием ауто-АТ, АНКА, СКВ-коагулянта, ревматоидного фактора, семейного анамнеза аутоиммунной патологии и неясным дифференциальным диагнозом,

а также с СS-зависимостью – реальный кандидат для проведения биопсии легкого [63], причем только треть СS-зависимых больных ТБА имели показания к проведению биопсии легкого.

Сейчас в клинической практике наблюдается сдвиг от диагностики формы БА – к выявлению ее различных фенотипов (базовой патофизиологии). Под фенотипами такой гетерогенной патологии, как ТБА, понимают определенные кластеры патофизиологических и клинических характеристик, обусловленные взаимодействием генов пациента с окружающей средой [3, 64]. Фенотипы могут быть: клиническими, физиологическими и лабораторными. Фенотипы ТБА связаны с генетическими факторами, временем начала БА и ее длительностью, частотой обострений, наличием хронического риносинусита и характерными изменениями параметров воспаления [65–67]. Фенотипирование астматиков не включает патофизиологические механизмы формирования ТБА [68, 69].

Проведение фенотипирования пациентов, страдающих ТБА, позволяет распределить их по соответствующим подгруппам, что в последующем облегчает проведение персональной таргетной терапии. Со временем фенотип БА может меняться под влиянием факторов окружающей среды, аллергенов, сезонных изменений, респираторной инфекции и терапии ИС.

Важное значение для фенотипирования ТБА имеют характерные изменения биомаркеров, указывающие на наличие эозинофильного воспаления Т-2 типа в д. п.: повышение числа эозинофилов в крови/мокроте (особенно, если оно сохраняется в течение нескольких недель на фоне терапии ОС) и уровня FeNO. Сегодня нет единой точки зрения на разные виды фенотипов, что вызвано отсутствием для их большинства достаточно специфичных биомаркеров. Пока единственный объективный критерий – наличие или отсутствие эозинофилии. Индуцированная мокрота лучше информирует о воспалительном процессе в д. п. (эозинофильном или нейтрофильном). Хотя уровень FeNO также коррелирует с эозинофилией д. п., эта ассоциация недостаточно информативна.

Согласно отчету GINA (2019), выделяют следующие фенотипы ТБА:

- аллергический – болезнь часто начинается в детстве и связана с прошлой и/или семейной историей аллергических заболеваний (атопический дерматит, экзема, аллергический ринит, аллергия на пищу и ЛС); в мокроте этих астматиков до лечения СS часто определяется эозинофилия (также типична и эозинофилия д. п.); они обычно хорошо отвечают на терапию ИС;

- неаллергический – регистрируется у взрослых (начало позднее – после 15 лет), не связан с аллергией; характер воспаления д. п. может быть разным: эозинофильным (доминирует), нейтрофильным, смешанным или малогранулоцитарным, поэтому терапия ИС у этих астматиков не всегда

эффективна; дополнительно отмечают: хронический риносинусит, полипоз носа, непереносимость аспирина и частая персистирующая эозинофилия; последняя – наиболее важная характеристика этого фенотипа, коррелирующая с тяжестью болезни, фиксированной бронхообструкцией, частотой обострений и госпитализаций;

- поздно возникшая астма, которая у отдельных пациентов (чаще женщин) впервые развивается уже во взрослом возрасте; аллергия обычно отсутствует; для контроля симптоматики требуются высокие дозы ИС (поскольку эти астматики нередко являются относительно резистентными к такой терапии);

- с фиксированной бронхообструкцией (формирующейся вследствие ремоделирования д. п.) у пациентов с длительным анамнезом астмы;

- с наличием ожирения и появлением ТБА уже во взрослом возрасте и с часто выявляемой выраженной респираторной симптоматикой (не связанной с эозинофильным воспалением д. п.).

В исследовании U-BIOPRED [70, 71] определены другие фенотипы ТБА: 1) поздно начавшаяся с наличием курения (в анамнезе или в настоящее время), бронхообструкции и гиперэозинофилии крови; 2) возникшая у некурящих с наличием хронической бронхообструкции и необходимости лечения высокими дозами ОС; 3) развившаяся у женщин с ожирением и частыми обострениями, но с нормальной ФВД, причем из первой (эозинофильной) группы > 50 % пациентов имели ТБА, у 15 % было нейтрофильное воспаление д. п. и только у 12 % определялось смешанное нейтрофильно-эозинофильное воспаление. В 3-й группе (вероятно, сформированной из разных клинических фенотипов) чаще отмечались полипоз носа, большее снижение легочной функции и частое использование ОС.

В триале SARP [72, 73] выделены свои три клинических кластера ТБА, различавшихся по времени начала астмы у взрослых, аллергической сенсibilизации, ФВД и коморбидности: 1) пациенты с рано начавшейся аллергической БА и низкой величиной ОФВ₁; 2) больные (преимущественно женщины с ожирением) с поздним началом неаллергической БА и частыми обострениями; 3) поздний дебют болезни с наличием фиксированной тяжелой бронхообструкции и необходимостью ежедневного приема ОС.

Рано начавшаяся ТБА характеризуется наличием аллергической сенсibilизацией и ее семейного анамнеза [23, 74], тогда как поздний дебют болезни нередко ассоциируется с женским полом, снижением ОФВ₁, персистирующим эозинофильным воспалением д. п., полипозом носа, хроническим риносинуситом и непереносимостью аспирина [72, 75, 76]. Астма, начавшаяся в детстве и во взрослом возрасте, существенно отличаются по триггерам обострения, патофизиологии, коморбидности и тяжести проявлений. Полагают [3], что

эти признаки могут не пересекаться. Как правило, БА протекает у взрослых тяжелее, с короткими ремиссиями и часто не связана с аллергией, по сравнению с астмой в детском возрасте [77, 78]. Если генетический риск играет большую роль в развитии детской БА, то у взрослых ее течение определяется в большей степени влиянием внешних факторов и определенных иммунных механизмов. Так, взрослые пациенты, страдающие ТБА, имеют более высокие ИМТ и уровни биомаркеров Т-2-воспаления.

Курение и факторы внешней среды также способствуют формированию ТБА [79, 80]. Кроме того, ожирение, курение и действие поллютантов ассоциированы с чувствительностью к терапии СС [81–83]. Обострения ТБА чаще отмечаются у пациентов с наличием коморбидности: хронического риносинусита, ГЭРБ, рецидивирующей респираторной инфекции, обструктивного ночного апноэ, гиперчувствительности к грибам и др. [84, 85].

С точки зрения патофизиологии выделяют две группы больных с ТБА: 1) эозинофильную (ЭТБА), несмотря на длительное лечение ИС; 2) эозинофил-негативную с преимущественно нейтрофильной инфильтрацией эндобронхиальной ткани [6, 86]. Хотя в патогенезе ТБА эозинофилия д. п. играет большую роль, но она не всегда коррелирует с тяжестью болезни (широко варьируя при разных уровнях ее тяжести) и менее важна, чем другие маркеры воспаления д. п. (такие, как нейтрофилы).

Эндотипы ТБА (молекулярная основа фенотипа) – это подтипы болезни, определяемые индивидуальными функциональными или патофизиологическими механизмами. Один эндотип может лежать в основе нескольких клинических фенотипов, причем нередко отмечается перехлест между ФР, фенотипами и эндотипами астмы. Как генетические факторы, так и таковые внешней среды способствуют риску появления ТБА и взаимодействуют сложным путем с биологическими процессами в организме и эндотипами болезни. Они пока изучены недостаточно, что затрудняет их использование в клинической практике.

После диагностики ТБА проводят ее клиническое фенотипирование, прежде всего определяют наличие Т-2-воспалительного статуса. Его патогенетическая природа гетерогенная, а механизмы, лежащие в его основе, обусловлены доминированием Th2-лимфоцитарного ответа с высвобождением цитокинов ИЛ-4, -5 и -13 (вариант аллергической ЭТБА) или с высокой активностью врожденных лимфоидных клеток 2 типа (ILC2), участвующих в формировании аллергической астмы (с ранней аллергической реакцией) или неаллергической ЭТБА (с поздним развитием эозинофилии) [87]. При Т-2-эндотипе формируется неконтролируемое эозинофильное воспаление д. п. (разной степени выраженности) в зависимости от влияния эндогенных и экзогенных факторов. Это может определять неоднородность ответа на проводимое лечение больных этой ТБА, возможно, из-за имеющих

различий в ее сложных патофизиологических признаках (которые недостаточно отражают применяемые в настоящее время биомаркеры Т-2-типа).

Биомаркеры – объективные индикаторы биологических и патогенетических процессов, идущих при ТБА. Определение их уровня имеет следующие цели [3, 88]: выяснение ее патофизиологии (верификация эндотипа), уточнение тяжести болезни и ее прогноза, выбор специфической биологической терапии и оценка предполагаемого фармакологического ответа на проводимое лечение СС. Так, биомаркеры Т-2-типа воспаления, определяемые Th2-цитокинами, характеризуются высокими: числом эозинофилов в крови или мокроте (> 150 клеток/мкл и/или ≥ 2 % соответственно), уровнем FeNO (≥ 24 ppb) и общего IgE, позволяющими поставить диагноз ЭТБА. При этом не отмечено [6] существенной корреляции Т-2-биомаркеров с уровнем IgE.

Эозинофилия мокроты (число клеток 2–3 %) и крови (≥ 300 кл/мкл) – дополнительный чувствительный биомаркер эозинофильного воспаления д. п., а также критерий эффективности проводимой терапии у взрослых пациентов, страдающих ТБА. Повышенный уровень эозинофилов в мокроте обычно снижался в ходе лечения ОКС и повышался при снижении дозы ИС [89–91].

Выявление в общем анализе крови гиперэозинофилии ($> 0,3 \times 10^9/\text{л}$) указывает на Т-2-воспалительный статус, эозинофильный фенотип астмы и необходимость последующего проведения таргетного лечения (причем на фоне применения ОКС нельзя реально оценить эозинофильный статус пациента). Высокий уровень эозинофилов в крови ($\geq 0,4 \times 10^9/\text{л}$) отмечался у 1/2 астматиков, лечившихся СС [92], и коррелировал с таковым в мокроте (≥ 3 %) у 95 % пациентов, тогда как их низкое значение ($< 0,1 \times 10^9/\text{л}$) ассоциировалось с отсутствием эозинофилии д. п.

При ТБА часто отмечается повышение уровня FeNO (другого биомаркера Т-2-воспаления) вследствие роста активности индуцированной NO синтазы в эпителии д. п. при их воспалении [93]. Его повышенный уровень (> 24 ppb) указывает на активность Т-2-цитокинов (ИЛ-4, -13) на фоне неконтролируемого Th2-эозинофильного воспаления д. п. при аллергической ЭТБА, а также больных, которые будут отвечать на лечение СС и целевую биологическую терапию анти-Т-2 ЛС.

Рост концентрации FeNO коррелировал с тяжелой коморбидностью и обструкцией д. п. (и снижением ее обратимости), увеличением числа эозинофилов в мокроте, плохой приверженностью к лечению, периодическими воздействиями значимых аллергенов, а также с более частым стационарным лечением [94]. В ходе лечения ТБА высокими дозами ИС уровень FeNO обычно снижается [95], а сохранение его стабильно высокими цифрами (> 24 ppb), несмотря на агрессивную терапию ИС (и особенно ОКС), как правило, указывает на СС-зависимую

ТБА [96, 97]. На концентрацию этого биомаркера также влияют возраст, курение и атопия [98–100]. Вместе с тем уровни FeNO, эозинофилов в периферической крови и IgE могут сильно варьировать и характеризуются невысокой диагностической ценностью [101].

В патофизиологии ТБА важны два основных иммунных механизма воспаления д. п.: тип Т-2 и не-Т-2, каждый из которых не является однородным (базируясь на разных патофизиологических механизмах) и имеет различную активность специфических биомаркеров. Вероятно, Т-2-механизмы воспаления могут сосуществовать и взаимодействовать с таковыми не Т-2, приводя к комплексным патофизиологическим сдвигам.

Эндотип Т-2 объединяет большое количество пациентов с неконтролируемой ТБА (с аллергическим или неаллергическим вариантом) и верифицируется по высокому уровню Th2-биомаркеров иммунного ответа, наличию низкой обратимости обструкции д. п. и умеренному повышению эозинофилов в крови и д. п., тогда как высоковоспалительный (Н) эндотип Т-2 характеризуется гиперэозинофилией крови и мокроты, повышением FeNO, заметным повреждением эпителия д. п. и рецидивирующими обострениями. Он выявлялся при ТБА у $\approx 70\%$ больных, получавших большие дозы ICS, и $\approx 40\%$ пациентов, имевших симптоматику, несмотря на комбинированное лечение ICS с OCS. Выявлена существенная ассоциация между Т-2-эндотипом и резистентностью к CS терапии [102].

Персистирование высокого уровня Т-2-биомаркеров, несмотря на лечение OCS, подразумевает поиск другой патологии (синдром Чарджа-Стросса, аутоиммунное поражение д. п. при ревматоидном артрите, болезни Крона, язвенном колите и др.) [103]. Большая часть больных ТБА имеют признаки Т-2-эндотипа [63], но причина его доминирования не ясна. Показано, что не все пациенты с наличием этого эндотипа отвечали на целевую биологическую терапию (с моноклональными АТ против ИЛ-5, -13). Хотя верификация Т-2-эндотипа и предполагает последующий хороший ответ на лечение CS, но его могут определять и дополнительные клинические признаки, включая возраст появления симптоматики (который коррелировал с ее разными клиническими характеристиками) [23, 104].

Точное фенотипирование пациентов, получающих OCS, иногда может потребовать снижение их дозы и последующую переоценку имеющейся симптоматики (важно отметить, появится ли ее ухудшение). Кроме того, оценка цитокин-связанных биомаркеров Т-2-эндотипа (FeNO, IgE, эозинофилы в крови и мокроте) используется для предсказания ответа на целевое биологическое лечение моноклональными АТ против ИЛ-4, -5 и -13.

Не-Т-2-эндотип, управляющий патофизиологией нейтрофильной ТБА (посредством Th-1- и Th-2-лимфоцитов), выявляется реже и менее очерчен.

При нем повышение Т-2-биомаркеров не определяется. В ключевых механизмах данного эндотипа определенную роль играют повышение уровней ИЛ-6 и интерферона- γ , нарушения митохондриально-оксидативной фосфорилизации, регуляции ряда липидных медиаторов и числа НК-клеток [14].

Структура не-Т-2-эндотипа включает [105–107]: нейтрофильное воспаление д. п. и нейтрофилию мокроты, особенно в период обострения; повышение СРБ, а также активацию: врожденных лимфоидных клеток, ИЛ-17, интерферона- γ (контролирующего внутриклеточную инфекцию и аутоиммунитет) и ФНО- α (определяющегося в высокой концентрации в биоптатах бронхов астматиков) - на фоне отсутствия эозинофильного воспаления д. п. При этом динамика выраженности нейтрофилии мокроты может отражать ответ на проводимое лечение. Так, у отдельных пациентов с низкой ФВД в мокроте сохранялось повышенное содержание нейтрофилов, несмотря на применение максимальных доз бронхолитиков, что, вероятно, связано с наличием более тяжелого фенотипа астмы [108].

Нейтрофилия мокроты (особенно в период обострения) также коррелировала с выраженностью ТБА, чувствительностью к CS, хронической бронхообструкцией и частотой обострений [108]. Но рост нейтрофилов в д. п. также мог быть обусловлен действием респираторной инфекции, воздушных загрязнителей или приемом CS [109]. Так, после снижения дозировки ICS часто возникал и рост числа нейтрофилов в мокроте.

Преобладание изолированного нейтрофильного воспаления д. п. при не-Т-2-эндотипе вызывает их структурные изменения – ремоделирование стенки бронха, в том числе и за счет увеличения массы гладких мышц [109]. Это коррелирует с ростом числа бокаловидных клеток, по сравнению с ресничками (способствуя избыточной продукции вязкой мокроты, закупоривающей мелкие бронхи), формированием субэпителиального фиброза в стенке бронха (из-за отложения коллагена и протеогликанов) [110–112] и утолщением базальной мембраны (БМ) [74, 113]. Вышеназванные изменения благоприятствуют росту жесткости д. п. и большей тяжести бронхообструкции.

Вероятно, пациенты с не-Т-2-эндотипом, требующие постоянного приема OCS, имеют либо более сложный вариант ТБА, либо ее у них нет. Поэтому у этой категории больных необходимо выявить возможные состояния или болезни (например, периодические аспирации или аутоиммунные поражения д. п.), при которых появляется резистентная респираторная симптоматика. Верификация диагноза в данном случае нередко требует проведения морфологического исследования [63].

ТБА включает следующие патофизиологические фенотипы [68]:

- эозинофильный (число эозинофилов в мокроте $> 3\%$), формируется при Т-2-эндотипе как при аллергической, так и неаллергической форме;

- нейтрофильный (число нейтрофилов в мокроте > 61 %) при не-T-2-эндотипе;
- смешанный (число эозинофилов в мокроте > 3 %, а нейтрофилов > 60 %);
- малогранулоцитарный (нормальное число эозинофилов и нейтрофилов).

Аллергический фенотип ТБА (ассоциированный с эозинофилией д. п.) выявляется у ≈ 70 %. Основу его иммунных нарушений составляет преобладание Th2-иммунного ответа, развивающегося в нижних д. п. в ответ на действие значимого аллергена. При этом дендритные клетки запускают трансформацию наивных Т-клеток в активированные Th2 CD4⁺-клетки, секретирующие цитокины Th2-профиля (которые стимулируют IgE-опосредованные реакции гиперчувствительности в д. п.), активируя и поддерживая воспалительный процесс в слизистой бронхов, а также ремоделирование их стенки. Так, ИЛ-5 (являющийся важным фактором развития и поддержания эозинофильного воспаления д. п.) определяет конечную дифференциацию эозинофилов и их активацию в д. п., контролируя рекрутинг, пролиферацию, созревание предшественников эозинофилов в костном мозге, их активацию, выживаемость и выход в кровь.

ИЛ-13 индуцирует переключение секреции IgM β -клетками на IgE; способствует выживанию тучных клеток, усиливает ремоделирование стенки бронхов и проницаемость их эпителия, а также повышает активность NO-синтазы в эпителии, метаплазию бокаловидных клеток и ГРБ. Важную роль в последующем развитии аллергического воспаления играет и ИЛ-4, который стимулирует переключение продукции Ig β -клетками на синтез IgE (специфических к значимому аллергену) и экстравазацию эозинофилов через эндотелий сосудов.

Показано, что рано начавшаяся ТБА (обычно до 18 лет) ассоциировалась с генетическими дефектами, наличием аллергической симптоматики, ростом числа эозинофилов в крови и мокроте, повышением специфических IgE к аллергенам внешней среды (что предполагало ответ данного пациента на терапию CS) и наличием астмы в анамнезе у близких родственников. Ее начало связано с разными клиническими характеристиками, несмотря на похожие изменения Т-2-биомаркеров [114, 115]. Ассоциация этой ТБА с полипозом носа, атопическим дерматитом (составными частями «атопического марша») не совсем ясна.

Поздно возникшая ТБА может быть как связанной, так и не связанной с Т-2-воспалением. Нередко у таких больных (особенно имеющих ожирение) она ассоциировалась с низким уровнем Т-2-воспаления и аллергических (IgE) биомаркеров крови. Заметное различие между ранним и поздним дебютом ТБА по симптоматике (несмотря на имеющийся рост аллергических биомаркеров) предполагает наличие у них разных основополагающих молекулярных механизмов.

ЭТБА может быть аллергической, неаллергической и смешанной. Так, для последней, имеющей сочетание патогенетических особенностей выше-названных эндотипов, характерны: эозинофильное воспаление д. п. (как аллергического, так и неаллергического генеза), появление ее в детстве, прогрессирование с возрастом, наличие персистирующей эозинофилии крови и мокроты, хронического полипозного риносинусита [115].

Поздняя ТБА с наличием Т-2-Н-эндотипа коррелировала с выраженным воспалением д. п., «ловушкой воздуха» на КТ легких, эозинофилией, назальным полипозом, хроническим риносинуситом, частыми обострениями, необходимостью постоянного приема ОCS для поддержания контроля болезни (CS-зависимостью) и в меньшей степени с непереносимостью аспирина [116], причем эти астматики на таргетную терапию моноклональными АТ против ИЛ-4 отвечали лучше, чем больные с ранним дебютом ТБА.

Показано [117], что более 1/4 случаев ТБА относятся к поздней ЭТБА (а среди астматиков с неконтролируемым ее течением частота этого эозинофильного фенотипа еще выше). Поздний дебют ЭТБА характеризуется более высоким уровнем общего IgE (но без дополнительной сенсибилизации к частым ингаляционным аллергенам); большим падением ОФВ₁; наличием полипоза носа, непереносимости к аспирину, хронического риносинусита и «воздушных ловушек», причем рост числа эозинофилов в БАЛ, слизистой бронхов и периферической крови коррелировал с плохим контролем симптомов, частыми обострениями болезни, нарушениями ФВД. И напротив, при поддержании низкого числа эозинофилов отмечалось меньшее число обострений болезни и госпитализаций.

ЭТБА запускается цитокинами эндотипа Т-2 с образованием Th2-хелперов и реже врожденными лимфоидными клетками. Избыточное эозинофильное воспаление д.п. – одна из определяющих причин неконтролируемого течения ТБА. Каскад воспалительных событий, вызванный Т-2-цитокинами, приводит к ГРБ, обструкции бронхов, их ремоделированию (с увеличением толщины БМ) и гиперсекреции мокроты [2]. В силу этих причин при ЭТБА регистрируется более тяжелое и неконтролируемое течение (отмечались частые обострения и быстрое снижение легочной функции) нередко с недостаточным ответом на стандартное лечение ICS.

При ЭТБА (несмотря на регулярное применение адекватных доз ICS) отмечается повышение числа эозинофилов в биоптатах д. п., мокроте и периферической крови, что часто коррелирует с плохим контролем астмы и склонностью ее к обострениям [104]. Так, аллергическая ЭТБА встречается чаще в детстве, формируясь на аллергической основе (повышен уровень IgE), с периодическими воздействиями значимого экзоаллергена (одного из главных триггеров воспаления д. п.). К сожалению

нию, на практике этим астматикам часто трудно избежать контакта с рядом аэроаллергенов (например, с клещом домашней пыли с или пылью).

Эозинофильный фенотип ТБА проходит через весь спектр ее тяжести и может быть даже при легкой – средней тяжести болезни. Выявлено, что у взрослых, страдающих ТБА, эозинофильный фенотип имеет доминирующее значение (определялся у $\approx 60\%$ астматиков в Англии). Его выявление весьма важно, поскольку эти пациенты имеют высокий риск приступов и повторной госпитализации. Дополнительно у пациентов с ЭТБА, в отличие от неэозинофильной ТБА, чаще верифицировались: ожирение, коморбидность и более высокие дозы принимаемых ICS, что коррелировало с большей частотой последующих негативных событий [117, 118]. Так, ЭТБА обычно появляется у больных старше 20 лет, причем началу болезни в 1/4 случаев может предшествовать симптоматика хронического риносинусита и полипоза носа (нередко при этом нарушается обоняние). Полипозная хроническая риносинусопатия часто комбинируется с рецидивирующей респираторной инфекцией, непереносимостью аспирина, сенсibilизацией к стафилококкам и повышенным синтезом лейкотриенов.

Неаллергическая ЭТБА часто возникает поздно на фоне наличия нормального уровня IgE, полипоза носа и непереносимости аспирина. При ней идет трансформация воспалительного ответа в направлении, определяемом медиаторами (ФНО- α и интерфероном- γ), высвобождающимися из Th1-клеток. Дополнительная активация ILC2 обеспечивает выработку ряда цитокинов Т-2-профиля (ИЛ-5, -9, и -13), что объясняет наличие эозинофилии крови и д. п. у этих пациентов. При этом не требуется воздействие значимого аллергена, так как синтез важных для эозинофильного воспаления цитокинов идет в ответ на высвобождение аларминов из поврежденного эпителия бронхов, в том числе и под влиянием аллергенов (например, домашней пыли) и неспецифических триггеров (вирусов, поллютантов и курения) [119].

Неэозинофильная ТБА (доминируют нейтрофилы, находящиеся в фазе активации, а их число коррелирует со степенью повреждения д. п.) – фенотип, плохо отвечающий на традиционное лечение высокими дозами ICS [120–122]. Эти астматики не имеют Т-2- опосредованного эозинофильного воспаления (преобладают нейтрофилы в биоптатах д. п.).

При ТБА восстановление поврежденного эпителия нарушается, как следствие, воспаление д. п. становится хроническим [123, 124]. В ходе ответа на хроническое повреждение д. п. подлежащая мезенхима выделяет многочисленные факторы роста, необходимые для заживления повреждения. Результирующая коммуникация между эпителием и мезенхимой приводит к повышенному отложению внеклеточного матрикса, фиброзу и пролиферации гладких мышц бронхов [125]. Сложное взаимодействие между эпителием, мезенхимой

и медиаторами воспаления Th-2-типа стимулирует прогрессирование астмы посредством увеличения хронического воспаления д. п. и ремоделирования стенки бронха, причем этот процесс может идти самостоятельно, он не зависит от первоначального воспаления [123]. Эпителий д. п. отвечает на воздействие внешних стимулов (аллергенов, поллютантов или инфекции), что способствует привлечению и/или активации клеток (дентритных, тучных, лимфоидных), вовлеченных во врожденный и приобретенный иммунный ответ [125]. Это приводит к «оркестровке» воспаления д. п. и механизмов, которые обуславливают патофизиологию и эндотипы ТБА [126]. Хотя клиническая нечувствительность к CS (небольшое улучшение ПСВ $< 15\%$ от исходного уровня после 7–12 дней лечения 30 мг преднизолона) – редкость среди астматиков (1 на 1000), почти половина больных ТБА недостаточно отвечают на лечение CS [127–129]. Так, несмотря на лечение OCS половина пациентов с ТБА имела высокие: частоту неконтролируемой БА и обострений, уровень FeNO, число эозинофилов в мокроте, встречаемость полипоза носа, а также резистентность к CS [130]. После лечения триамценолоном у большей части этих пациентов отмечен лишь незначительный ответ (согласно динамике ОФВ₁, числу эозинофилов в мокроте и FeNO), отражающий степень нечувствительности к CS [131].

Снижение чувствительности к ICS и OCS (играющее важную роль в формировании ТБА), вероятно, обусловлено многими факторами [127]: изменением экспрессии CS, генетическими дефектами в структуре рецептора для CS или ненормальной транслокацией ядра в нем, снижением продукции противовоспалительных факторов, действием Th-2-зависимых цитокинов, активацией митоген-активированной протеин-киназы и фактора транскрипции интерферона- γ . Сигаретный дым, бактериальная инфекция, ожирение и дефицит витамина D также коррелировали с резистентностью к лечению CS [127, 128].

Целевая биологическая терапия ЭТБА анти-ИЛ-5 ЛС (мепомолизумабом), анти-ИЛ-5R ЛС (бенрализумабом) или анти-ИЛ-4 ЛС (дупилумабом) позволила снизить дозу принимаемых OCS (на 50 %) у многих из этих CS-зависимых пациентов [132]. Все это указывало на определенную роль Т-2-цитокинов в развитии CS нечувствительности. Вероятно, как эндотипы Т-2, так и не Т-2 могут быть основой развития резистентности к терапии CS при ТБА.

Плохая приверженность к лечению у ряда пациентов ТБА не может полностью объяснить ее тяжесть. Наличие Т-2-воспалительного эндотипа и позднее развитие БА предполагает лучший ответ на терапию CS и дополнительно выявляет тех пациентов, у кого лечение Т-2-эндотипа таргетными биологическими ЛС будет эффективным, а также у тех, у кого может быть польза от терапии малыми

дозами OCS (в случае невозможности такой биологической терапии).

Вероятно, ТБА с обострениями, по крайней мере, до применения Т-2-биологической терапии, имеет характеристики фенотипа с исходной гиперэозинофилией в крови и мокроте. Он коррелировал с большим снижением ОФВ1 и ростом уровня ИЛ-6 в крови, который также ассоциировался с различными клиническими характеристиками ТБА: ее склонностью к обострениям и наличию ожирения, уровнем СРБ и нейтрофилов в крови, ИМТ и возрастом.

Пока не совсем ясно, способствует ли развитию ТБА системное воспаление в дополнение к измененному Т-2-иммунитету. Так, показано, что пациенты со смешанной иммунной патологией и высоким уровнем биомаркеров могут иметь «очень бедный» эндотип Т-2-L. Причем у многих из них был семейный или персональный анамнез наличия сопутствующей аутоиммунной патологии.

Менеджмент ТБА начинают с ее верификации. Если подозревается ТБА, а при спирометрии не выявлено нарушений, необходимо дополнительно провести бронхопровокационный тест (с метахолином) для регистрации ГРБ.

Дополнительные элиминация триггеров и лечение коморбидности могут существенно улучшить клинические проявления имеющейся ТБА. Так, практика показывает, что причинами ее формирования могут быть: персистенция триггеров (оно может быть не частым и не явным), плохое лечение и приверженность к нему (они – нередкие причины летального исхода). Часто этими персистирующими (многолетними) триггерами являются домашние аллергены, поэтому их выявление (или знание их спектра) и последующая элиминация (или избегание их) весьма важны. Иногда элиминация источника аллергенов (например, кота из квартиры) на практике может быть трудной вследствие наличия эмоциональных препятствий, особенно у одиноких пожилых пациентов. При курении необходим отказ от него, а при наличии аллергических реакций следует уменьшить воздействие значимых агентов или применить биологическую целевую терапию (например, моноклональные АТ против IgE или ИЛ-4). Пациенты с наличием полипоза носа нередко плохо переносят аспирин, поэтому им в ряде случаев проводят десенситизацию аспирином, что нередко дает улучшение симптоматики.

Ухудшить течение ТБА способен и любой невыявленный профессиональный аллерген, а избегание его в ряде случаев может сопровождаться ухудшением экономического и социального статуса пациента (например, если он работает в семейной хлебобулочной пекарне или вынужден продолжать работать в зоне действия причинного аллергена из-за боязни потерять рабочее место).

Неудачи в лечении коморбидности, связанной с ТБА, часто исключают ее клиническое улучшение, несмотря на проводимую интенсивную ингаляцион-

ную терапию. Так, выраженное ожирение (ИМТ > 37) обычно коррелирует с потерей контроля за болезнью и плохим КЖ, более частыми обращениями за медицинской помощью и госпитализациями, а также меньшим ответом на терапию СС. Резкое снижение веса у этих пациентов (в ряде случаев с использованием бариатрической операции, уменьшающей объем желудка) – весьма эффективный способ, позитивно влияющий на контроль ТБА.

Нарушение дыхания во сне также является важной проблемой астматиков с ожирением и часто коррелирует с плохо контролируемой БА. Оксигенотерапия с постоянно положительным давлением в д. п. улучшает контроль болезни, хотя при этом изменений в ФВД и ГРБ не отмечалось. При наличии предполагаемого нарушения дыхания во сне должна быть проведена полисомнография.

Врач должен помнить, что у многих пациентов с поздней неаллергической ТБА и фиксированной бронхообструкцией рутинно регистрируется бессимптомный хронический риносинусит и полипоз носа (важные триггеры астмы), своевременное их выявление и лечение (назальными спреями с СС, антигистаминными ЛС и курсами антибиотиков) заметно улучшают контроль болезни и ФВД.

У пациентов с ТБА часто выявляется ГЭРБ. Но, к сожалению, у большей части этих астматиков нет типичной ее симптоматики, а назначение ингибиторов протонной помпы часто не приводило к улучшению ее контроля. Тем не менее для пациентов, имеющих симптомы ГЭРБ, рекомендуется изменение образа жизни и диеты, соблюдение осторожности при глотании и фармакологическое лечение данной патологии. Если у астматика регистрируют фоновую аутоиммунную патологию, назначают иммуносупрессивные ЛС.

Значительная часть больных ТБА сенсibilизированы к грибкам (АБЛА – типичный пример этого), но без колонизации д. п. Выявление сенсibilизации к грибкам важно, так как можно получить улучшение состояния астматика после проведения противогрибкового лечения. АБЛА лечится, как и БА, но с добавлением OCS, начиная с преднизолона в дозе 0,75 мг/кг веса, с последующим снижением дозы. Дополнительно проводится противогрибковая вспомогательная терапия (интраконазолом) в случае повторных обострений ТБА.

Важно также проверять регулярность приема большими ЛС и соблюдение их дозировки. Так, ряд пациентов принимают антиастматические ЛС нерегулярно или в меньших дозах, чем те, которые им рекомендовал врач, поэтому простой анализ выписанных рецептов на ЛС пациентам позволяет выявить таковых, не принимающих их постоянно. Дополнительно требуется оценить другие принимаемые ЛС (особенно безрецептурные), способные ухудшить течение болезни.

Больные ТБА должны постоянно наблюдаться врачом: необходимо каждые 2–4 недели посещать этих астматиков на дому, прежде всего начавших

интенсивное лечение или снизивших дозу антиастматических ЛС, причем спирометрия (при помощи микроспирометров) должна проводиться: при любом визите к такому пациенту (особенно при потере контроля за БА) и каждый год, независимо от уровня контроля болезни (хотя это может быть недостаточно часто при ТБА).

Начальное пошаговое фармакологическое лечение ТБА базируется на ее тяжести и контроле. Показано [133], что в ходе ее стандартного лечения только в $\approx 50\%$ случаев достигается хороший контроль. Обычно для контроля за ТБА (имеющей меньшую чувствительность к СС) применяют высокие дозы ICS (низкие дозы – малоэффективны): бекламетазон ≥ 2000 мкг; будезонид ≥ 1000 мкг; циклезонид ≥ 320 мкг; флутиказон пропионат ≥ 1000 мкг, с контролерами (LABA) и/или короткими курсами OCS. СС действуют на д. п. посредством влияния на транскрипцию генов ядра клеток, их функционирование и высвобождение из них медиаторов. Вероятно, высокие дозы ICS не способны проникать в малые д. п., что обуславливает разницу в Т-2-экспрессии генов в проксимальных и дистальных бронхах. СС также не влияют на ремоделирование стенки бронхов и течение болезни.

Известно, что применение средних доз ICS с последующим их повышением до высоких может только несколько улучшить контроль ТБА, но не снижает частоту обострений [3]. Тем не менее проба с назначением ICS в высокой дозе рекомендуется с оговоркой, что, если получен слабый позитивный ответ на нее, в последующем дозу ICS снижают до средней. В случае, если контроль не достигается, дополнительно назначают теофиллин или монтелукаст. Если и эта комбинация не дала контроля, «наслаивают» OCS (преднизолон). Многие астматики с персистирующей эозинофилией нуждаются в лечении небольшими дозами OCS для поддержания контроля ТБА [134, 135]. Несмотря на такое ее комбинированное лечение врачи вынуждены нередко дополнять его биологической целевой терапией.

Отмечено, что $\approx 75\%$ пациентов ТБА получают высокие суточные дозы ICS (≥ 1200 мкг при переводе на бекламетазон), из них 55% в комбинации с LABA. На фоне применения этих высоких доз ICS выявлялись (136): резистентность к двойной терапии ($y \approx 10\%$ пациентов), неконтролируемое течение (в 80% случаев), не полностью обратимая бронхообструкция ($y \approx 75\%$ пациентов), а также повышенный уровень маркеров эозинофильного воспаления д. п. ($y \approx 60\%$).

Пока нет доказательств, что применение сверхвысоких доз ICS способствует лучшему контролю ТБА (улучшению качества жизни (КЖ) и ОФВ₁), поскольку большая часть клинического эффекта наблюдается при применении низких и средних доз ICS [137]. Кроме того, такое агрессивное лечение СС может ассоциировать с появлением побочных системных эффектов: подавлением функции над-

почечников, утончением кожи, эксхимозами, снижением плотности костной ткани, формированием катаракты и глаукомы [138, 139].

В ходе базисной терапии ТБА проводится оптимизация ингаляционного лечения, поскольку плохая техника ингаляций и приверженность к лечению являются частыми причинами формирования ее неконтролируемого течения [32]. Так, астматику должна быть показана правильная техника пользования ДИ, с ее последующей неоднократной проверкой. Если эта техника неправильная (это особенно часто отмечается у пожилых с выраженной энцефалопатией), то следует назначить другой путь введения ЛС (например, в небулайзере) или применить «умные» ДИ, регистрирующее время и процесс пользования ими. Иногда требуется заменить ДИ на таковой с экстрамелким порошком ЛС (средний размер частиц 1–3 мкм), что повышает отложение его частиц в мелких бронхах и позволяет лучше контролировать ТБА.

Интенсивное лечение SABA (по потребности) и LABA существенно улучшает контроль ТБА и снижает частоту ее обострений [140, 141], но передозировка этих β_2 -агонистов (β_2 -АГ) приводит к нежелательным последствиям: потере их эффекта и росту ГРБ. Резкий отказ от регулярного приема β_2 -АГ приводит к рикошетному бронхоспазму в результате фармакологической зависимости пациента [142, 143]. Полиморфизм β_2 -адренорецепторов бронхов может играть определенную роль в плохом ответе на проводимое интенсивное лечение SABA и LABA.

Длительное применение LABA может быть связано с появлением побочных эффектов, включая повышения риска тяжелых обострений и летальности, особенно если LABA не комбинируется с ICS. Хотя сейчас имеются ДИ с комбинацией в них LABA и ICS, все же необходимо: тщательное соблюдение инструкции по их применению, а также наблюдение за астматиками для предотвращения появления у них вышеназванных побочных эффектов [144]. В настоящее время широко назначаются β_2 -АГ сверхдлительного действия (индакатерол, олодатерол, вилантерол), не требующие частого приема.

В ряде случаев альтернативой LABA могут быть антихолинергики длительного действия (LAMA) при ТБА, поскольку парасимпатическая нервная система контролирует тонус бронхов (посредством бронхоконстрикции за счет опосредованного высвобождения ацетилхолина из МЗ-рецепторов в гладких мышцах бронхов) и эффекты бронходилататоров [38, 145], в то время как LABA вызывают такой же эффект, но за счет стимуляции β_2 -рецепторов в гладких мышцах бронхов.

LAMA вызывают бронходилатацию посредством ингибирования мускариновых рецепторов. Включение LAMA (тиотропиума) в комплексную терапию (ICS + LABA) также помогало в ряде случаев: большему улучшению функции легких (росту ОФВ₁), снижению (на 20–30%) частоты обострений и доз, применяемых ICS и LABA, увеличению вре-

мени до появления следующего обострения, по сравнению с двойной терапией (ICS + LABA), но при этом контроль симптоматики не всегда заметно улучшался [146]. Показано [147], что двойную терапию получали $\approx 65\%$ астматиков, а тройную – менее 15% . У пациентов, принимавших LABA в небулайзере, отмечено повышение риска летальности от сердечно-сосудистых причин. Это указывает на необходимость соблюдения осторожности при назначении LABA больным ТБА, особенно с наличием высокого сердечно-сосудистого риска [148].

На завершающем этапе оценивается эффективность проводимого лечения, если нужно (это зависит от контроля симптоматики), его оптимизируют. Так, у пациентов с ТБА ежедневный прием преднизолона может комбинироваться вместе с целевой биологической терапией болезни. Через 3–6 месяцев проводится повторный осмотр пациента для верификации наличия у него ТБА. Если она остается хорошо контролируемой, то лечение уменьшается на одну ступень шкалы GINA, но если при этом у больного возобновляется симптоматика (или развивается обострение болезни), выставляется диагноз ТБА.

Специфическая иммунотерапия при ТБА имеет только теоретическое значение вследствие того, что часто не выявляется причинный аллерген или у астматика имеются полисенсibilизация с неясной ассоциацией между действием аллергена и симптоматикой; заметно снижено ОФВ₁ (для иммунотерапии необходим ее уровень $> 70\%$ от должной величины). Клинические исследования по применению этого метода при ТБА отсутствуют.

Цель лечения ТБА – снижение дозы принимаемых OCS или ICS (оказывающих противовоспалительный эффект). При необходимости (если нет контроля за ТБА или он теряется при снижении дозировки антиастматических ЛС) OCS назначаются в течение более 6 месяцев в году. Нередко у пациентов, страдающих ТБА, контроль не достигается даже при ежедневном приеме OCS.

Хотя большая часть больных ТБА отвечает на терапию OCS (особенно в высоких дозах), при этом могут возникать кратковременные и долговременные (дозо- и времязависимые) побочные эффекты (остеопороз, АГ, катаракта и миопатия и др.) [3]. Поэтому в ходе длительной терапии OCS также должны контролироваться связанные с ней проявления коморбидности. Так, следует мониторировать: плотность костной ткани (денситометрией), а при ее снижении проводить соответствующую коррекцию, а также метаболические последствия применения OCS (например, неалкогольных жировой гепатоз). В ходе длительного лечения ТБА нужно снижать OCS до минимально эффективной дозы. Классическая CS-сберегающая терапия (включающая препараты золота, метотрексат и циклофосфамид) не получила применения из-за ограниченного эффекта и выраженного побочного действия [149, 150].

Наличие эозинофилии мокроты (как предиктора предполагаемой чувствительности к терапии CS) помогает корректировать дозу ICS и OCS, достигая минимально эффективной в ходе лечения [151]. Наоборот, низкий уровень эозинофилов в мокроте указывает на незозинофильный фенотип ТБА, на который лечение OCS влияет мало. По мере расширения применения таргетной биологической терапии при ТБА с использованием моноклональных АТ опора на длительное лечение OCS уменьшается, особенно при раннем (еще до начала применения OCS) назначении такой целевой биологической терапии. В ходе дополнительного лечения моноклональными АТ против ИЛ-5 или ИЛ-5R доза OCS может заметно снижаться (а иногда их прием вообще отменяют) [132, 152].

Резистентная к лечению ТБА – гетерогенная патология, требующая специфической терапии на базе индивидуального подхода и фенотипирования болезни (посредством оценки уровня биомаркеров Т-2-воспаления). При отсутствии коморбидности и явных триггеров необходимо провести оценку возможного применения дополнительных лечебных опций. Так, верификация характера воспалительного процесса в д. п. (особенно доминирующего Т-2-эндотипа) способствовала успешному внедрению в схемы лечения моноклональных АТ против разных мишеней воспалительного Т-2-эндотипа (определяющего аллергический и эозинофильный фенотипы ТБА).

После верификации аллергического фенотипа ТБА (с конкурентной сенсibilизацией и повышенным уровнем IgE) назначается целевое лечение против специфических мишеней Т-2-воспаления – анти-IgE ЛС на фоне высоких доз ICS и LABA [37]. Анти-IgE-терапию омализумабом (комплексирует со свободным IgE) обычно назначают пациентам с ранним дебютом аллергического фенотипа ТБА; верифицированной связью неконтролируемой симптоматики с воздействием круглогодичных аллергенов; персистирующими обострениями на фоне лечения высокими дозами ICS + LABA; многолетней сенсibilизацией к аэроаллергенам; высоким уровнем общего IgE (> 300 МЕ/мл) и числом эозинофилов в крови (≥ 300 кл/мкл) и мокроте. Показано [153], что у умерших пациентов с этим фенотипом во время тяжелого приступа астмы выявлялся рост экспрессии высокоафинных IgE-поверхностных рецепторов на тучных клетках и базофилах. Это указывало на то, что эти пациенты находились в зоне высокого риска IgE-опосредованных реакций и тяжелых обострений.

Дополнительная анти-IgE-терапия омализумабом у вышеназванных пациентов позволяет снизить (на 50%) частоту тяжелых обострений на фоне применения высоких доз ICS и/или OCS, визитов к врачам и дозы принимаемых LABA, ICS и OCS, а также существенно улучшить контроль болезни и КЖ (но при этом отмечалось только небольшое улучшение ФВД) [154–156]. В целом такое ком-

плексное лечение было безопасным, хорошо переносилось и существенно улучшало симптоматику больных, страдавших ТБА.

Омализумаб обычно назначается каждые 2–4 недели с осмотром пациента через 2 ч после инъекции [157]. Исходный уровень общего IgE не предсказывал ответ на лечение омализумабом, но когда астматики с этим фенотипом ТБА были распределены на подгруппы (согласно изменениям биомаркеров), было выявлено большее снижение частоты обострений у тех, кто имел умеренное повышение IgE и Т-2-биомаркеров. Данных по эффективности длительного лечения (несколько лет) омализумабом пока нет [158, 159].

У ряда пациентов ТБА не отмечено эффекта от Т-2-целевой терапии, что, вероятно, указывает на сложное взаимодействие Т-2 и не Т-2-патологических эндотипов [14]. Без пробного лечения омализумабом заранее предположить трудно, кто из астматиков будет отвечать на терапию им или не отвечать. Он не показал себя эффективным при обострении БА и не играл заметной роли при купировании острого бронхоспазма [3]. Если в ходе терапии им не отмечено улучшения в течение 4 месяцев, не следует его ожидать в последующий период. Хотя и сейчас омализумаб применяется в основном для лечения экзогенной ТБА, он может быть эффективным у пациентов с эндогенной ТБА (без доказательств наличия аллергии).

Одним из патогенетических направлений терапии ЭТБА является подавление активности эозинофилов (играющих важную роль в распространении воспаления д. п.), провоспалительный потенциал которых реализуется посредством ИЛ-зависимого пути. Так, биологическая целевая терапия с фокусом на анти-ИЛ-5 и анти-ИЛ-5R ЛС (меполизумаб, реслизумаб и бенрализумаб) позволяет блокировать пути влияния ИЛ-5 (способствующего созреванию эозинофилов и их транзиту из костного мозга в системную циркуляцию) [3]. Меполизумаб и реслизумаб – моноклональные АТ, связывающие ИЛ-5, и тем самым предотвращающие повышение его уровня и появление последующих негативных эффектов, связанных с эозинофилами [160]. Так, показано [161–163], что лечение меполизумабом снижало частоту обострений астмы у пациентов с постоянной эозинофилией в мокроте (эозинофильным воспалением д. п.) и дозу принимаемых СС. Целевая терапия реслизумабом астматиков с гиперэозинофилией мокроты и крови также улучшала ФВД и КЖ [164].

Бенрализумаб действует на рецептор ИЛ-5 (посредством АТ-зависимой клеточно-опосредованной цитотоксичности), что вызывает апоптоз эозинофилов и базофилов. Это ЛС назначают пациентам с неконтролируемой ТБА, частыми обострениями и наличием эозинофилии крови (> 300 кл/мкл) [165].

Дупилумаб (анти-ИЛ-4R ЛС), соединяясь с рецептором ИЛ-4, приводил к блокаде эффектов Т-2-цитокинов и снижению привлечения эозино-

филов в д. п., продукции IgE, гиперплазии бокаловидных клеток (и выделение мокроты), ремоделирования д.п. (уменьшалась пролиферация гладких мышц и отложения коллагена) [160]. Показано [166, 167], что дополнительное применение дуплимаба уменьшало частоту обострений у пациентов с неконтролируемой ТБА и у пациентов, имеющих высокий уровень Т-2-биомаркеров (эозинофилия крови ≥ 150 кл/мкл), а также дозу принимаемых СС у СС-зависимых пациентов [152].

ЭТБА часто переплетается с неэозинофильной. Так, у 1/3 больных ТБА выявлялись оба этих фенотипа, указывая на то, что у них можно использовать биологическое лечение с моноклональными АТ против ИЛ-5 или IgE (но не ясно какое из них будет лучше).

Пока нет специфической биологической терапии для Т-2-Л-эндотипа (с низким уровнем Т-2-биомаркеров), т. е. для нейтрофильной ТБА с наличием ремоделирования стенки бронхов и резистентности к лечению СС. При отсутствии повышенного уровня Т-2-биомаркеров вовлечение других клеток могло быть триггером пролиферации В-клеток. Имеющаяся бронхообструкция на фоне низкого уровня Т-2-биомаркеров может быть улучшена посредством добавления LAMA к проводимому лечению (ICS + LABA). Но пока нет доказательств, что это включение LAMA будет полезным для астматиков с гиперэозинофилией.

Пациенты, страдающие ТБА, чаще переносят инфекцию д. п. (вирусы, атипичные микробы), которая поддерживает ГРБ, ускоряет ремоделирование д. п. и утяжеляет течение болезни. Показано, что патологическая микробиома (включая синегночную палочку и энтеробактерии) нередко ассоциировалась с ТБА [168]. ERS/ATS рекомендуют назначать макролиды коротким курсом (не длительно) для снижения частоты обострений БА на 5-й степени лечения у пациентов с сохранением персистирующей симптоматики или неконтролируемой ТБА. Хотя в настоящее время нет специальных опций для лечения неэозинофильной ТБА, полагают, что дополнительная терапия азитромицином является эффективным средством лечения пациентов, имеющих низкое число эозинофилов в крови ($< 0,2 \times 10^9$ /л) на фоне частых обострений болезни и отсутствия терапии СС.

Применение макролидов в лечении неэозинофильной ТБА обусловлено их антибактериальным, антинейтрофильным и иммуномодуляторным действием. Так, длительное лечение азитромицином снижало нагрузку гемофильной палочки на д. п., но других изменений в бактериальной нагрузке не отмечалось. Персистирующая респираторная инфекция (микоплазма, хламидия пневмония) также может способствовать большей тяжести БА, поэтому лечение этой инфекции макролидами способствует улучшению ее контроля у ряда пациентов.

В ряде исследований не отмечено достоверного снижения частоты обострений ТБА при лечении макролидами, тогда как другие авторы

показали [169, 170], что лечение азитромицином в течение 3 недель в высоких дозах (0,25 г 3 р/сут) снизило (на ~50 %) частоту обострений при умеренно-тяжелой БА и незозинофильной ТБА (но не у больных, имеющих ЭТБА). Неясно, что обеспечивает эффективность макролидов при ТБА – их антибиотическое действие или противовоспалительный эффект. Вероятно, перед началом проведения биологической терапии в группах астматиков с разными Т-2-эндотипами (Н и L) следует провести пробное лечение макролидами [6].

Появление резистентности к макролидам – нередкий феномен, возникающий в ходе длительного лечения (которое также ограничено риском гепатотоксичности), поэтому следует мониторировать клинический статус и анализы крови в этих случаях [6]. Длительная терапия макролидами также имеет побочные эффекты: ототоксичность и удлинение интервала QT.

Аллерген-специфическая иммунотерапия может назначаться больному, если имеется выявленный респираторный аллерген. Но при ТБА имеется высокая опасность того, что анафилактические реакции на иммунотерапию могут негативно влиять на уже нарушенную функцию легких.

Учитывая, что при ТБА психологическая оценка пациента часто коррелирует с его симптоматикой, ведение опросников (ACT, ACQ) самим больным помогает врачу лучше оценить тяжесть болезни, ощущаемую пациентом. Дополнительно (как и при других заболеваниях) психические нарушения (депрессия) могут осложнять течение БА. Обучение больного должно стать частью его менеджмента, он должен иметь письменный или электронный симптомозависимый план действий при ухудшении течения ТБА. Так, при возникновении неконтролируемого состояния пациент должен начать принимать OCS.

Полагают, что наиболее эффективным методом лечения ряда больных незозинофильной ТБА и не отвечающих на комплексную терапию (ICS + LABA + LAMA) будет проведение термопластики д. п. (реальный механизм ее неясен), в ходе которой

снижают массу гладких мышц бронхов с фиксированным утолщением стенки бронха (посредством внутрибронхиальной радиочастотной абляции специальным катетером). После выполнения этой процедуры у пациентов с ТБА улучшались ФВД и КЖ, уменьшались ГРБ и симптоматика в последующие годы, но через 10 лет отмечался рост числа бронхоэктазий [112, 171, 172]. В целом, несмотря на пользу применения при ТБА термопластики гладких мышц стенки бронхов, она проводится редко.

У пациентов, страдающих аллергической ЭТБА, используют также методику фильтрации воздуха в жилом помещении (посредством высокоэффективных фильтров), что снижает аллергическую нагрузку на астматика, находящегося в постели или при вставании с нее. Имеются сообщения [173] об успешном лечении ТБА высотой. Так, многие астматики чувствуют себя лучше в горах, поскольку в этом климате резко падает уровень домашней пыли, спор грибков и внешних поллютантов. Кроме того, на высоте облегчается работа дыхательного аппарата (из-за меньшей плотности газов), а также отмечается большее воздействие УФО (обладающего иммуномодуляторным эффектом). Периодическая реабилитация в горах может быть опцией эффективного лечения больных ТБА (независимо от ее фенотипа), имеющих неконтролируемую астму на уровне моря, несмотря на максимальное ее лечение.

Таким образом, ТБА – это гетерогенная болезнь, которая должна лечиться персонализировано. Главное в ее менеджменте – верификация диагноза, лечение коморбидности, элиминация триггеров и оптимизация приверженности к лечению. Дополнительными опциями терапии ТБА являются включение LAMA, омализумаба (или других моноклональных АТ), макролидов, а также проведение реабилитации этих астматиков.

Со списком литературы (173 источника) можно ознакомиться в редакции.

Поступила 15.03.2023

ВИТАМИНЫ ГРУППЫ В В ЛЕЧЕНИИ ДОРСОПАТИЙ: МИЛЬГАММА®

А.В. Хапалюк*

Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

*Контактная информация. Тел.: +375 29 674 97 74, e-mail: akhapa@tut.by

GROUP B VITAMINS IN THE TREATMENT OF DORSOPATHY: MILGAMMA®

A.V. Khapaliuk*

Belarusian Medical Academy of Postgraduate Education, Minsk

*Corresponding author. Tel.: +375 29 674 97 74, e-mail: akhapa@tut.by

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

витамины группы В, дорсопатия, ноцицептивная и нейропатическая боль, лечение, Мильгамма®

Приводятся клинические доказательства эффективности витаминов группы В (B_1 , B_6 и B_{12}) в лечении ноцицептивной и нейропатической боли. Обсуждаются механизмы анальгетического эффекта данной группы витаминов, установленные в экспериментальных исследованиях. Представлены результаты некоторых клинических исследований применения комбинированного препарата витаминов B_1 , B_6 и B_{12} Мильгамма® в лечении боли в спине.

KEYWORDS

B group vitamins, dorsopathy, nociceptive and neuropathic pain, treatment, Milgamma®

Clinical evidence of the effectiveness of B vitamins (B_1 , B_6 and B_{12}) in the treatment of nociceptive and neuropathic pain is presented. The mechanisms of the analgesic effect of this group of vitamins, established in experimental studies, are discussed. The results of some clinical studies of the use of the combined preparation of vitamins B_1 , B_6 and B_{12} Milgamma® in the treatment of back pain are presented.

Боли в спине в течение жизни испытывает практически каждый человек. Около 20 % взрослого населения страдают от периодически повторяющихся болей в спине длительностью от трех дней и более. Обычно такой эпизод оказывается относительно кратковременным, однако у 30 % пациентов в последующем развивается хронический болевой синдром [1].

Боли в спине могут быть неспецифическими, т.е. связанными с поражением суставов (фасеточные, крестцово-подвздошные), с напряжением мышц (мышечно-тонические синдромы, миофасциальный болевой синдром); радикулярными, обусловленными компрессией нервных корешков грыжей диска, и специфическими, связанными с онкологическими процессами, инфекционными заболеваниями, переломами позвонков, спондилоартритом и т.д.

В Международной классификации болезней десятой редакции (МКБ-10) вся патология позвоночника и формирующих его структур (за исключением травм) указана в рубрике «Дорсопатии» (M40–M54). Дорсопатии – это группа заболеваний костно-мышечной системы и соединительной ткани, ведущим симптомокомплексом которых является боль в спине и конечностях невисцеральной этиологии (дорсалгия). Термин «дорсопатия»

объединяет всю нетравматическую вертебральную патологию, в том числе болевые синдромы, воспалительные и невоспалительные поражения позвоночника, его приобретенные деформации и др. – иными словами, множество различных расстройств, представляющих собой отдельные нозологические формы или синдромы.

В русскоязычной литературе исторически в качестве наиболее частой причины дорсопатий рассматривается остеохондроз позвоночника. Остеохондроз позвоночника – это дегенеративно-дистрофический процесс позвоночно-двигательного сегмента, первично поражающий межпозвонковый диск, а вторично – тела смежных позвонков, связочного аппарата позвоночника и нервную систему. Изначально хрящ, находящийся между позвонками вследствие больших нагрузок, возрастных изменений, нарушений микроциркуляции теряет эластичность, высыхает, становится более плотным, а впоследствии хрупким; строго говоря, это и есть остеохондроз. Остеохондроз сам по себе не может вызывать болей, так как хрящи, кости и спинной мозг не имеют болевых рецепторов. Кроме того, остеохондрозные разрастания не могут повредить или «защемить» корешки и нервы, поскольку за пределами спинномозгового канала корешков нет, а внутри него корешки

легко перемещаются в спинномозговой жидкости и таким образом уходят от сдавливания. В связи с этим следует иметь в виду, что непосредственным проявлением остеохондроза является ограничение подвижности позвоночника. Другими словами, остеохондроз – это морфологический термин, означающий старение межпозвоночного диска. В то же время «позвоночник» – это не только позвонки, диски, суставы, связки, это еще и сложно иннервируемые мышцы данного органа. Это значит, что при патологии позвоночно-двигательных сегментов соответствующие изменения в нервной системе во всех случаях будут вертеброгенными, поэтому появление неврологической симптоматики при остеохондрозе, прежде всего связанной с раздражением болевых нервных окончаний, расположенных в мягких тканях позвоночника, практически обязательно [1, 2].

При дорсопатиях боль в спине имеет ноцицептивную или нейропатическую природу, либо сочетание ноцицептивного и нейропатического компонентов. Ноцицептивная боль связана с механическим раздражением болевых рецепторов в тканях (связках, мышцах, сухожилиях и др.) при интактности других отделов нервной системы. Нейропатическая боль – боль, возникающая за счет органического поражения или дисфункции различных отделов нервной системы, ответственных за контроль и проведение боли (периферический и спинальный отделы, ствол мозга, таламус, кора головного мозга).

На первом месте по частоте встречаемости стоят остеохондрозные поражения пояснично-крестцового (60–80 %), на втором – шейного (около 10 %) отдела позвоночника. Клинически остеохондроз позвоночника проявляется в виде рефлекторного (в 90 % случаев) и компрессионного (в 5–10 % случаев) синдромов. При образовании в результате дегенеративных изменений в позвоночнике грыжи межпозвоночного диска и компрессии нервного корешка возникает радикулярная нейропатическая боль.

Раздражения болевых рецепторов (ноцицепторов) мышц, суставов или связок в результате реализации одного или нескольких патологических факторов и сопровождаются рефлекторной блокировкой соответствующего позвоночного двигательного сегмента за счет напряжения мышц (в частности, поперечно-полосатых) с созданием мышечного «корсета». Мышечный спазм приводит к усилению стимуляции ноцицепторов самой мышцы, вследствие чего спазмированная мышца становится источником дополнительной ноцицептивной импульсации (так называемый порочный круг «боль – мышечный спазм – боль»). Следует отметить, что точную локализацию болевой афферентации при неспецифических болях в спине удается установить только в небольшом проценте случаев, гораздо чаще определить ее не удается. Трудно отличить боль, связанную с поражением конкрет-

ного сустава, от боли, обусловленной поражением мышц или сухожилий, относящихся к данному суставу. Обнаружение мышечного напряжения в каких-либо мышцах не исключает того, что это ответ на болевую афферентацию, исходящую из других анатомических структур.

Основными признаками радикулопатии при грыже межпозвоночного диска являются: односторонняя боль в ноге, преобладающая над болью в спине; «длинная» боль, распространяющаяся от поясницы до стопы и пальцев; наличие онемения и парестезий в определенных дерматомах; изменение (снижение или выпадение) соответствующих рефлексов; слабость в мышцах, иннервируемых определенными нервами (корешками); поражение не более чем двух корешков, но обычно одного корешка; симптом Ласега (при поражении корешков L5-S1); ограничение движения в позвоночнике; типичная боль в проекции пораженного корешка при пробах с повышением внутрибрюшного давления (кашель, чихание, сопротивление давлению на брюшную стенку), которая усиливается; боль, усиливающаяся в вертикальном положении и уменьшающаяся в горизонтальном [2, 3].

При болях в спине у пациентов обычно наблюдается сочетание ноцицептивных и нейропатических болей, причем частота выявления нейропатической боли намного превосходит частоту выявления корешковой компрессии. Такая высокая частота нейропатического компонента при болях в спине связана с тем, что не только прямая компрессия корешка спинномозгового нерва может вызывать нейропатическую боль, но и активные процессы ноцицептивного воздействия воспалительного процесса на корешок даже без компрессии приводят к развитию в нем изменений и появлению нейропатической боли [4].

Нередко причиной дорсопатий является миофасциальный болевой синдром. Миофасциальный болевой синдром развивается при активации ноцицепторов скелетных мышц и прилежающих к ним фасций. Суть миофасциального болевого синдрома заключается в том, что мышца страдает первично, а не вслед за морфологическими или функциональными нарушениями в позвоночнике. В патологический процесс может вовлекаться любая мышца и даже группа мышц. Одна из наиболее частых причин формирования миофасциального болевого синдрома – острое перерастяжение самой мышцы при выполнении «неподготовленного» движения. Однако он может развиваться и на фоне предшествующих рефлекторных мышечно-тонических синдромов, осложняя их течение. Миофасциальный болевой синдром может иметь самостоятельный (первичный) характер или наблюдаться в структуре любой вертеброгенной патологии. Часто причинами развития миофасциального болевого синдрома являются аномалии развития скелета с позными нарушениями и (или) избыточным напряжением ряда мышечных

групп вследствие развития различных деформаций позвоночника (сколиоз, кифоз), укорочения ноги, плоскостопия, асимметрии костей таза; слабости костно-связочного аппарата при остеопорозе и др. [5].

Традиционно для терапии болей в спине используют анальгетики, нестероидные противовоспалительные препараты (НПВП), мышечные и эпидуральные блокады. Достаточно эффективными в купировании острой боли оказались комбинированные витаминные препараты, содержащие тиамин (витамин В₁), пиридоксин (витамин В₆) и цианокобаламин (витамин В₁₂). Широкое применение комбинации тиамина, пиридоксина и цианокобаламина при ноцицептивных и нейропатических болях в спине пришло из практики, которая показала, что эти витамины в больших дозах действительно обладают анальгезирующими свойствами, а также способны усиливать обезболивающие эффекты при применении одновременно с анальгетиками или НПВП. Установлено значительное уменьшение интенсивности боли и парестезий на фоне лечения комплексом витаминов группы В у пациентов с болевыми синдромами и парестезиями, обусловленными полинейропатиями, невралгиями и радикулопатиями [6, 7].

С середины прошлого века во многих странах эту группу витаминов В даже стали рассматривать как анальгетики. Кроме того, клинический опыт показывает, что парентеральное использование комбинации тиамина, пиридоксина и цианокобаламина не только хорошо купирует боль, но и нормализует рефлекторные реакции, устраняет нарушения чувствительности [8, 9].

Хорошо известно, что витамины группы В в виде коферментов принимают активное участие в биохимических процессах, обеспечивающих нормальную функциональную активность различных структур нервной системы, влияя на многие процессы в нервной системе (обмен веществ, метаболизм медиаторов, передачу возбуждения). В связи с этим витамины группы В часто называют нейротропными витаминами.

Проведено много исследований, показавших клиническое улучшение при применении витаминов группы В у пациентов с острыми и хроническими болями в спине [1, 10, 11]. Получено много доказательств противоболевой эффективности каждого из витаминов группы В. При этом предполагают, что наиболее выраженный анальгетический эффект имеет витамин В₁₂ [9, 12]. Так, в рандомизированном контролируемом исследовании эффективности лечения внутримышечными инъекциями витамина В₁₂ в дозе 1000 мкг в течение 10 дней 60 пациентов с хроническими люмбаго и поясничными компрессионными радикулопатиями отмечено достоверное уменьшение интенсивности боли, оцениваемой по визуально-аналоговой шкале, по сравнению с плацебо, и улучшение двигательных функций [13].

Витамин В₆ в виде монотерапии наиболее часто используется в лечении боли при туннельных синдромах. Однако следует заметить, что пиридоксин в больших дозах может вызывать токсический эффект. В настоящее время для лечения синдрома запястного канала безопасной считается доза 200 мг/сут. При суточной дозе выше 500 мг рекомендуется проводить контроль его концентрации в крови в связи с возникновением риска сенсорной нейропатии [14–16].

Данные метаанализа 13 рандомизированных исследований тиамина при нейропатической боли с участием 741 пациента свидетельствуют, что большие дозы витамина способствуют уменьшению выраженности болей, парестезий, улучшению температурной и вибрационной чувствительности при хорошей переносимости тиамина [17].

Несмотря на клинически доказанную эффективность витаминов группы В при лечении болей в спине, полученную как эмпирическим путем, так и в доказательных клинических исследованиях, остается ряд неизученных вопросов. Из них самый важный: каков механизм анальгетического действия высоких доз витаминов группы В, в частности, при болях в спине?

Во многих работах подчеркивается, что как комбинация, так и отдельное применение витаминов В₁, В₆ и В₁₂ обладает анальгезирующим действием. Установлено, что витамин В₁₂ способен уменьшать высвобождение возбуждающего нейротрансмиттера глутамата в терминалях ЦНС. Комплекс витаминов группы В усиливает действие главных антиноцицептивных нейромедиаторов – норадреналина и серотонина [18, 19]. Ряд экспериментальных исследований показал наличие обезболивающего эффекта отдельных витаминов группы В и их комплексов при нейропатической боли [20, 21]. При сдавливании дорзального ганглия или наложении лигатуры на седалищный нерв вводимые интраперитонеально витамины В₁, В₆ и В₁₂ уменьшали температурную гипералгезию. Повторные введения витаминов группы В вызвали стойкое уменьшение температурной гипералгезии, причем комбинация витаминов группы В обладала синергическим эффектом при обеих моделях нейропатической боли.

В эксперименте на мышцах выявлено, что тиамин дозозависимо уменьшает острую и хроническую нейропатическую, и воспалительную боль [22]. Предполагается, что антиноцицептивное действие тиамина реализуется в том числе через снижение активности различных изоформ протеинкиназы С [23].

Тиамин нужен для биосинтеза ацетилхолина, является важнейшим компонентом системы проведения возбуждения в нервных волокнах, способствует процессу их регенерации, участвует в построении мембран нервных клеток и защищает их от токсического воздействия продуктов перекисного окисления [24–26].

Витамин B_6 обеспечивает синаптическую передачу, процессы торможения в центральной нервной системе, участвует в транспорте сфингозина, входящего в состав оболочки нерва, в синтезе катехоламинов. Выдвинуто предположение, что антиноцицептивный эффект комбинированного витаминного комплекса может быть обусловлен ингибированием синтеза и/или блокированием действия воспалительных медиаторов [27]. Показано, что комплекс витаминов группы В усиливает действие норадреналина и серотонина, главных антиноцицептивных нейромедиаторов.

Установлено, что активность ноцицептивных нейронов при стимуляции С-волокон седалищного нерва дозозависимо уменьшается на фоне инъекций витамина B_6 и комплекса витаминов B_1 , B_6 и B_{12} . В эксперименте на лабораторных крысах обнаружено подавление ноцицептивных ответов не только в заднем роге спинного мозга, но и в зрительном бугре [11]. Инъекции витаминов B_6 и B_{12} в большей степени уменьшали ноцицептивную активность, чем витамин B_1 .

Таким образом, экспериментальные исследования позволяют предположить, что анальгезирующий эффект витаминов группы В связан с торможением ноцицептивной активности в нейронах задних рогов и таламусе, усилением норадренергической и серотонинергической антиноцицептивной активности, ингибированием синтеза и/или блокированием действия воспалительных медиаторов, патогенетическим воздействием на механизмы нейропатического компонента боли [9, 10].

Во многих работах подчеркивается, что при лечении ноцицептивной, нейропатической и сочетанной боли в спине комбинация витаминов B_1 , B_6 и B_{12} более эффективна, чем монотерапия каким-либо из этих витаминов. В данном аспекте показательны исследования клинической эффективности Мильгаммы®, комбинированного препарата витаминов B_1 , B_6 и B_{12} компании Верваг Фарма (Германия). Мильгамма® выпускается в виде ампулированного раствора для инъекций и в форме драже. В ампуле содержится 2 мл раствора для инъекций следующего состава: 100 мг тиамин гидрохлорида, 100 мг пиридоксина гидрохлорида, 1000 мкг цианокобаламина гидрохлорида и 20 мг лидокаина гидрохлорида. 1 драже препарата Мильгамма® композитум содержит 100 мг бенфотиамин (жирорастворимого предшественника витамина B_1) и 100 мг пиридоксина гидрохлорида. Благодаря инновационным технологиям, в одной ампуле Мильгаммы® совмещены несколько действующих веществ, которые ранее традиционно вводились отдельно. Совместимость витаминов B_1 , B_6 и B_{12} в растворе достигается за счет наличия стабилизатора – гексацианоферрата калия, который диссоциирует на ион K^+ и комплексный ион $[Fe(CN)_6]^{4-}$. Последний предотвращает распад тиамин и раз-

рушение продуктами его распада других витаминов, входящих в состав раствора для инъекций препарата Мильгамма®. Следовательно, помимо эффективности и высокого качества, указанный поливитаминный комплекс имеет еще одно положительное свойство – удобство в применении: вместо трех внутримышечных инъекций достаточно одной.

Эффективность и безопасность комбинированного препарата Мильгамма® подтверждена в лечении острых болей в спине. Достоверное анальгетическое действие отмечается со второй инъекции. Эффект Мильгаммы®, препарата, не относящегося к анальгетикам, оказался сопоставимым с диклофенаком – «классическим» обезболивающим средством. В Мильгамме® комбинация витаминов группы В не является результатом обычного традиционного физиологического воздействия, что очень важно, поскольку еще встречается мнение, что применение витаминов группы В при острых болях – это обычная витаминотерапия, направленная на «укрепление нервной системы». Современные экспериментальные и клинические исследования витаминов группы В, напротив, сконцентрированы на подтверждении их как лекарственных средств с новыми механизмами действия, эффект которых проявляется при применении доз, значительно превышающих те, которые используются для лечения витаминной недостаточности [9, 28].

Высокие дозы витаминов группы В в составе препарата Мильгамма® способствуют достижению не только обезболивающего, но и нейропротекторного эффектов [10].

В ряде клинических исследований показано, что витамины группы В, в частности Мильгамма®, усиливают анальгетический эффект при одновременном их применении с диклофенаком при острых болях в спине, что дает возможность сократить сроки лечения и уменьшить дозировки диклофенака, снизив, таким образом, риск побочных явлений [27, 29–32].

Резюмируя имеющиеся в настоящее время экспериментальные и клинические данные об анальгетической, противовоспалительной и нейропротекторной эффективности препаратов витаминов группы В в высоких дозах, клинический опыт применения препаратов Мильгамма® при острых болях в спине, в том числе одновременно с НПВП, можно заключить, что препараты Мильгамма® и Мильгамма® композитум могут рассматриваться в качестве «препаратов выбора» в лечении боли при дорсопатиях. Наличие инъекционной формы препарата Мильгамма® дает возможность использовать ее в острых ситуациях, а наличие лекарственной формы драже – применять для длительной поддерживающей курсовой терапии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болевые синдромы в неврологической практике / под ред. В.Л. Голубева. М.: МЕДпресс-информ, 2010. 336 с.
2. Данилов А.Б. Алгоритм диагностики и лечения боли в нижней части спины с точки зрения доказательной медицины // Атмосфера. Нервные болезни. 2010; 4: 11–18.
3. Keim H.A., Kirkaldy-Willis W.H. Low back pain // Clin. Symp. 1980; 32 (6): 1–35.
4. Freynhagen R., Baron R. The evaluation of neuropathic components in low back pain // Curr. Pain Headache Rep. 2009;13 (3): 185–190.
5. Беляева И.Б., Мазуров В.И. Миофасциальный болевой синдром в практике клинициста: диагностика и лечение // Эффект. фармакотерапия. 2020; 16 (32): 8–14.
6. Мамчур В.И., Дронов С.Н., Жилуко В.И. Клинико-фармакологические аспекты применения комплексов витаминов группы В в терапии вертеброневрологических болевых синдромов // Здоровье Украины. 2009; 9: 60–61.
7. Eckert M., Schejbal P. Therapy of neuropathies with a vitamin B combination. Symptomatic treatment of painful diseases of the peripheral nervous system with a combination preparation of thiamine, pyridoxine and cyanocobalamin // Fortschr. Med. 1992; 110 (29): 544–548.
8. Шавловская О.А., Бокова И.А. Комбинированные витаминные препараты в терапии болевого синдрома // Эффект. фармакотерапия. 2022; 18 (15): 10–16.
9. Данилов А.Б. Применение витаминов группы В при болях в спине: новые анальгетики? // РМЖ. 2008; 16: 35–39.
10. Журавлева М.В., Ших Е.В., Махова А.А. Связь анальгетического и нейротропного эффекта на примере мильгаммы // Терапевт. архив. 2012; 84 (12): 131–134.
11. Вейн А.М. Болевые синдромы в неврологической практике. М., 1999. 365 с.
12. Строчков И.А., Ахмеджанова Л.Т., Солоха О.А. Применение высоких доз витаминов группы В в неврологии // Труд. пациент. 2009; 10: 17–22.
13. Mauro G.L., Martorana U., Cataldo P. et al. Vitamin B in low back pain: a randomised, double-blind, placebo-controlled study // Eur. Rev. Med. Pharmacol. Sci. 2000; 4 (3): 53–58.
14. Gdynia H.J., Muller T., Sperfeld A.D. et al. Severe sensorimotor neuropathy after intake of highest dosages of vitamin B₆ // Neuromuscul. Disord. 2008; 18 (2): 156–158.
15. Kasdan M., Janes C. Carpal tunnel syndrome and vitamin B₆ // Plast. Reconstr. Surg. 1987; 79: 456–458.
16. Spooner G.R., Desai H.B., Angel J.F. et al. Using piridoxone to treat carpal tunnel syndrome. Randomized control trial // Can. Fam. Physician. 1993; 39: 2122–2127.
17. Ang C.D., Alviar M.J., Dans A.L. et al. Vitamin B for treating peripheral neuropathy // Coch. Datab. Syst. Rev. 2008; 3: CD004573.
18. Hung K.L., Wang C.C., Huang C.Y. et al. Cyanocobalamin, vitamin B₁₂, depresses glutamate release through inhibition of voltage-dependent Ca²⁺ influx in rat cerebrocortical nerve terminals // Eur. J. Pharmacol. 2009; 602 (2–3): 230–237.
19. Wang S.J., Wu W.M., Yang F.L. et al. Vitamin B₁₂ inhibits glutamate release from rat cerebrocortical nerve terminals // Neuroreport. 2008; 19 (13): 1335–1338.
20. Dordian G., Aumaitre O., Eschaliere A. et al. Vitamin B₁₂, an analgetic vitamin? Critical examination of the literature // Acta Neurol. Belg. 1984; 84 (1): 5–11.
21. Jurna I. Analgetic and analgesia-potentiating action of B vitamins // Schmerz. 1998; 12 (2): 136–141.
22. Moallem S.A., Hosseinzaden H., Farahi S. A study of acute and chronic anti-nociceptive and anti-inflammatory effects of thiamine in mice // Iran. Biomed. J. 2008; 12 (3): 173–178.
23. Song X.S., Huang Z.J., Song X.J. Thiamine suppressed thermal hyperalgesia, inhibits hyperexcitability, and lessens alterations of sodium currents in injured, dorsal root ganglion neurons in rats // Anesthesiol. 2009; 110 (2): 387–400.
24. Воробьева А.А. Диабетическая нейропатия: некоторые вопросы распространенности, патогенеза и лечения // РМЖ. Неврология. Психиатрия. 2009; 11: 748–751.
25. Bettendorff L., Kolb H.A., Schoffeniels E. Thiamine triphosphate activates anion channels of large unit conductance in neuroblastoma cells // J. Membr. Biol. 1993; 136: 281–288.
26. Ba A. Metabolic and structural role of thiamine in nervous tissues // Cell. Mol. Neurobiol. 2008; 7: 923–931.
27. Franca D.S., Souza A.L., Almeida K.R. et al. B vitamins induce an antinociceptive effect in the acetic acid and formaldehyde models of nociception in mice // Eur. J. Pharmacol. 2001; 421 (3): 157–164.
28. Подчуфарова Е.В., Яхно Н.Н. Боль в спине. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 356 с.
29. Данилов А.Б. Витамины группы В в лечении острых болей в спине: миф или реальность? // Лечащий врач. 2007; 1–8.
30. Bruggemann G., Koehler C.O., Koch E.M. Results of a double-blind study of diclofenac + vitamin B₆, B₁₂ versus diclofenac in patients with acute pain of the lumbar vertebrae. A multicenter study // Klin. Wochenschr. 1990; 68 (2): 116–120.
31. Jurna I., Carlsson K.H., Komen W., Bonke D. Acute effects of vitamin B₆ and fixed combinations of vitamin B₆, B₁₂ on nociceptive activity evoked in the rat thalamus: dose response relationship and combinations with morphine and paracetamol // Klin. Wochenschr. 1990; 68 (2): 129–135.
32. Kuhlwein A., Meyer H.J., Koehler C.O. Reduced diclofenac administration by B vitamins: results of a randomized double-blind study with reduced daily doses of diclofenac (75 mg diclofenac versus 75 mg diclofenac plus B vitamins) in acute lumbar vertebral syndromes // Klin. Wochenschr. 1990; 8 (2): 107–115.

Поступила 27.06.2023

МОДЕЛИРОВАНИЕ ОСТРОГО РЕСПИРАТОРНОГО ДИСТРЕСС-СИНДРОМА С НАРУШЕНИЯМИ ГЕМОСТАЗА У КРЫС

М.А. Матлакова*, К.И. Павлов, Т.Г. Метелица, Г.А. Курклинская, Е.В. Чегодаева,
А.М. Наборовская, Л.М. Кундельская, Л.В. Бутько, Ж.А. Макаревич

Белорусский государственный медицинский университет, Минск

*Контактная информация. Тел.: +375 29 179 89 19, e-mail: matlakovam1998@gmail.com

MODELING OF ACUTE RESPIRATORY DISTRESS SYNDROME WITH HEMOSTASIS DISORDERS IN RATS

M.A. Matlakova*, K.I. Pavlov, T.G. Metelitsa, G.A. Kurklinskaya, E.V. Chegodaeva,
A.M. Naborovskaya, L.M. Kundelskaya, L.V. Butsko, J.A. Makarevich

Belarusian State Medical University, Minsk

*Corresponding author. Tel.: +375 29 179 89 19, e-mail: matlakovam1998@gmail.com

Острый респираторный дистресс-синдром – это острое диффузное повреждение легких, которое развивается как неспецифическая ответная реакция на поражение паренхимы различной этиологии. Адекватная оценка патогенеза и особенностей течения острого респираторного дистресс-синдрома, а также поиск новых методов лечения данной патологии – актуальные задачи современной медицины. Наиболее тяжелые варианты течения острого респираторного дистресс-синдрома связаны с нарушениями гемостаза различного характера. Настоятельно требуется получение новых знаний о ходе патологического процесса с использованием экспериментальных моделей. В статье приводится характеристика выполненных экспериментальных исследований по моделированию острого респираторного дистресс-синдрома у крыс, включающая клинические наблюдения, показатели общего анализа крови и гемостаза, исследование концентрации провоспалительных цитокинов.

KEYWORDS

acute respiratory
distress syndrome,
experimental study,
Wistar rats,
hemostasis

Acute respiratory distress syndrome is an acute diffuse lung injury that develops as a non-specific response to parenchymal damage of various etiologies. An adequate assessment of the pathogenesis and course of acute respiratory distress syndrome, as well as the search for new methods of treating this pathology, are urgent tasks of modern medicine. The most severe variants of the course of acute respiratory distress syndrome are associated with hemostasis disorders of a different nature. It is urgently required to obtain new knowledge about the course of the pathological process using experimental models. This article provides a description of the experimental studies performed on the modeling of acute respiratory distress syndrome in rats, including clinical observations, indicators of a complete blood count and hemostasis, and a study of the concentration of pro-inflammatory cytokines.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

острый респираторный
дистресс-синдром,
экспериментальное
исследование, крысы Wistar,
гемостаз

Введение. Моделирование внутрилегочных инфекций – редкая и технически сложная задача. Среди моделей пневмонии и респираторного дистресс-синдрома, описанных в научной литературе на лабораторных животных, следует отметить наиболее распространенные асептические модели (интратрахеальная инфузия и введение бактериальных липополисахаридов в легкие) [1, 2], и модели, индуцированные микроорганизмами (колонизация легких при внутриполостной инкуляции) [3]. В качестве метода моделирования респираторной инфекции нижних дыхательных путей в настоящее время

наиболее часто применяется интубация. Интубационная модель на животных позволяет воспроизвести в большинстве случаев инвазивный механизм легочной инфекции, однако в силу специфики не позволяет исследовать некоторые патогенетические механизмы. При этом в литературе не представлено моделей, сочетающих признаки нарушения гемостаза и повреждения паренхимы легких. При одновременном введении раствора бактериальных липополисахаридов и тромбопластин-кальциевой смеси воспалительный процесс начинается с интенсивной коагуляции иммунологического и сосудистого ти-

пов. На фоне этого процесса развиваются дистрофические и некротические изменения в тканях.

Материал и методы. Для исследований использовали крыс-самцов Wistar возрастом 10–12 недель массой тела в момент включения в эксперимент 200–220 г. Все манипуляции выполнялись животным, фиксированным эластичным зондом, наркотизированным тиопенталом натрия («Синтез», Российская Федерация) из расчета 45 мг/кг массы животного. Моделирование ОРДС осуществлялось с использованием бактериального липополисахарида (ЛПС) *E. coli* (Sigma-Aldrich, Израиль) и *Pseudomonas aeruginosa* (Sigma-Aldrich, Швеция). Непосредственно перед применением ЛПС растворяли во флаконе с использованием 0,9 % раствора хлорида натрия (ОАО «Невский завод медицинских препаратов», Республика Беларусь) из расчета 100 мг на 4 мл 0,9 % раствора хлорида натрия (25 мг/мл). Далее с целью внутрилегочного введения ЛПС наркотизированным животным в 6–8-е межреберье треугольника между лопаткой и грудным отделом позвоночника инсулиновым шприцем объемом 1 мл выполнялась инъекция 50 мкл приготовленного раствора липополисахарида (1,25 мг/животное). Для введения ЛПС использовано правое легкое животного. Раствор тромбопластин-кальциевой смеси («Технология-Стандарт», Российская Федерация) вводили в боковую вену хвоста в дозе 20 мг/кг. Исследования включали группу отрицательного контроля и три экспериментальные модели: модель 1 – животным выполняли внутрилегочную инъекцию ЛПС *E. coli* и выводили из опыта через 5 ч; модель 2 – животным выполняли внутрилегочную инъекцию ЛПС *Pseudomonas aeruginosa* и внутривенную инъекцию тромбопластин-кальциевой смеси и выводили из опыта через 5 ч; модель 3 – животным выполняли внутрилегочную инъекцию ЛПС *Pseudomonas aeruginosa* и внутривенную инъекцию тромбопластин-кальциевой смеси и выводили из опыта через 20 ч.

У животных исследовалась масса тела, а также легочный коэффициент (ЛК) – относительная масса легких. Исследования показателей гемостаза выполнены с помощью наборов производства «Технология-Стандарт». Для исследований методом иммуноферментного анализа (ИФА) использовалась сыворотка крови, применялись наборы ИФА для количественного определения D-димера у крыс, IL-6 у крыс и TNF- α у крыс (Wuhan Fine Biotech Co., Ltd., КНР). Исследования общего анализа крови, включавшие расширенное исследование тромбоцитарных показателей, выполнены на ветеринарном автоматическом гематологическом анализаторе 5-дифф. IVet-5, Norma Instruments Zrt. (Венгрия). Статистическая обработка и анализ результатов исследования осуществлялись с использованием табличного редактора Microsoft Office Excel и пакета программного обеспечения Statistica for Windows (version 10). Для принятия решений о различии

между выборками использовали р-уровень значимости. Если полученное эмпирическое значение $p \leq 0,05$, то нулевую гипотезу отвергали, характеристики распределений считали различными.

Исследования с использованием лабораторных животных одобрены Комитетом по биомедицинской этике БГМУ и выполнялись в соответствии с международными и принятыми в Республике Беларусь принципами и требованиями биоэтики (протокол № 12 от 12.04.2022).

Результаты и обсуждение. Клинические наблюдения после внутрилегочного введения во всех опытных группах выявили у животных одышку, временное боковое положение, единичные судороги, которые сохранялись 15 ч наблюдений. В течение последующих 15 ч у животных отмечены заторможенность, вялость, сохранялась выраженная одышка. Периодически крысы принимали боковое положение. У животных группы отрицательного контроля не выявлялась одышка, но в течение пяти часов после инъекции фиксировалась заторможенность. Крысы также периодически принимали боковое положение.

Макроскопический контроль легких крыс после введения ЛПС обоих типов позволил выявить морфологические изменения органа. Зафиксированы диффузные кровоизлияния по всей паренхиме легких и воспалительный процесс, захватывающий преимущественно правое легкое. Прочие органы не были подвержены изменениям. Значения показателя легочного коэффициента (ЛК) 0,722, 0,725, 0,787, 0,778 % и соответствующее количество его исследований 28, 18, 20, 9 соотносятся с группами отрицательный контроль, модель 1, 2 и 3 (табл. 1). Значение данного показателя у группы отрицательный контроль и группы модель 1 практически равны – коэффициент их сравнения равен 1,0 (100, 96 %) и меньше его значения у группы модель 2 в 1,1 раза (92 %), группы модель 3 в 1,1 раза (93 %). Статистическая значимость отличий для групп модель 1, 2 и 3 по сравнению с отрицательным контролем составляет $p = 0,9464$, $p = 0,1400$, $p = 0,3402$ соответственно.

Значения показателя тромбинового времени (ТВ) 43,9, 43,2, 54,8, 30,4 с и соответствующее количество его исследований 17, 5, 20, 9 соотносятся с группами отрицательный контроль, модель 1, 2 и 3. Значение данного показателя у группы отрицательный контроль больше его значения у группы модель 3 в 1,4 раза (69 %) и меньше, чем у группы модель 2 в 1,2 раза (80 %). Статистическая значимость отличий для групп модель 1, 2 и 3 по сравнению с отрицательным контролем составляет $p = 0,9400$, $p = 0,0486$, $p = 0,0481$ соответственно.

Значения показателя концентрации D-димера 211,8, 415,6, 364,7, 481,1 нг/мл и соответствующее количество его исследований 15, 9, 20, 5 соотносятся с группами отрицательный контроль, модель 1, 2 и 3. Значение данного показателя у группы отрицательного контроля меньше его значения у группы модель 1 в 2,0 раза (51 %) и группы модель 2 в 1,7 раза (58 %).

Значения показателя концентрации интерлейкина 6 (IL-6) 128,8, 428,2, 845,2, 106,7 пг/мл и соответствующее количество его исследований 15, 20, 9, 5 соотносятся с группами отрицательный контроль, модель 1 и 2. Значение данного показателя у группы отрицательный контроль меньше его значения у группы модель 1 в 3,3 раза (30 %) и группы модель 2 в 6,6 раза (15 %). Статистическая значимость отличий для групп модель 1, 2 и 3 по сравнению с отрицательным контролем составляет $p = 0,0031$ и $p = 0,0139$, $p = 0,0475$ соответственно.

Значения показателя концентрации фактора некроза опухолей α (TNF- α) 15,6, 32,4, 17,2, 6,0 пг/мл и соответствующее количество его исследований 25, 19, 16, 5 соотносятся с группами отрицательный контроль, модель 1, 2 и 3. Значение данного показателя у группы отрицательного контроля меньше его значения у группы модель 1 в 2,1 раза (48 %). Статистическая значимость отличий для групп модель 1, 2 и 3 по сравнению с отрицательным контролем составляет $p = 0,0019$, $p = 0,6429$, $p = 0,0050$ соответственно.

Таблица 1

Сравнение легочного коэффициента, показателей гемостаза, системной концентрации цитокинов у крыс контрольной и опытных групп

Показатель	Экспериментальная группа крыс			
	отрицательный контроль (0,9 % раствор NaCl, 5 ч)	модель 1 (1,25 мг ЛПС <i>E. coli</i> O111:B4, 5 ч)	модель 2 (1,25 мг ЛПС <i>Pseudomonas aeruginosa</i> , 20 мг/кг тромбопластин- кальциевой смеси, 5 ч)	модель 3 (1,875 мг ЛПС <i>Pseudomonas aeruginosa</i> , 20 мг/кг тромбопластин- кальциевой смеси, 20 ч)
Масса, г	212,1 ± 1,4 (n = 28)	212,7 ± 1,8 (n = 18, p = 0,7980)	211,1 ± 1,6 (n = 20, p = 0,6390)	208,0 ± 1,5 (n = 9, p = 0,1156)
Масса легких, г	1,53 ± 0,07 (n = 28)	1,54 ± 0,05 (n = 18, 0,8897)	1,66 ± 0,05 (n = 20, 0,1577)	1,62 ± 0,04 (n = 9, 0,4748)
ЛК, %	0,722 ± 0,032 (n = 28)	0,725 ± 0,022 (n = 18, p = 0,9464)	0,787 ± 0,024 (n = 20, p = 0,1400)	0,778 ± 0,018 (n = 9, p = 0,3402)
ТВ, с	43,9 ± 4,4 (n = 17)	43,2 ± 9,7 (n = 5, p = 0,9400)	54,8 ± 3,3 (n = 20, p = 0,0486)	30,4 ± 3,2 (n = 9, p = 0,0481)
ПВ, с	26,6 ± 0,8 (n = 17)	23,6 ± 4,2 (n = 5, p = 0,2627)	27,1 ± 0,6 (n = 20, p = 0,6197)	39,0 ± 6,3 (n = 8, p = 0,0097)
АПТВ, с	29,5 ± 1,7 (n = 22)	32,9 ± 1,7 (n = 15, p = 0,1817)	27,7 ± 1,5 (n = 20, p = 0,4381)	34,1 ± 5,2 (n = 9, p = 0,2828)
ФБ, с	18,3 ± 1,9 (n = 10)	19,9 ± 0,4 (n = 3, p = 0,6824)	22,5 ± 1,4 (n = 19, p = 0,0965)	-
D-димер, нг/мл	211,8 ± 22,7 (n = 15)	415,6 ± 21,2 (n = 9, p = 0,0000)	364,7 ± 15,6 (n = 20, p = 0,0000)	481,1 ± 78,9 (n = 5, p = 0,0002)
IL-6, пг/мл	128,8 ± 0,6 (n = 15)	428,2 ± 118,3 (n = 9, p = 0,0031)	845,2 ± 237,8 (n = 9, p = 0,0139)	106,7 ± 12,4 (n = 5, p = 0,0475)
TNF- α , пг/мл	15,6 ± 2,0 (n = 25)	32,4 ± 5,5 (n = 16, p = 0,0019)	17,2 ± 2,7 (n = 16, p = 0,6429)	6,0 ± 3,3 (n = 5, p = 0,0050)

Примечание. В скобках указаны: n – количество исследованных животных, p – уровень статистической значимости изменения показателей животных по сравнению с отрицательным контролем по результатам использования статистического критерия Стьюдента.

При анализе показателей общего анализа крови (табл. 2) следует выделить повышение значения показателей красной крови через 20 ч после введения ЛПС. Значения показателя количества эритроцитов 8,0, 8,1, 8,1, $8,5 \times 10^{12}/л^{-1}$ и соответствующее им количество исследований 15, 10, 20, 9 соотносятся с группами отрицательный контроль, модель 1, 2 и 3. Значение данного показателя у группы отрицательного контроля меньше показателя группы модель 3 в 1,5 (66, 34 %). Статистическая значимость отличий групп модель 1, 2 и 3 по сравнению с отрицательным контролем составляет $p = 0,8425$, $p = 0,390$, $p = 0,0000$ соответственно.

Значения показателя Hb 129,6, 126,6, 138,2, 179,3 г/л и соответствующее количество его ис-

следований 15, 10, 19, 9 соотносятся с группами отрицательный контроль, модель 1, 2 и 3. Значение данного показателя у группы отрицательного контроля меньше показателя у группы модель 3 в 1,4 раза (72, 28 %). Статистическая значимость отличий для групп модель 1, 2 и 3 по сравнению с отрицательным контролем составляет $p = 0,7539$, $p = 0,2185$, $p = 0,0001$ соответственно.

Выраженные изменения отмечаются при анализе количества лейкоцитов и тромбоцитов. Значения показателя количества лейкоцитов 5,5, 4,2, 2,7, $2,2 \times 10^9/л^{-1}$ и соответствующее количество его исследований 15, 10, 19, 9 соотносятся с группами отрицательный контроль, модель 1, 2 и 3. Значение данного показателя у группы отрицательного

Сравнение гематологических показателей крыс контрольной и опытных групп

Показатель	Экспериментальная группа крыс			
	отрицательный контроль (0,9 % раствор NaCl, 5 ч)	модель 1 (1,25 мг ЛПС <i>E. coli</i> O111:B4, 5 ч)	модель 2 (1,25 мг ЛПС <i>Pseudomonas aeruginosa</i> , 20 мг/кг тромбопластин- кальциевой смеси, 5 ч)	модель 3 (1,875 мг ЛПС <i>Pseudomonas aeruginosa</i> , 20 мг/кг тромбопластин- кальциевой смеси, 20 ч)
Эритроциты, $\times 10^{12}/л^{-1}$	8,0 ± 0,5 (n = 15)	8,1 ± 0,3 (n = 10, p = 0,8425)	8,5 ± 0,3 (n = 20, p = 0,3390)	12,1 ± 0,6 (n = 9, p = 0,0000)
Hb, г/л	129,6 ± 6,3 (n = 15)	126,6 ± 4,6 (n = 10, p = 0,7539)	138,2 ± 3,8 (n = 19, p = 0,2185)	179,3 ± 7,5 (n = 9, p = 0,0001)
Hct, %	39,5 ± 2,5 (n = 15)	40,3 ± 2,0 (n = 10, p = 0,827)	42,6 ± 1,4 (n = 20, p = 0,2587)	61,2 ± 3,0 (n = 9, p = 0,0000)
МСН, пг	16,5 ± 0,4 (n = 15)	15,6 ± 0,1 (n = 10, p = 0,1406)	16,2 ± 0,2 (n = 19, p = 0,5676)	14,8 ± 0,2 (n = 9, p = 0,0090)
МСНС, г/дл	325,2 ± 4,8 (n = 14)	315,4 ± 5,1 (n = 10, p = 0,1850)	317,1 ± 3,9 (n = 18, p = 0,1956)	294,2 ± 3,2 (n = 9, p = 0,0001)
MCV, фл	49,7 ± 0,6 (n = 15)	49,8 ± 0,7 (n = 10, p = 0,8931)	50,6 ± 0,7 (n = 20, p = 0,3534)	50,4 ± 0,6 (n = 9, p = 0,4295)
Лейкоциты, $\times 10^9/л^{-1}$	5,5 ± 0,5 (n = 15)	4,2 ± 0,8 (n = 10, p = 0,0000)	2,7 ± 0,3 (n = 19, p = 0,1345)	10,0 ± 1,1 (n = 9, p = 0,0005)
Нейтрофилы, %	33,3 ± 4,4 (n = 15)	58,9 ± 5,8 (n = 10, p = 0,0016)	40,2 ± 5,1 (n = 19, p = 0,3205)	81,2 ± 2,0 (n = 9, p = 0,0000)
Нейтрофилы, $\times 10^9/л^{-1}$	1,9 ± 0,3 (n = 15)	2,5 ± 0,5 (n = 10, p = 0,2038)	1,4 ± 0,3 (n = 19, p = 0,2887)	8,3 ± 1,1 (n = 9, p = 0,0000)
Эозинофилы, %	1,5 ± 0,2 (n = 15)	0,9 ± 0,2 (n = 10, p = 0,0488)	2,1 ± 0,2 (n = 19, p = 0,0578)	0,2 ± 0,1 (n = 9, p = 0,0001)
Эозинофилы, $\times 10^9/л^{-1}$	0,1 ± 0,0 (n = 15)	0,0 ± 0,0 (n = 10, p = 0,1038)	1,0 ± 0,0 (n = 18, p = 0,2355)	0,0 ± 0,0 (n = 9, p = 0,0089)
Базофилы, %	0,8 ± 0,3 (n = 15)	0,0 ± 0,0 (n = 9, p = 0,0131)	0,1 ± 0,0 (n = 19, p = 0,0822)	0,0 ± 0,0 (n = 9, p = 0,0627)
Базофилы, $\times 10^9/л^{-1}$	0,0 ± 0,0 (n = 15)	0,0 ± 0,0 (n = 9)	0,0 ± 0,0 (n = 19)	0,0 ± 0,0 (n = 9)
Моноциты, %	1,7 ± 0,2 (n = 15)	4,2 ± 1,9 (n = 10, p = 0,1155)	1,2 ± 0,1 (n = 19, p = 0,0727)	1,1 ± 0,1 (n = 9, p = 0,1160)
Моноциты, $\times 10^9/л^{-1}$	0,1 ± 0,0 (n = 15)	0,2 ± 0,2 (n = 10, p = 0,3097)	0,0 ± 0,0 (n = 19, p = 0,0000)	0,1 ± 0,0 (n = 9, p = 0,6824)
Лимфоциты, %	58,5 ± 5,8 (n = 15)	35,8 ± 5,1 (n = 10, p = 0,0113)	50,6 ± 4,6 (n = 19, p = 0,2852)	17,5 ± 1,8 (n = 9, p = 0,0000)
Лимфоциты, $\times 10^9/л^{-1}$	3,5 ± 0,4 (n = 15)	1,4 ± 0,3 (n = 10, p = 0,0011)	1,2 ± 0,1 (n = 19, p = 0,0000)	1,6 ± 0,1 (n = 9, p = 0,0021)
Тромбоциты, $\times 10^9/л^{-1}$	514,9 ± 46,2 (n = 15)	301,8 ± 59,5 (n = 10, p = 0,0089)	281,9 ± 26,6 (n = 20, p = 0,0001)	91,6 ± 19,7 (n = 9, p = 0,0000)
MPV, фл	6,1 ± 0,1 (n = 15)	6,0 ± 0,1 (n = 10, p = 0,7032)	6,1 ± 0,1 (n = 20, p = 0,8949)	5,4 ± 0,2 (n = 9, p = 0,0028)
PCT, %	0,31 ± 0,03 (n = 15)	0,18 ± 0,04 (n = 10, p = 0,0090)	0,18 ± 0,02 (n = 20, p = 0,0002)	0,05 ± 0,04 (n = 9, p = 0,0000)
PDWcv, %	37,9 ± 0,8 (n = 15)	39,9 ± 1,5 (n = 10, p = 0,2194)	41,0 ± 1,0 (n = 20, p = 0,0276)	46,8 ± 1,9 (n = 9, p = 0,0001)
PDWsd, фл	6,1 ± 0,2 (n = 15)	6,4 ± 0,3 (n = 10, p = 0,5712)	6,6 ± 0,2 (n = 20, p = 0,1095)	6,8 ± 0,3 (n = 9, p = 0,1147)
PLC-R, %	8,4 ± 0,3 (n = 14)	9,0 ± 0,6 (n = 10, p = 0,3105)	9,1 ± 0,3 (n = 20, p = 0,1074)	8,4 ± 0,7 (n = 9, p = 0,9011)
PLC-C, %	43,3 ± 4,2 (n = 15)	24,8 ± 4,3 (n = 10, p = 0,0067)	25,9 ± 2,7 (n = 20, p = 0,0009)	7,8 ± 2,0 (n = 9, p = 0,0000)

Примечание. В скобках указаны: n – количество исследованных животных, p – уровень статистической значимости изменения показателей животных по сравнению с отрицательным контролем по результатам использования статистического критерия Стьюдента.

контроля больше его значения у группы модель 1 в 1,3 раза (76,24 %) и меньше его значения у группы модель 3 в 1,8 раза (55,45 %). Статистическая значимость отличий для групп модель 1, 2 и 3 по сравнению с отрицательным контролем составляет $p = 0,0000$, $p = 0,1345$, $p = 0,0005$ соответственно.

Значения показателя процентного содержания лимфоцитов 58,5, 35,8, 50,6, 17,5 % и соответствующее количество его исследований 15, 10, 19, 9 соотносятся с группами отрицательный контроль, модель 1, 2 и 3. Значение данного показателя у группы отрицательный контроль больше его значения у группы модель 3 в 3,3 раза (30,70 %). Статистическая значимость отличий для групп модель 1, 2 и 3 по сравнению с отрицательным контролем составляет $p = 0,0113$, $p = 0,2852$, $p = 0,0000$ соответственно.

Значения показателя количества тромбоцитов 514,9, 301,8, 218,9, $91,6 \times 10^9 / \text{л}^{-1}$ и соответствующее количество его исследований 15, 10, 20, 9 соотносятся с группами отрицательный контроль, модель 1, 2 и 3. Значение данного показателя у группы отрицательный контроль больше его значения у групп:

- 1) модель 1 в 1,7 раза (59,41 %);
- 2) модель 2 в 2,4 раза (43,57 %);
- 3) модель 3 в 5,6 раза (18,82 %).

Статистическая значимость отличий для групп модель 1, 2 и 3 по сравнению с отрицательным контролем составляет $p = 0,0089$, $p = 0,0000$, $p = 0,0001$ соответственно.

Значения показателя доли тромбоцитов в объеме цельной крови (PCT) 0,31, 0,18, 0,18, 0,05 % и соответствующее количество его исследований 15, 10, 20, 9 соотносятся с группами отрицательный контроль, модель 1, 2 и 3. Значение данного показателя у группы отрицательный контроль больше его значения у групп модель 1 и 2 в 1,7 раза (58,42 %), группы модель 3 в 6,2 раза (16,84 %).

Статистическая значимость отличий для групп модель 1, 2 и 3 по сравнению с отрицательным контролем составляет $p = 0,0090$, $p = 0,0002$, $p = 0,0000$ соответственно.

Значения показателя количества больших тромбоцитов (PLC-C) 43,3, 24,8, 25,9, 7,8 % и соответствующее количество его исследований 15, 10, 20, 9 соотносятся с группами отрицательный контроль, модель 1, 2 и 3. Значение данного показателя у группы отрицательный контроль больше его значения у групп:

- 1) модель 1 в 1,7 раза (57,43 %);
- 2) модель 2 в 1,7 раза (60,40 %);
- 3) модель 3 в 5,6 раза (18,82 %).

Статистическая значимость отличий для групп модель 1, 2 и 3 по сравнению с отрицательным контролем составляет $p = 0,0067$, $p = 0,0009$, $p = 0,0000$ соответственно.

Таким образом, в данном исследовании продемонстрированы три различные модели ОРДС с нарушениями гемостаза. При одновременном введе-

нии раствора бактериального липополисахарида и тромбопластин-кальциевой смеси воспалительный процесс начинается с коагуляции иммунного и сосудистого типов. На фоне этого процесса в тканях возникают дистрофические и некротические изменения. Внутривенное введение обеспечивает условия для формирования патологического процесса в нижних отделах дыхательных путей, минуя верхние, что позволяет избежать сложения эффекта их поражения и рассматривать ОРДС как отдельное состояние. Для разработанных моделей характерны значительные нарушения в системе гемостаза как через 5 ч, так и через 20 ч после введения. При длительных сроках наблюдения, помимо выраженной одышки, отмечались дополнительные компоненты клинической картины заболевания, не регистрируемые у наркотизированных животных: вялость, шаткость походки, слабая реакция на раздражители. Несмотря на схожий характер трех моделей, различия между ними дают возможность моделировать состояния различной специфичности и тяжести.

Выводы:

1. У животных группы отрицательного контроля значения эритроцитов, Hct, нейтрофилов, PDWcv, PDWsd были меньше, а MCH, MCHC, эозинофилов, лимфоцитов, тромбоцитов, PCT, PLC-C больше их значений у животных опытных групп (модель 1, 2 и 3).

2. Анализ данных показывает, что значимое изменение параметров животных исследуемых групп не носит однозначный характер: у группы модель 1 значимо изменены параметры АПТВ и TNF, у группы модель 3 – параметры ТВ и ПВ.

3. Модели, представленные в данном исследовании, характеризуются как общими элементами патологического процесса, так и своими отличительными признаками. Такие изменения, как тромбоцитопения, снижение уровня тромбокриты, фракции больших тромбоцитов и абсолютного содержания лимфоцитов, а также повышение уровня D-димера в крови исследуемых лабораторных животных, наблюдаются в каждой модели вне зависимости от факта введения тромбопластин-кальциевой смеси и характеристики вводимого ЛПС. Выраженная лимфопения объясняется перемещением клеток в очаг воспаления.

4. Тромбоцитопения и уменьшение тромбокриты могут свидетельствовать о вовлечении тромбоцитов в гемостаз либо их интенсивном разрушении. Из комплекса всех изменений, распределения тромбоцитов по объему, а также снижения числа тромбоцитов, содержания тромбокриты и фракции гигантских тромбоцитов можно заключить, что патологический процесс каждой модели характеризовался тромбоцитопенией потребления, характерной для ДВС-синдрома.

5. Анализ данных показал различное количественное сочетание значимых изменений показателей опытных групп:

- значимое изменение эритроцитов ($\times 10^{12}/\text{л}^{-1}$), Hb (г/л), Hct (%), MCH (пг), MCHC (г/дл), нейтрофилов ($\times 10^9/\text{л}^{-1}$), лейкоцитов ($\times 10^9/\text{л}^{-1}$), лимфоцитов (%), MPV (фл) наблюдалось у животных опытной группы модель 3;

- значимое изменение нейтрофилов (%) и лимфоцитов (%) – в группах модель 1 и 3;

- значимое изменение ширины распределения тромбоцитов по объему PDWcv (%) – в группах модель 2 и 3.

6. При сравнении модели 2 и 1 установлено, что использование липополисахарида *Ps. aeruginosa* вместо *E. coli*, а также введение тромбопластин-кальциевой смеси внутривенно позволило добиться более выраженных изменений системы гемостаза (удлинение тромбинового времени, что указывает на нарушение внешнего пути свертывания, и увеличение значения показателя распределения тромбоцитов по объему крови может являться дополнительным индикатором воспаления), а также возрастания уровня провоспалительного цитокина IL-6. В комплексе с возрастанием уровня D-димера это демонстрирует

не только декомпенсацию системы свертывания, но и активацию белков острой фазы воспаления.

7. Изменения, наблюдаемые в показателях спустя 15 дополнительных часов наблюдения, заключаются в нарастании коагулопатии, включая укорочение тромбинового времени, что коррелирует с уровнем фибрина и активностью белков воспаления, удлинение ПВ, причиной которого могут быть два механизма – истощение внешнего пути свертывания после его индуцированной активации введением тромбопластин-кальциевой смеси и удлинение ПВ как маркера разрушения ткани, в данном случае – повреждения паренхимы легких – на фоне сохранения повышения уровня D-димера, падения уровня тромбоцитов и изменения их распределения в объеме крови; падении уровня цитокинов IL-6 и TNF- α после пиковых значений спустя 5 ч после введения; повышении абсолютного содержания эритроцитов, уровня гемоглобина, гематокрита, были отмечены как маркеры тяжелого течения различных форм респираторных инфекций, в том числе хронического обструктивного бронхита и бронхиальной астмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zhang S. et al. Pretreatment of ferulic acid attenuates inflammation and oxidative stress in a rat model of lipopolysaccharide-induced acute respiratory distress syndrome // *Intern. J. Immun. Pharmacol.* 2018; 31: 1–9.
 2. Hagawane T.N., Gaikwad R.V., Kshirsagar N.A. Dual hit lipopolysaccharide & oleic acid combination induced rat model

of acute lung injury/acute respiratory distress syndrome // *Ind. J. Med. Res.* 2016; 143 (5): 624–632.
 3. Tan Xiaojiang et al. *Candida albicans* Airway Colonization Facilitates Subsequent *Acinetobacter baumannii* Pneumonia in a Rat Model // *Antimicrob. Ag. Chem.* 2016; 60 (6): 3348–3354.

Поступила 20.12.2022

ПРИ ОСЛАБЛЕННОМ ИММУНИТЕТЕ И ЧАСТЫХ ИНФЕКЦИЯХ

ГРОПРИНОСИН®

для поддержки иммунитета

в качестве дополнительной терапии у лиц с ослабленным иммунитетом при рецидивирующих инфекциях верхних дыхательных путей

ГЕДЕОН РИХТЕР ОАО

На правах рекламы. Курс лечения 5-14 дней. Противопоказан в период беременности. Имеются медицинские противопоказания и нежелательные или побочные реакции.

ЛЕКАРСТВЕННЫЙ ПРЕПАРАТ. ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ПРОКОНСУЛЬТИРУЙТЕСЬ С ВРАЧОМ.

МЕХАНИЗМЫ РЕСПИРАТОРНЫХ НАРУШЕНИЙ ПОСЛЕ COVID-19 И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ КОРРЕКЦИИ

Ж.В. Антонович*

Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

*Контактная информация. Тел.: +375 29 657 3673, e-mail: zhantonovich@mail.ru

MECHANISMS OF RESPIRATORY DISORDERS AFTER COVID-19 AND THE OPPORTUNITIES FOR THEIR CORRECTION

Zh.V. Antanovich*

Belarusian Medical Academy of Postgraduate Education, Minsk

*Corresponding author. Tel.: +375 29 657 3673, e-mail: zhantonovich@mail.ru

Точную эволюцию респираторных симптомов после COVID-19, а также динамику функционального и рентгенологического поражения легких еще предстоит определить в долгосрочной перспективе. Понимание механизмов, которые могут привести к стойким респираторным нарушениям в постковидном периоде, позволит предложить пациенту индивидуальные стратегии наблюдения и лечения. Упражнения на контроль дыхания помогают при стойких респираторных симптомах, а также полезны при функциональных респираторных жалобах и утомляемости. При стойком кашле, гиперреактивности дыхательных путей и одышке в постковидном периоде **Синглон®** (монтелукаст) является препаратом выбора с хорошим профилем безопасности. Кроме того, обладая противовоспалительным, противовирусным и антифибротическим эффектами, Синглон® также может рассматриваться как перспективный лекарственный препарат для профилактики и лечения COVID-19 и ее последствий. **Гроприносин®** (инозин пранобекс) имеет важное преимущество, основанное на сочетании неспецифического противовирусного и иммуномодулирующего действия, что делает его ценным лекарственным средством для лечения и профилактики COVID-19 и ее последствий, включая пациентов с сохраняющимися респираторными симптомами и стойкой иммуносупрессией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

респираторные нарушения, постковидный период, механизмы, клинические проявления, функциональные нарушения, рентгенологические последствия, диагностика, наблюдение, лечение, монтелукаст, инозин пранобекс

KEYWORDS

respiratory disorders, post-COVID period, mechanisms, clinical manifestations, functional disorders, radiographic consequences, diagnostics, follow-up, treatment, montelukast, inosine pranobex

The exact evolution of respiratory symptoms after COVID-19, as well as the dynamics of functional and radiographic lung injury, remains to be determined in the long term. Understanding the mechanisms that can lead to persistent respiratory disorders in the post-COVID period will allow us to offer the patient individual strategies for monitoring and treatment. Breath control exercises help with persistent respiratory symptoms and are also helpful for functional respiratory complaints and fatigue. With persistent cough, hyperreactivity of the respiratory tract and shortness of breath in the post-covid period, **Singlon®** (montelukast) is the drug of choice with a good safety profile, in addition, having anti-inflammatory, antiviral and antifibrotic effects, Singlon® can also be considered as a promising drug for prevention and treatment COVID-19 and its consequences. **Groprinosin®** (inosine pranobex) has an important advantage based on the combination of non-specific antiviral and immunomodulatory effects, which makes it a valuable drug for the treatment and prevention of COVID-19 and its consequences, including patients with persistent respiratory symptoms and persistent immunosuppression.

Введение. В декабре 2019 года в Ухане, Китай, были зафиксированы первые случаи пневмонии, вызванной новым коронавирусом SARS-CoV-2 (Severe acute respiratory syndrome-related coronavirus 2 –

коронавирус тяжелого острого респираторного синдрома 2) [1]. С тех пор вирус распространился на материковом Китае и по миру, достигнув масштабов пандемии, представляющей собой

одну из наиболее серьезных глобальных проблем XXI века [1, 2]. Пандемия коронавирусной инфекции 2019 года (COVID-19) привела к значительной нагрузке на системы здравоохранения всего мира [1, 3]. Клинические проявления COVID-19 варьируют от бессимптомных и легких форм до острого респираторного дистресс-синдрома (ОРДС), приводящего к летальному исходу [4].

Механизмы респираторных нарушений при COVID-19. У существенной доли пациентов развивается COVID-19-пневмония, представляющая собой ключевой фактор, определяющий прогноз при COVID-19 [3–5]. Прогрессирующее ухудшение состояния легких опосредовано каскадом гипервоспалительных реакций, которые часто наблюдаются после начального периода стабилизации симптомов [6]. Предполагается, что ассоциированная с COVID-19 пневмония и тяжелый воспалительный процесс вызывают стойкие повреждения паренхимы легких [6]. Кроме того, у пациентов со среднетяжелой и тяжелой формами заболевания

COVID-19 чаще развиваются полиорганные нарушения, например: тромбозы, повреждение миокарда, печеночная недостаточность и пневмоторакс [7–10].

Факторами риска (ФР) критических состояний в основном являются возраст, сердечно-сосудистые заболевания, сахарный диабет и мужской пол [6, 11].

У неизвестной доли пациентов с COVID-19 может развиваться субклиническая пневмония с легким течением заболевания, не требующая госпитализации [6].

Подобно другим тяжелым вирусным инфекциям, течение COVID-19 характеризуется двумя критическими фазами, в которых взаимодействие между про- и противовоспалительными механизмами хозяина играет важную роль в исходе заболевания и включает фазу вирусного ответа и фазу воспалительного ответа хозяина [12, 13]. Пораженная альвеола во время обеих фаз COVID-19 представлена на рис. 1 [14].

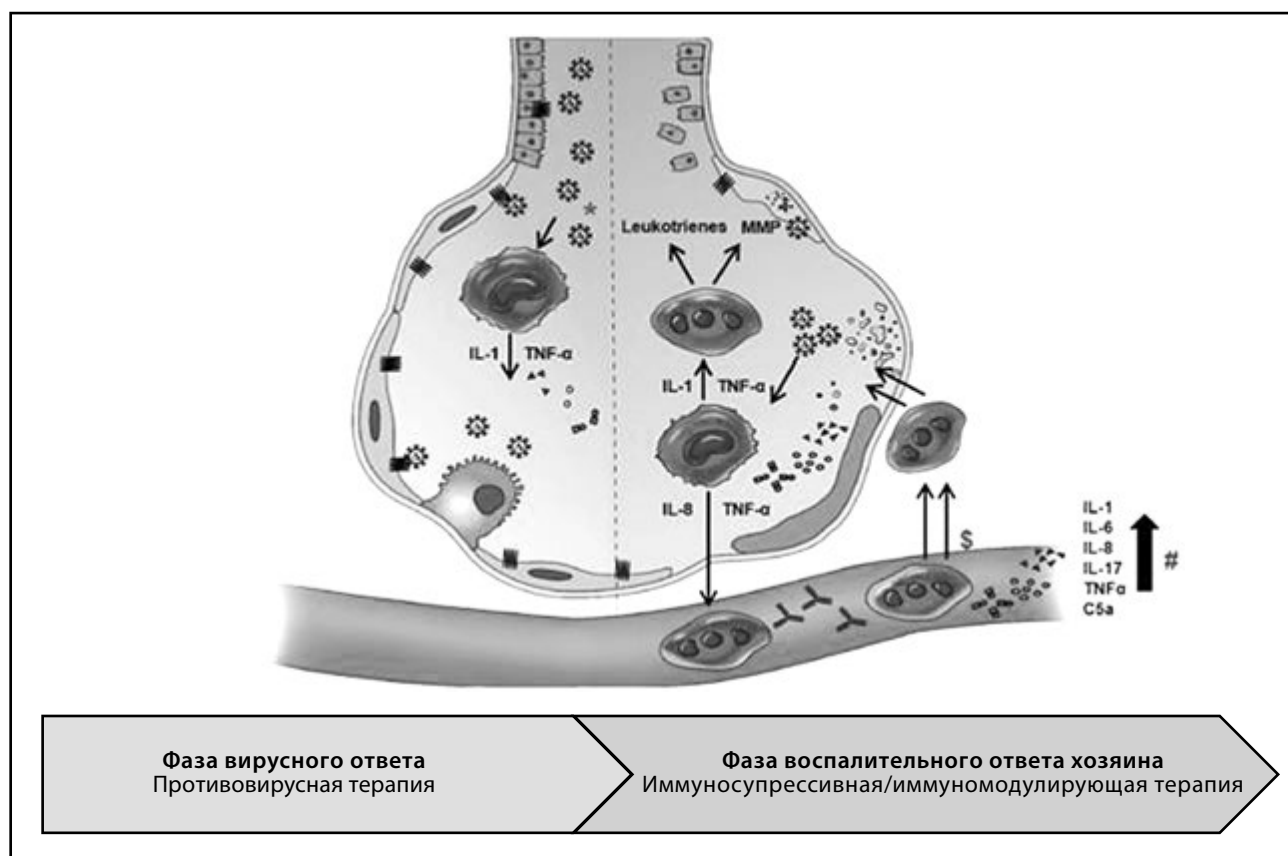

Рис. 1. Пораженная альвеола при COVID-19 во время фазы вирусного ответа и в фазу воспалительного ответа хозяина: значение воспаления (адаптировано из [14]): *слева*: иммунные механизмы в фазу вирусного ответа; *справа*: несколько иммуноопосредованных механизмов при остром повреждении легких в фазу воспалительного ответа хозяина; * – потенциальная мишень иммунотерапии с противовирусным потенциалом; \$ – трафик лейкоцитов как потенциальная цель; # – ингибирование продукции и высвобождения цитокинов в фазу цитокинового шторма как цель лечения, MMP (ММП) – матриксные металлопротеиназы; TNF-α – фактор некроза опухоли-α; IL (ИЛ) – интерлейкин

В соответствии с двумя разными стадиями COVID-19 выделяются разные иммунологические пути, которые предлагают потенциальные мишени для лечения [14]. На ранних стадиях COVID-19 про-

тивовирусная терапия может быть эффективной, тогда как в воспалительную фазу предпочтительной является иммуносупрессивная/иммуномодулирующая терапия (рис. 1) [14].

В фазу вирусного ответа опосредованное рецептором прикрепление вируса и проникновение SARS-CoV-2 в клетки-мишени осуществляется посредством связывания рецептора ангиотензин-превращающего фермента 2 (АПФ2) хозяина со спайк-гликопротеином вируса [15]. Клетки с высокой экспрессией АПФ-2 присутствуют в слюнных железах полости рта, по всему дыхательному тракту и в эпителиальных клетках легких [16]. Кроме того, частицы SARS-CoV и вирусный геном обнаружены в макрофагах и лимфоцитах, а также в эндотелиальных клетках сосудов [17].

Ранние цитопатические и воспалительные эффекты связаны с быстрой репликацией вируса, препятствующей синтезу и функционированию белка в инфицированных клетках, что приводит к прогрессирующей дисфункции и, наконец, к апоптозу [13, 18, 19].

Вирус вызывает подавление и потерю рецептора АПФ-2, вызывая повреждение легких и высвобождение большого количества провоспалительных медиаторов [13, 18, 19]. Определенные врожденные и адаптивные иммунные клетки обеспечивают важные иммунные реакции на первой стадии воспаления [12, 20].

Ранее синтезированные и высвобожденные вирусные белки распознаются эндосомальным толл-подобным рецептором-7 инфицированной ткани или врожденными иммунными клетками (макрофаги, нейтрофилы и дендритные клетки), что приводит к активации внутриклеточных рецепторов распознавания и трансмембранных белков [12, 20].

Поздние механизмы сходятся на активации протеинкиназ, которые в свою очередь активируют регуляторные факторы транскрипции интерферона, стимулирующие фактор некроза опухоли- α (ФНО- α), а также транскрипцию и секрецию интерлейкинов (ИЛ)-1, -6, -8 и -12 [12, 21, 22].

В дополнение к ингибирующему действию на репликацию вируса как в инфицированных, так и в неинфицированных клетках секреция хемокинов индуцирует адаптивный иммунный ответ, обусловленный в первую очередь Т-клетками [12, 21, 22]. Дифференцировка Т-клеток и стимуляция поддерживаются презентацией антигена за счет дендритных клеток и высвобождения цитокинов CD4⁺ Т-клетками [23, 24].

Цитотоксические Т клетки (CD8⁺) распознают цитозольные вирусные пептиды, представленные молекулами главного комплекса гистосовместимости (МНС) класса I. CD8⁺ Т-клетки напрямую убивают инфицированные клетки, активируют нуклеазы, которые разрушают вирусные геномы, и инициируют дальнейшую секрецию цитокинов, активирующую фагоцитоз легочными макрофагами [25].

С точки зрения индуцированного вирусом отключения экспрессии МНС класса I на инфицированных клетках естественные клетки-киллеры (ЕК) также могут распознавать и убивать инфицированные вирусом клетки [21, 23, 26].

У большинства пациентов с COVID-19 первичная воспалительная реакция приводит к снижению вирусной активности с последующим уменьшением воспаления [13]. Более серьезную проблему представляет собой вторичная фаза воспаления, характеризующаяся у некоторых пациентов цитокиновым штормом и лейкоцитарной инфильтрацией легочной ткани (рис. 1) [14, 27].

В настоящее время обсуждаются различные неадекватные иммунные защитные механизмы, индуцированные вирусом [28, 29].

Во время фазы вирусного ответа вируснейтрализующие антитела не играют большой роли из-за отсутствия клонов В-клеток памяти [28, 29]. Однако после активации В-клеток и пролиферации антитела, нейтрализующие спайковый белок, могут способствовать накоплению провоспалительных макрофагов и продукции матриксных металлопротеиназ, лейкотриенов и ИЛ-8 в легких путем связывания с рецепторами Fc [28]. ИЛ-8 оказывает негативное влияние на праймирование Т-клеток дендритными клетками, тем самым обеспечивая важный механизм SARS-CoV-2, чтобы избежать иммунного ответа хозяина. Непрерывный круг «репликация и гибель вируса» приводит к пироптозу клеток, что впоследствии вызывает массивное высвобождение цитокинов и миграцию иммунных клеток в легкие [28, 29]. Кроме того, опосредованная антителами активация системы комплемента приводит к продукции хемокинов и инвазии гранулоцитов и лимфоцитов, которые еще больше увеличивают повреждение легочной ткани (рис. 1) [14, 30].

Хотя адекватный и быстрый иммунный ответ ослабляет репликацию вируса и цитопатическое повреждение тканей, индуцированное вирусом, однако повышенный иммунный ответ хозяина, видимо, наоборот, вызывает поражение органов, такое как ОРДС и цитокиновый шторм [27, 31].

Чтобы ослабить синдром системного воспалительного ответа с активацией иммунной системы, предотвратить дезадаптивную полиорганную дисфункцию и обеспечить возвращение к иммунологическому гомеостазу, зеркально развивается синдром подавляющего и длительного уравнивающего компенсаторного противовоспалительного ответа, который приводит к постинфекционной иммуносупрессии, известной как синдром стойкого воспаления, иммуносупрессии и катаболизма [32–34].

Если ранняя смерть при COVID-19, как правило, вызвана цитокиновым штормом с развитием острого повреждения легких, ОРДС, коагулопатии, гипотонии, гипоперфузии, полиорганной недостаточности, то более поздняя может быть связана со стойкой иммуносупрессией и вторичными инфекциями (бактериальными, грибковыми), а также реактивацией вируса [35].

Следует учитывать, что, помимо прямого повреждения органов вирусом SARS-CoV-2 и тромбоэмболических осложнений, важную роль играют

эффекты, опосредованные через иммунную систему в результате воспаления, стойкой иммуносупрессии или аутоиммунитета [35].

Отмечается, что пациенты, перенесшие COVID-19, подвержены риску развития вторичных бактериальных и грибковых инфекций, что подчеркивает присутствие иммуносупрессии и нарушений иммунной регуляции [34].

Считается, что именно реакция иммунной системы на вирус SARS-CoV-2, а не сам вирус играет определенную роль в сохранении в постковидном периоде таких симптомов, как усталость и одышка [35].

Из-за большого количества пациентов с COVID-19 во всем мире долгосрочные респираторные осложнения COVID-19 приводят к значительному потреблению ресурсов здравоохранения [1, 3, 6].

Пациенты после тяжелой формы заболевания COVID-19 и ОРДС страдают от стойкого повреждения паренхимы легких, длительного нарушения физического состояния и ухудшения функции легких [6]. Помимо них, пациенты с функциональными респираторными жалобами, такими как дисфункциональное дыхание/гипервентиляционный синдром, могут представлять значительную нагрузку на систему здравоохранения после COVID-19 [6].

Респираторные нарушения в постковидном периоде. **Одышка** представляет собой наиболее частый респираторный симптом в постковидном периоде. По данным разных исследований, распространенность стойкой одышки колеблется от 5 до 81 % после госпитализации и ~ у 14 % пациентов с легкой формой COVID-19 [36–43]. Постоянная одышка, по-видимому, не имеет тесной связи с исходной тяжестью COVID-19 и наблюдается с одинаковой частотой у пациентов, которые изначально нуждались в госпитализации в отделение реанимации и интенсивной терапии (ОРИТ), и у пациентов, которые первоначально были госпитализированы в общесоматическое отделение [44].

Так, в недавнем исследовании показано, что среди пациентов с легким и среднетяжелым/тяжелым течением COVID-19 ($n = 60$) нарушение функции легких не зависело от сроков госпитализации ($p = 0,857$) и инсуффляции кислорода ($p = 0,651$) [6]. Эти данные могут свидетельствовать о наличии недиагностированной вирусной пневмонии с интерстициальным повреждением легких или нарушении перфузии после легкого заболевания COVID-19 [6]. Одышка оказывает сильное влияние на качество жизни и социально-экономический статус пациентов [39, 40]. Из-за одышки многие пациенты не возвращаются к работе в течение 6 месяцев после острой COVID-19 [39, 40].

Функциональный эффект легочных паренхиматозных осложнений, как правило, не выражен [42, 44–48], а одышка со временем постепенно улучшается даже у подгруппы пациентов со стойкой одышкой в течение года после COVID-19 [36].

Механизмы одышки после COVID-19 многофакторны, включают паренхиматозные последствия, нарушение дыхания, сердечно-сосудистую дисфункцию и мышечную декондиционированность [42, 49, 50].

Недавно опубликованы результаты первых годичных наблюдений за пациентами после COVID-19 [36, 51]. X. Wu и соавт. показали, что среди 83 пациентов с тяжелым течением COVID-19, которым не потребовалась ИВЛ, одышка в баллах и способность к физической нагрузке улучшились с течением времени [36]. Однако у части пациентов через год сохранялись стойкие физиологические и рентгенологические изменения [36].

В исследовании L. Huang и соавт., напротив, продемонстрировано незначительное ухудшение одышки в баллах в период от 6 до 12 месяцев после COVID-19 и отсутствие улучшения емкости легких при физической нагрузке, а также диффузионной способности легких по монооксиду углерода (DLCO), тогда как общая емкость легких и аномалии при визуализации легких постепенно восстанавливались [51].

Кашель после COVID-19 встречается реже, чем одышка, регистрируется у 2–42 % пациентов и может сохраняться в течение нескольких недель и месяцев после инфицирования SARS-CoV-2 [37, 39–41, 45, 52–54]. Как и одышка, кашель потенциально влияет на качество жизни пациентов [39]. В большом исследовании установлено, что сохраняющийся через 11 месяцев после выписки пациента из стационара кашель не связан с клиническими факторами или факторами госпитализации [54]. В недавнем обзоре W.-J. Song и соавт. предположили, что кашель после COVID-19 сохраняется за счет активации блуждающих чувствительных нервов, что приводит к состоянию кашлевой гиперчувствительности, а также вследствие нейровоспалительных изменений в головном мозге [53].

Синдром поствирусной бронхиальной гиперреактивности часто встречается после респираторных вирусных инфекций, однако его распространенность после COVID-19 остается неясной [6]. D. Munker и соавт. в своем исследовании установили, что после COVID-19 у части пациентов с нормальной функцией легких, но сохраняющимися респираторными симптомами обнаруживалась бронхиальная гиперреактивность, которая проявлялась развитием бронхоспазма в ответ на различные стимулы (раздражители, смех, физическую нагрузку) [6].

Основными симптомами бронхиальной гиперреактивности как осложнения COVID-19 были одышка и стойкий кашель [6]. Особый интерес в постковидном периоде вызывают **функциональные респираторные нарушения**, такие как дисфункциональное дыхание/гипервентиляционный синдром.

Дисфункциональное дыхание – это термин, описывающий группу нарушений дыхания, приво-

дящих к одышке и нереспираторным симптомам при отсутствии органического респираторного заболевания или в дополнение к нему [55].

Гипервентиляционный синдром – наиболее часто изучаемая форма дисфункционального дыхания, серьезно влияющая на качество жизни пациента [56]. Поскольку одышка после COVID-19 может возникать у пациентов даже с легкой формой COVID-19 и отсутствием признаков повреждения органов при повторном обследовании, ранее была заподозрена потенциально высокая распространенность дисфункционального дыхания после COVID-19 [57, 58].

Опросник Неймегена (Nijmegen Questionnaire) используется для оценки функциональных респираторных жалоб с целью выявить пациентов с дисфункцией дыхания [59, 60]. В одном из исследований положительный результат опросника Неймегена (> 22 балла из 64) выявлен у 20,9 % из 177 пациентов, обследованных при амбулаторном посещении по поводу стойких симптомов COVID-19 и/или госпитализации в ОПИТ [41].

В своем исследовании J. Motiejunaite и соавт. с помощью кардиопульмонального нагрузочного теста выявили, что гипервентиляция при физической нагрузке является основным ограничивающим фактором у 8 пациентов, выживших после COVID-19 [61].

А. Aparisi и соавт. также обратили внимание на неэффективность вентиляции во время кардиопульмонального нагрузочного теста у лиц с необъяснимой одышкой в постковидном периоде, что обычно наблюдается у пациентов с гипервентиляционным синдромом [62].

Данные результаты согласуются с исследованием J. Taverne и соавт., которые сообщили о 10 из 147 (7 %) пациентов, жаловавшихся на стойкую одышку в течение 3 месяцев, не объяснимую стандартными исследованиями [63]. Из них 6 имели положительную оценку по опроснику Неймегена, гипоканию в покое и положительный тест на гипервентиляцию, что соответствовало диагнозу «гипервентиляционный синдром» [63]. Стоит отметить, что магнитно-резонансная томография головного мозга не выявила каких-либо отклонений у этих пациентов [63].

Патофизиология пост-COVID-19 дисфункционального дыхания/гипервентиляционного синдрома изучена плохо. Среди пациентов с дисфункциональным дыханием распространены тревога и депрессия [64]. Некоторые авторы особо выделяют роль тяжелой психологической травмы [65].

Предполагается, что отрицательные социально-экономические последствия пандемии для психического здоровья могут способствовать возникновению функциональных респираторных жалоб, которые потенциально являются частью более крупного соматоформного расстройства после COVID-19 [65].

С другой стороны, поскольку вирус SARS-CoV-2 связывается с рецептором АПФ2, который экспрес-

сируются в ядрах ствола головного мозга, участвующих в регуляции вентиляции, центральное вмешательство в регуляцию дыхания не должно исключаться [66].

Данные относительно адекватных терапевтических стратегий отсутствуют. Управление дисфункциональным дыханием/гипервентиляционным синдромом обычно включает дыхательные упражнения с физиотерапевтом (с низким уровнем доказательности) [67].

Нарушение функции легких в постковидном периоде. В исследовании D. Munker и соавт. установлено, что в постковидном периоде (через 4 месяца после острой COVID-19) нарушение функции легких присутствовало как у пациентов с симптомами, так и у бессимптомных пациентов, но чаще всего у тех, кто перенес тяжелое острое заболевание [6].

Интересно, что при физической нагрузке снижение парциального напряжения кислорода в крови (paO_2) обнаружено у 1/5 пациентов с легким течением болезни, большинство из которых имели погранично-легкое нарушение DLCO в покое [6].

В когортном исследовании COMEBAC у 19,3 % пациентов после острой COVID-19, повторно обследованных при амбулаторном посещении через 4 месяца, выявлены фиброзные поражения (со степенью поражения < 25 % в 97 % случаев) [41]. Легочные функциональные тесты у пациентов с фиброзными поражениями указывали на легкое ухудшение от должного общей емкости легких ($74,1 \pm 13,7$ %) и DLCO ($73,3 \pm 17,9$ %) [41].

X. Wu и соавт. сообщили об эволюции легочных функциональных тестов в проспективном динамическом когортном исследовании у пациентов, госпитализированных с тяжелым течением COVID-19, которым не требовалась ИВЛ [36]. Авторы обнаружили легкое нарушение от должного DLCO и форсированной жизненной емкости легких (ФЖЕЛ) через 3 месяца (медиана (межквартильный размах) 77 % (67–87) и 92 % (81–99) соответственно) с прогрессирующим улучшением через 6 месяцев (DLCO 76 % (68–90) и ФЖЕЛ 94 % (85–104)) и 12 месяцев (DLCO 88 % (78–101) и ФЖЕЛ 98 % (89–109)) [36].

Рентгенологические последствия COVID-19 для паренхимы легких. Радиологические последствия COVID-19 в отношении паренхимы легких сильно различаются. Компьютерная томография высокого разрешения (КТ ВР) представляет собой эталонное обследование, используемое для диагностики и классификации этих последствий [68]. КТ ВР позволяет провести точный анализ паренхимы и обнаружить легочный фиброз среди других поражений [68].

Можно выделить три основные категории последствий COVID-19 для паренхимы легких: так называемые необратимые поражения, обратимые поражения и поражения неопределенной эволюции [68].

Легочный фиброз после COVID-19 является основным необратимым поражением. Гистоло-

гически он соответствует патологической реконструкции альвеолярного эпителия с гиперпродукцией коллагенового внеклеточного матрикса, связанной с разрушением нормальной легочной архитектуры. Легочный фиброз после COVID-19 возникает вместе с различными поражениями, такими как интерстициальные аномалии, ретикулярность легочной паренхимы, неровность плевры, тракционные бронхоэктазы или даже «сотовое легкое». Эти поражения присутствуют у 13–27 % пациентов в зависимости от времени оценки [37, 41, 46, 69]. Степень поражения определяется от небольшой до умеренной, часто с вовлечением < 25 % легочной паренхимы [41].

Х. Li и соавт. [70] идентифицировали возраст, индекс массы тела и маркеры воспаления (прокальцитонин) как основные ФР легочного фиброза после COVID-19, диагностируемого с 90 по 150-е сутки от начала заболевания. Действительно, данные факторы являются общими ФР тяжелых форм COVID-19 [70]. Таким образом, эти поражения чаще обнаруживаются у пациентов с ОРДС, госпитализированных в ОРИТ, с частотой в три раза выше у интубированных, чем у неинтубированных пациентов [41]. Поражения, по-видимому, не развиваются сами по себе, так как последующее наблюдение не показывает увеличения их частоты [36].

В качестве потенциальных обратимых поражений рассматриваются аномалии типа матового стекла, которые находятся в авангарде острого COVID-19 и, как правило, считаются признаком обратимого паренхиматозного воспаления. Удивительно, но аномалии типа матового стекла могут не исчезать полностью при последующем наблюдении и наблюдаться в течение 12 месяцев после COVID-19 [36]. Их частота варьирует и оценивается в диапазоне от 7 до 92 % с вероятной связью между временем наблюдения и началом инфекции, уменьшаясь со временем [36, 41, 52, 69]. Тем не менее аномалии типа матового стекла связаны с измененными тестами функции внешнего дыхания (ФВД), и их наличие может лежать в основе персистенции резидуального и автономного воспаления, которое впоследствии может привести к развитию или расширению фиброзных поражений [69].

Наконец, поражения с неопределенным статусом, рассматриваемые как остаточные уплотнения и вентиляционные нарушения, которые преимущественно расположены в субплевральной части легкого, типа криволинейного затемнения. Их эволюционный профиль плохо охарактеризован из-за отсутствия наблюдательных исследований, однако, исходя из имеющихся скудных данных, они, по-видимому, регрессируют с течением времени [36].

Несмотря на то, что рентгенологические аномалии наблюдаются часто при длительном наблюдении за пациентами с COVID-19, их влияние на тесты функции легких у большинства пациентов незначительное.

В когортном исследовании COMEВАС при повторном амбулаторном обследовании через 4 месяца после острой COVID-19 аномалии на КТ легких обнаружены у 108 из 171 пациента (63 %), в основном наблюдались легкие затемнения по типу матового стекла [41]. Фиброзные поражения имели место у 33 из 171 пациента (19 %), вовлекая менее 25 % паренхимы у всех, кроме одного. Фиброзные поражения наблюдались у 19 из 49 выживших (39 %) после ОРДС [41]. У пациентов с фиброзными поражениями отмечалось легкое ухудшение от должного общей емкости легких ($74,1 \pm 13,7$ %) и DLCO ($73,3 \pm 17,9$ %) [41].

Кроме того, учитывая сильную связь между симптомными формами COVID-19 и легочной эмболией, некоторые исследователи предлагают проводить оценку наличия нарушений перфузии через некоторое время от первичной инфекции [71, 72].

В исследовании М. Remy-Jardin и соавт. оценивались аномалии легочных сосудов через 3 месяца после госпитализации по поводу пневмонии, вызванной SARS-CoV-2, у пациентов с персистирующими респираторными симптомами [73]. Аномалии перфузии, свидетельствующие о распространенной микроангиопатии, установлены у 65,5 % пациентов [73]. Четыре пациента в этом исследовании при нормальных КТ-сканах имели дефекты перфузии, обнаруженные с помощью двухэнергетической КТ [73]. Факторы риска и эволюция этих нарушений перфузии пока неизвестны.

ТЭЛА является распространенным опасным для жизни осложнением COVID-19, но ее точная частота малоизвестна, так как КТ легочная ангиография (КТ ЛА) не выполняется систематически для диагностики COVID-19.

S. Riyahi и соавт. сообщили, что частота ТЭЛА у 413 пациентов, госпитализированных с COVID-19 и подозрением на ТЭЛА, составила 25 % [74].

В проспективном исследовании М. Jevnikar и соавт., включавшем 106 пациентов с COVID-19, которым проведена КТ ЛА, ТЭЛА выявлена у 15 пациентов с частотой 14,2 % (95 % ДИ 7,5–20,8 %) [72].

Сообщалось, что распространенность тромбоэмболических событий выше у тяжелых пациентов в ОРИТ (> 50 % пациентов) [75].

Высокая частота ТЭЛА подтверждена в недавнем большом метаанализе 27 исследований, включавшем 3342 пациента с COVID-19, в котором авторы сообщили о показателях распространенности ТЭЛА и тромбоза глубоких вен – 16,5 % (95 % ДИ 11,6–22,9) и 14,8 % (95 % ДИ 8,5–24,5) соответственно [76].

Механизмы легочной эмболии у пациентов с COVID-19 остаются предметом изучения, но могут частично объясняться эндотелиитом легочных сосудов и легочной эндотелиальной дисфункцией, связанными с инфекцией SARS-CoV-2 [77–79].

В связи с высокой частотой ТЭЛА и возможным ассоциированным с COVID-19 эндотелиитом легочных сосудов можно предположить, что эти пациен-

ты подвержены риску развития хронической тромбоэмболической легочной гипертензии (ХТЭЛГ) [80, 81]. Тем не менее на сегодняшний день нет сообщений о серии ХТЭЛГ после COVID-19. Поскольку ХТЭЛГ обычно характеризуется так называемым медовым месяцем после острой ТЭЛА, врачи должны быть осведомлены об этом потенциальном осложнении, которое можно легко обнаружить с помощью эхокардиографии и вентиляционно-перфузионного сканирования легких.

Стоит отметить, что поскольку в большинстве исследований отсутствует контрольная группа, аномалии, наблюдаемые на КТ ВР, не могут быть окончательно идентифицированы как вызванные именно инфекцией SARS-CoV-2 или возникшие вследствие диффузного альвеолярного повреждения из-за инфицирования легочной паренхимы и/или последующего ОРДС.

Кроме того, распространенность рентгенологических аномалий намного выше, чем объективных дыхательных расстройств при функциональных исследованиях, с неясной связью между этими двумя процессами [41].

Наблюдение за пациентами с респираторными нарушениями в постковидном периоде и коррекция стойких симптомов. Согласно последним публикациям, легочная реабилитация рекомендуется пациентам после тяжелого и критического течения заболевания COVID-19, в особенности пациентам с исходно выраженными изменениями на КТ и после ИВЛ [37, 52, 82–84].

Кроме того, легочная оценка может оказаться полезной пациентам с ранее существовавшими заболеваниями легких (например, ХОБЛ), бывшим или активным курильщикам, а также пациентам со стойкими легочными симптомами (кашель, одышка, утомляемость) [6].

Если после комплексной диагностики (ФВД, КТ органов грудной клетки, эхокардиография и др.) стойкие симптомы остаются неясными, кардиопульмональный нагрузочный тест может быть необходим, чтобы отличить декондиционирование от других серьезных причин сохраняющихся симптомов [85].

После тщательной оценки пациенту с сохраняющейся одышкой после COVID-19 при нормальной сатурации и отсутствии других причин одышки рекомендуется проводить самоконтроль сатурации в течение 3–5 дней для наблюдения и успокоения [86].

При сатурации в покое 96 % или выше, но наличии симптомов, указывающих на десатурацию при физической нагрузке (например, головокружение или сильная одышка при выполнении упражнений), как часть базовой оценки проводится тест на десатурацию при физической нагрузке [87].

Методика проведения теста на десатурацию при физической нагрузке заключается в выполнении пульсоксиметрии исходно в покое и повторно – после 40 шагов по ровной поверхности (если самотестирование проводится удаленно),

а затем после приседаний в течение одной минуты так быстро, как может пациент (если тестирование проводится под наблюдением) [87]. Снижение сатурации на 3 % при легкой нагрузке является отклонением от нормы и требует обследования [87]. При показаниях пульсоксиметра постоянно в диапазоне 94–95 % или ниже требуется оценка и обследование [88].

Пациенту рекомендуются проведение самонаблюдения с ежедневной пульсоксиметрией и ведением дневника, здоровый образ жизни, выполнение дыхательной гимнастики, постепенное увеличение двигательной активности, легкие аэробные упражнения (ходьба или пилатес) с постепенным увеличением их интенсивности по мере переносимости, регулярное лечение хронических заболеваний с постановкой достижимых целей в отношении здоровья и благополучия [86].

Упражнения на контроль дыхания помогают при стойких респираторных симптомах, таких как одышка и кашель, а также полезны при функциональных респираторных жалобах и утомляемости [67, 89].

Методика «контроля дыхания» направлена на нормализацию дыхательных паттернов и повышение эффективности работы дыхательных мышц (в том числе диафрагмы), что приводит к уменьшению расхода энергии, меньшему раздражению дыхательных путей (ДП), снижению утомляемости и уменьшению одышки [89].

Пациент должен сидеть с опорой и делать вдох и выдох медленно (предпочтительно вдох через нос, а выдох через рот), расслабляя грудь и плечи и позволяя животу подняться. Следует стремиться к соотношению вдоха и выдоха 1:2. Эта техника может быть использована часто в течение дня по 5–10 мин (или дольше) (рис. 2) [89].

Другие техники дыхания, такие как диафрагмальное дыхание, медленное глубокое дыхание, дыхание с поджатыми губами, техники йоги, дыхание по Бутейко, также используются в стратегиях управления паттернами дыхания, но требуется консультация специалиста, чтобы определить, какой метод лучше всего подходит конкретному пациенту [89].

Эффективность монтелукаста в лечении респираторных нарушений и COVID-19. Одышка и стойкий кашель в постковидном периоде как проявления синдрома поствирусной бронхиальной гиперреактивности требуют адекватного лечения с применением бронходилататоров, антагонистов лейкотриеновых рецепторов (АЛТР) или ингаляционных глюкокортикостероидов, в противном случае гиперреактивность ДП может сохраняться долго и вести к развитию бронхиальной астмы [6, 90, 91].

Монтелукаст, самый изученный и ведущий АЛТР в мире, является действующим веществом препарата Синглон® (Гедеон Рихтер, Венгрия). Монтелукаст одобрен FDA для лечения аллергии, астмы и бронхоспазма, вызванного физической нагрузкой [92]. В 2020 году монтелукаст вошел в рекомендации Евро-

Рис. 2. Методика «контроля дыхания» [89]

пейского респираторного общества по лечению хронического кашля [93].

На современном этапе монтелукаст также рассматривается как перспективный препарат для лечения и профилактики COVID-19 благодаря двойному механизму действия – противовоспалительному и противовирусному [94–98].

Противовоспалительный эффект монтелукаста основан как на прямой блокаде лейкотриеновых рецепторов, так и на ингибировании экспрессии цитокинов и хемокинов в активированных макрофагах, что снижает вероятность возникновения и выраженность цитокинового шторма, а также легочного фиброза как исхода длительного воспаления [97, 98].

Противовирусный эффект монтелукаста заключается в ингибировании основной протеазы SARS-CoV-2 3CLpro, ответственной за репликацию вируса, а также в предотвращении проникновения вируса в клетку-хозяина (Spike/АПФ2) [95, 96].

Активность монтелукаста в ингибировании фермента 3CLpro оказалась выше, чем у многих других противовирусных препаратов, таких как ритонавир, ремдесивир, индинавир, лопинавир, саквинавир и др. [99].

Кроме того, в исследованиях подтвержден антифибротический эффект монтелукаста, основанный на регулировании внеклеточного ремоделирования матрикса и ингибировании образования фиброза, что позволяет использовать монтелукаст для ограничения последствий COVID-19 в виде остаточного легочного фиброза [100–102].

Наиболее эффективным представляется использование монтелукаста на ранней стадии COVID-19 для предотвращения прогрессирования заболевания, снижения потребности в госпитализации и сокращения продолжительности легкой и среднетяжелой COVID-19 [97, 103].

Накапливаются клинические исследования, демонстрирующие эффективность применения монтелукаста при COVID-19 как у амбулаторных, так

и у госпитализированных пациентов, в отношении разрешения клинических симптомов COVID-19, снижения частоты обращений за неотложной помощью и госпитализации, уменьшения частоты развития синдрома активации макрофагов и дыхательной недостаточности, а также снижения длительности госпитализации [104–106]. Об эффективности использования монтелукаста в качестве средства для профилактики COVID-19 могут свидетельствовать результаты исследования A. Bozek и J. Winterstein, которое включало 445 пожилых пациентов с тяжелой БА, получавших базисную терапию в виде комбинации β_2 -агониста длительного действия и ингаляционного глюкокортикоидом в высокой дозе [107]. Добавление в схему лечения монтелукаста пациентам из основной группы ($n = 327$) продемонстрировало статистически значимо меньшее количество эпизодов подтвержденной COVID-19 инфекции через 2 месяца, чем в группе сравнения ($n = 118$), $p < 0,01$ [107].

В настоящее время клинические испытания в целях оценки эффективности монтелукаста при амбулаторном лечении острой COVID-19 проводятся на больших группах пациентов с SARS-CoV-2 (COSMO, ID: NCT04389411) [108, 109].

В ходе пилотного исследования M.F. Cordero и соавт., оценивающего эффективность монтелукаста в отношении чрезмерной иммунной активации при длительном COVID, у пациентов уменьшались одышка, боль в груди, недомогание, сухой кашель и носовые симптомы, также установлено, что пациенты смогли раньше вернуться к работе [110].

В настоящее время проводится двойное слепое плацебо-контролируемое рандомизированное клиническое исследование для оценки эффективности монтелукаста при легких и умеренных респираторных симптомах у пациентов с длительным COVID (уменьшение одышки и других стойких симптомов) E-SPERANZA COVID [111]. Цель этого исследования – оценить эффективность перорального приема монтелукаста в дозе 10 мг каждые

24 ч в течение 28 дней по сравнению с плацебо в отношении улучшения качества жизни, связанного с легкими или умеренными респираторными симптомами у пациентов с длительным COVID, по данным оценочного теста по ХОБЛ (CAT). Также будет оцениваться эффективность монтелукаста по сравнению с плацебо в отношении улучшения переносимости физических нагрузок, десатурации кислорода при физической нагрузке, динамики симптомов COVID-19 (астения, головная боль, спутанность сознания или туман в голове, агевзия и anosmia), функционального состояния и смертности [111].

Следует отметить хороший профиль безопасности монтелукаста [112].

Таким образом, при стойком кашле, гиперреактивности ДП и одышке в постковидном периоде монтелукаст является препаратом выбора с хорошим профилем безопасности. Благодаря противовоспалительному, противовирусному и антифибротическому эффекту, монтелукаст также может рассматриваться как ценный лекарственный препарат для профилактики и лечения COVID-19 и ее последствий.

Роль инозина пранобекса в профилактике и лечении COVID-19 и ее последствий. Инозин пранобекс является действующим веществом препарата Гроприносин® (Гедеон Рихтер, Венгрия). Инозин пранобекс получен путем соединения инозина с вспомогательной молекулой, которая повышает доступность инозина для лимфоцитов и усиливает его иммуностимулирующие свойства [113, 114]. Инозин пранобекс представляет собой противовирусный препарат с иммуномодулирующими свойствами, зарегистрированный более чем в 70 странах мира, имеющий высокий уровень доказательности исследований (уровень А) и рассматриваемый на современном этапе как перспективный лекарственный препарат для лечения и профилактики инфекции, вызываемой вирусом SARS-CoV-2 [113–116]. Инозин пранобекс демонстрирует прямую противовирусную активность в отношении широкого спектра ДНК- и РНК-вирусов, подавляя их репликацию, а также усиливает преимущественно клеточный иммунитет, предупреждая вирус-индуцированную иммуносупрессию, что способствует активации клеточных факторов защиты и элиминации вируса из организма [113–120].

Стимуляция Т-лимфоцитов при раннем применении инозина пранобекса может смягчить начальную вирусную иммуносупрессию и начальную лимфопению при COVID-19, которые тесно связаны с прогрессированием заболевания, госпитализацией и смертностью [116].

Инозин пранобекс эффективен в лечении острых респираторных вирусных инфекций и, вероятно, COVID-19, поскольку при наличии вторичного клеточного иммунодефицита усиливает дифференцировку и пролиферацию Т-лимфоцитов, регулирует соотношение субпопуляций Т-лимфоцитов-хелперов и Т-лимфоцитов-цитотоксических, повышает функ-

цио-нальную активность Т-лимфоцитов и синтез интерлейкина-2, активирует естественные клетки-киллеры и фагоцитоз, снижает продукцию провоспалительных цитокинов (ФНО-а, ИЛ-1, ИЛ-6 и др.) моноцитами, макрофагами, нейтрофилами, лимфоцитами [115–118, 121, 122].

В недавнем исследовании установлено, что инозин пранобекс усиливает цитотоксичность естественных клеток-киллеров человека, индуцируя метаболическую активацию и экспрессию лиганда NKG2D [123]. Иммуномодулирующий эффект инозина пранобекса основан на стимуляции дифференцировки В-лимфоцитов в плазматические клетки и продукции антител, нормализации гуморального иммунитета, повышении концентрации иммуноглобулинов А, М, G и вируснейтрализующих антител, активации системы комплемента и увеличении синтеза эндогенного интерферона (ИФН)- α/β [117, 118, 121, 122].

Инозин пранобекс обеспечивает физиологичный иммунный ответ, не вызывая гиперстимуляцию иммунитета, обладает хорошим профилем безопасности и может использоваться у пациентов всех возрастных групп [117]. Эндогенный инозин образуется в организме в результате трех различных реакций: гидролитическое дезаминирование аденозина аденозиндеаминазой, дефосфорилирование инозинмонофосфата 5'-нуклеотидазой и реакция гипоксантина и рибозо-1-фосфата с помощью пурииннуклеозидфосфорилазы. Также инозин секретируется микробиотой кишечника и может поступать в организм в виде добавок и лекарственных препаратов [124].

Эндогенный инозин является ключевым промежуточным звеном в биосинтезе пуринов и регулирует репликацию и трансляцию РНК [125]. Экзогенный инозин защищает от липополисахарид (LPS, ЛПС)-индуцированного острого повреждения легких и эндотоксин-индуцированного септического шока, подавляя высвобождение провоспалительных цитокинов ИЛ-6, ИЛ-1 β , ФНО-а и др. [126, 127]. Инозин может также модулировать дифференцировку и/или активацию Th1-клеток и улучшать эффективность иммунотерапии посредством Т-клеточно-специфического аденозинового рецептора A2A (A2AR) и STING сигнальных путей [128, 129].

Цитокиновый шторм, вызванный SARS-CoV-2, является основной причиной прогрессирования, тяжести течения и смерти при COVID-19 [12, 13].

В недавно опубликованной работе N. Wang и соавт. инозин рассматривается как противовоспалительное средство широкого спектра действия против острого повреждения легких, вызванного инфекцией SARS-CoV-2, путем подавления фосфорилирования TANK-связывающей киназы 1 (TBK1) [130].

В ходе исследования установлено, что инозин снижает уровень провоспалительного ИЛ-6, повышает уровень противовоспалительного ИЛ-10 и облегчает острое воспалительное повреждение легких, вызванное инфекционными агентами [130]. Инозин значительно улучшает выживаемость мышей, инфицированных SARS-CoV-2 [130].

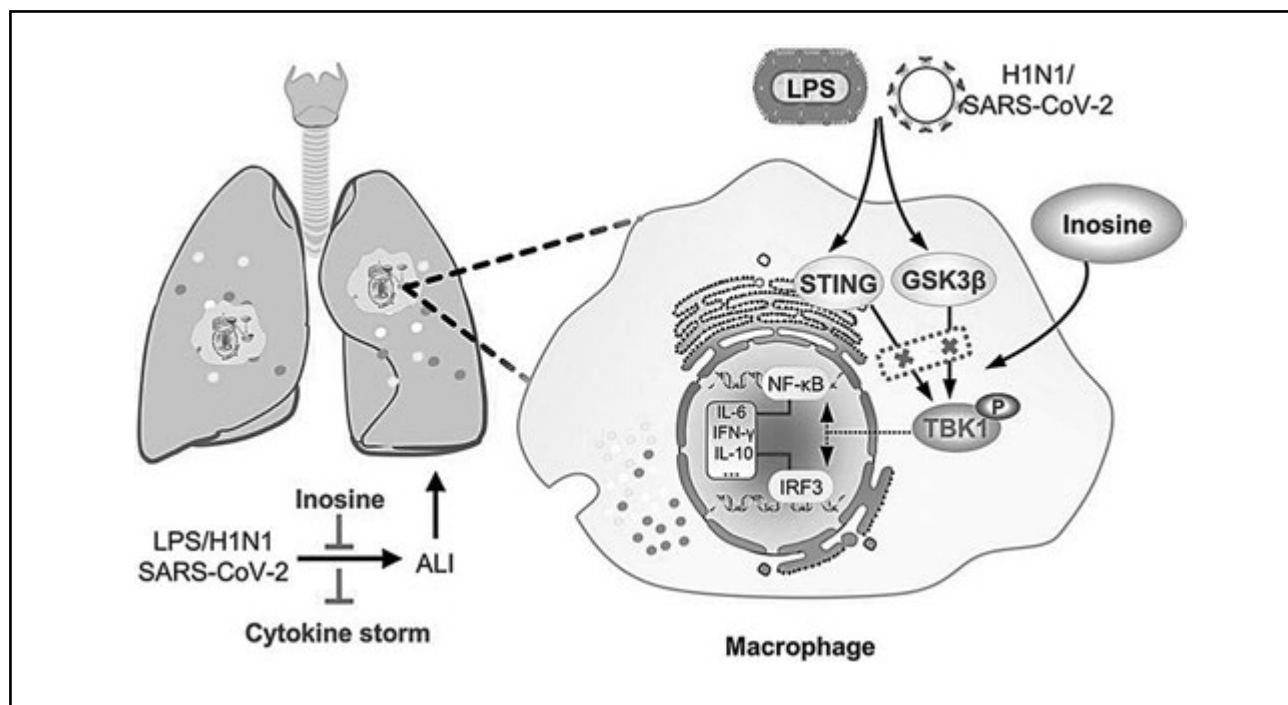

Рис. 3. Механизм, посредством которого инозин регулирует выброс цитокинов [130]: инозин косвенно препятствует фосфорилированию TANK-связывающей киназы 1 (TBK1) путем связывания стимулятора генов интерферона (STING) и киназы гликогенсинтазы-3β (GSK3β), ингибирует активацию и ядерную транслокацию факторов транскрипции IRF3 и NF-κB и подавляет ИЛ-6 в сыворотке и тканях легких мышей, инфицированных липополисахаридом, H1N1 или SARS-CoV-2 [130]. TANK-Binding kinase 1 (TBK1) – TANK-связывающая киназа 1; stimulator of interferon genes (STING) – стимулятор генов интерферона; glycogen synthase kinase-3β (GSK3β) – киназа гликогенсинтазы-3β; IRF3 и NF-κB – факторы транскрипции; IL (ИЛ) – интерлейкин; IFN-γ – интерферон-γ; lipopolysaccharide (LPS, ЛПС) – липополисахарид

Механизм, посредством которого инозин регулирует выброс цитокинов, основан на подавлении фосфорилирования TBK1 путем связывания стимулятора генов интерферона (STING) и киназы гликогенсинтазы-3β (GSK3β), ингибировании активации и ядерной транслокации факторов транскрипции IRF3 и NF-κB и подавлении ИЛ-6 в сыворотке и тканях легких мышей, инфицированных липополисахаридом (ЛПС), вирусом гриппа H1N1 или SARS-CoV-2 (рис. 3) [130].

Авторами сделан вывод, что введение инозина возможно в качестве противовоспалительной терапии при COVID-19, а нацеливание на TBK1 является многообещающей стратегией для подавления цитокинового шторма и смягчения острых воспалительных поражений легких, вызванных SARS-CoV-2 и другими инфекционными агентами [130].

Данное исследование продемонстрировало, что назначение инозина улучшало выживаемость при тяжелой инфекции SARS-CoV-2 благодаря его иммуномодулирующей, но неиммуносупрессивной активности в отношении острого воспалительного повреждения легких [130].

Испытание противовирусной активности лекарственного средства Гроприносин® в отношении возбудителя коронавирусной инфекции COVID-19 вируса SARS-CoV-2 методом оценки ингибирования цитопатического действия вирусов проведено в 2021 году в Республиканском научно-

практическом центре эпидемиологии и микробиологии Республики Беларусь, лаборатории гриппа и гриппоподобных заболеваний [131].

В результате исследования установлено, что коронавирус SARS-CoV-2 чувствителен (++++) к Гроприносину® (Гроприносин® обладает вирусингибирующим действием в отношении вируса SARS-CoV-2) при внесении его в зараженную культуру клеток. При внесении препарата по профилактической схеме возбудитель SARS CoV-2 высокочувствителен (+++++) к Гроприносину®. Полученные данные свидетельствуют о высоком противовирусном действии Гроприносина® в отношении возбудителя новой коронавирусной инфекции человека [131].

В клиническом исследовании J. Vejan и соавт. продемонстрировано значительное снижение коэффициента летальности при применении инозина пранобекса у пожилых людей с COVID-19-инфекцией, подтвержденной методом ПЦР, в трех домах престарелых в Чехии (n = 142) по сравнению с пациентами, не принимавшими инозин пранобекс (n = 14), отношение шансов 2,9 (0,8–10,3), (p = 0,043) [132]. Инозин пранобекс назначался по 500 мг по 2 таблетки 3 раза в день в течение 7 дней, а при наличии урикемии или диализа – по 1 таблетке 3 раза в день в течение одного дня [132].

Согласно результатам 3-й фазы многоцентрового рандомизированного двойного слепого плацебо-контролируемого исследования эффек-

тивности и безопасности инозина пранобекса у пациентов с COVID-19 легкой и средней степени тяжести добавление инозина пранобекса к стандартной терапии продемонстрировало значительно лучшие показатели клинического ответа и клинического излечения на 6-й день лечения как для негоспитализированных пациентов, так и для всей популяции [133]. По сравнению с группой контроля группа инозина пранобекса имела значительно более ранний клинический ответ и клиническое излечение с меньшим количеством побочных эффектов и отсутствием летальности [133]. Основываясь на этих выводах и на факте, что инозин пранобекс повышает опосредованную естественными клетками-киллерами цитотоксичность инфицированных вирусом клеток как ранний иммунный ответ на вирусную инфекцию и усиливает экспрессию лиганда NKG2D, сделан вывод о необходимости раннего назначения инозина пранобекса для максимальной пользы у пациентов с COVID-19 легкой и средней степени тяжести (номер регистрации испытания: CTRI/2021/02/030892) [133].

В настоящее время стойкая иммуносупрессия у пациентов, перенесших COVID-19, рассматривается как одна из предполагаемых причин постковидного синдрома и сохраняющихся респираторных нарушений, приводящая к повышенному риску развития вторичных инфекций (бактериальных, грибковых) и реактивации вируса [34].

Важное преимущество инозина пранобекса – двойной механизм противовирусного действия (прямое противовирусное действие и активация противовирусного иммунитета), а наличие иммуномодулирующей активности определяет его эффективность при заболеваниях вирусной и смешанной (вирусно-бактериальной) природы. Инозин пранобекс может влиять одновременно на несколько звеньев патогенеза COVID-19-инфекции, оказывая неспецифическое противовирусное, а также иммуномодулирующее воздействие и уменьшая риск развития вторичных инфекций.

Учитывая вышесказанное, Гроприносин® может рассматриваться как ценный лекарственный

препарат для лечения и профилактики COVID-19, включая пациентов с сохраняющимися респираторными симптомами и стойкой иммуносупрессией в постковидном периоде, которым может потребоваться более длительный курс лечения (от 2 недель до 3 месяцев). Однако для изучения этого вопроса необходимо большее количество исследований.

Заключение. Точную эволюцию респираторных симптомов после COVID-19, а также динамику функционального и рентгенологического поражения легких еще предстоит определить в долгосрочной перспективе. Понимание механизмов, которые могут привести к стойким респираторным нарушениям в постковидном периоде, позволит предложить пациенту индивидуальные стратегии наблюдения и лечения. Упражнения на контроль дыхания помогают при стойких респираторных симптомах, таких как одышка и кашель, а также полезны при функциональных респираторных жалобах и утомляемости.

При стойком кашле, гиперреактивности дыхательных путей и одышке в постковидном периоде Синглон® является препаратом выбора с хорошим профилем безопасности. Кроме того, обладая противовоспалительным, противовирусным и антифибротическим эффектами, Синглон® также может рассматриваться как перспективный лекарственный препарат для профилактики и лечения COVID-19 и ее последствий.

Гроприносин® (инозин пранобекс) имеет важное преимущество, основанное на сочетании неспецифического противовирусного и иммуномодулирующего действия, что делает его ценным лекарственным препаратом для лечения и профилактики COVID-19 и ее последствий, включая пациентов с сохраняющимися респираторными симптомами и стойкой иммуносупрессией.

Со списком литературы (133 источника) можно ознакомиться в редакции.

Поступила 14.02.2023

ЛЕГОЧНЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ И СИНДРОМЫ У ПАЦИЕНТОВ С ДЕКОМПЕНСИРОВАННЫМ ЦИРРОЗОМ ПЕЧЕНИ

М.В. Штонда, Н.Н. Силивончик*, Е.М. Банькова, С.А. Петров,
А.Н. Семенович, Ж.Л. Сухих

Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

*Контактная информация. Тел.: +375 29 135 45 70, e-mail: silivonschik_nn@mail.ru

PULMONARY DISEASES AND SYNDROMES IN PATIENTS WITH DECOMPENSATED CIRRHOSIS OF THE LIVER

M.V. Shtonda, N.N. Silivontchik*, A.M. Bankova, S.A. Petrov,
A.N. Semenenkova, Z.L. Sukhikh

Belarusian Medical Academy of Postgraduate Education, Minsk

*Corresponding author. Tel.: +375 29 135 45 70, e-mail: silivonschik_nn@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

портальная гипертензия, пневмония, печеночный гидроторакс, гепатопульмональный синдром, портопульмональная гипертензия

Связь цирроза печени с респираторными симптомами и гипоксией хорошо известна. У пациентов с хроническим заболеванием печени могут возникнуть четыре основных легочных осложнения: пневмония, печеночный гидроторакс, гепатопульмональный синдром и портопульмональная гипертензия. Гепатопульмональный синдром определяется как нарушение легочной оксигенации, вызванное внутрилегочной вазодилатацией, плевральными и легочными артериовенозными коммуникациями, возникающими в клинических условиях портальной гипертензии. Диагноз портопульмональной гипертензии следует рассматривать у пациента с установленной портальной гипертензией при отсутствии других причин легочной артерии или венозной гипертензии, а именно хронической тромбоэмболии, хронического заболевания легких/гипоксии, хронической болезни левых отделов сердца.

KEYWORDS

portal hypertension, pneumonia, hepatic hydrothorax, hepatopulmonary syndrome, portopulmonary hypertension

The association of liver cirrhosis with respiratory symptoms and hypoxia is well recognised. Four main pulmonary complications may occur in patients with chronic liver disease: pneumonia, hepatic hydrothorax, hepatopulmonary syndrome, portopulmonary hypertension. Hepatopulmonary syndrome is defined as a disorder in pulmonary oxygenation, caused by intrapulmonary vasodilatation and by pleural and pulmonary arteriovenous communications occurring in the clinical setting of portal hypertension. A diagnosis of portopulmonary hypertension should be considered in a patient with established portal hypertension in the absence of other causes of pulmonary artery or venous hypertension. namely: chronic thromboembolism, chronic lung disease/hypoxia, chronic left heart disease.

Введение. Цирроз печени (ЦП) в стадии декомпенсации характеризуется развитием явных клинических признаков, наиболее частыми из которых являются асцит, варикозное кровотечение, печеночная энцефалопатия, желтуха. Прогрессирование декомпенсированного ЦП может быть дополнительно ускорено за счет развития других осложнений, в том числе легочных. Согласно Руководству European Association for the Study of the Liver (EASL, 2018), у пациентов с хроническим заболеванием печени могут возникнуть четыре основных легочных осложнения [4]: пневмония, печеночный гидроторакс, гепатопульмональный

синдром (ГПС) и портопульмональная гипертензия (ППГТ). Легочные осложнения ЦП могут протекать скрытно на общем фоне мультиорганной/системной дисфункции у пациента с декомпенсированным ЦП и часто находятся за пределами внимания гастроэнтеролога и терапевта [2].

Пневмония. Пациенты с ЦП склонны к бактериальным инфекциям. Риск бактериальной инфекции при ЦП вызван множеством факторов, которые включают дисфункцию печени, портосистемное шунтирование, вызванную усиленной проницаемостью кишечника и избыточным ростом бактериальную кишечную транслокацию, цирроз-

ассоциированную иммунную дисфункцию, генетические факторы [4]. Специфическими для ЦП являются спонтанный бактериальный перитонит (СБП) и спонтанная бактериальная эмпиема плевры, обусловленные инфицированием асцитической жидкости или плеврального выпота бактериями вследствие бактериальной транслокации. Другие инфекции, которые получили название не-СБП инфекции, распространены у пациентов с ЦП и проявляются или развиваются во время госпитализации у 25–30 %. Наиболее часто встречаются инфекции мочевыводящих путей, пневмония, инфекции кожи и мягких тканей, бактериемия. Не-СБП инфекции увеличивают риск смертельных исходов и ассоциированы с 30 % одномесечной и 63 % 12-месячной летальностью.

По данным Д.А. Гавриленко и др. (Гомель-Минск, 2015), частота пневмонии у пациентов с ЦП, госпитализированных в стационар, составила 15,9 % (95 % доверительный интервал (ДИ) 10,1–21,7), у умерших в стационаре – 31,5 % (95 % ДИ 26,3–37,0) и вне стационара – 17,0 % (9,2–28,9) [1].

Анализ результатов микробиологического исследования ткани легких у 28 умерших в стационаре пациентов с ЦП и пневмонией показал широкий спектр микроорганизмов. Наиболее частыми возбудителями были Гр⁻ бактерии (3/4 от всех выделенных штаммов) с преобладанием представителей семейства *Enterobacteriaceae* как монокультуры (n = 7), так и в ассоциациях с грибами (n = 3) и кокковой флорой (n = 4). Гр⁺ кокки как монокультура обнаруживались у 4. В 10 случаях выявлена грибковая флора: в одном обнаружены грибы рода *Aspergillus*, в двух – изолированно *Candida spp.*, в 7 – ассоциации грибов рода *Candida* с Гр⁻ флорой. Всего ассоциации микроорганизмов установлены в 13 случаях, из них в 12 – двух, в одном – 4 микроорганизмов (*P. aeruginosa* + *P. vulgaris* + *E. coli* + *S. aureus*).

Рекомендации по эмпирической антибактериальной терапии пневмонии (EASL, 2018) [4]. В Руководстве EASL в общем виде представлены рекомендации по эмпирической антибактериальной терапии вариантов пневмонии (таблица).

Таблица

Рекомендации EASL (2018) по эмпирической антибактериальной терапии пневмонии [4]

Варианты	Лечение
Внебольничная	Пиперациллин-тазобактам, или цефтриаксон + макролид, или левофлоксацин, или моксифлоксацин
Ассоциированная с оказанием медицинской помощи	В СООТВЕТСТВИИ С ЛОКАЛЬНЫМИ РЕКОМЕНДАЦИЯМИ: как при нозокомиальных инфекциях при высокой распространенности множественной лекарственной резистентности или сепсисе
Нозокомиальная	Цефалоспорин III поколения, или меропенем + оксациллин, или гликопептид, или даптомицин, или линезолид

Печеночный гидроторакс определяется как накопление транссудата в плевральной полости у пациентов с декомпенсированным ЦП при отсутствии заболевания сердца, легких или плевры [4]. Типичным является правосторонний, в более редких случаях – левосторонний или двусторонний гидроторакс.

Обсуждается роль нескольких механизмов, лежащих в основе развития печеночного гидроторакса, – гипоальбуминемии, трансдиафрагмального лимфатического дренажа асцитической жидкости, гипертензии вен *Azigos*, но наиболее распространенным объяснением является прямое проникновение асцитической жидкости в плевральную полость через небольшие дефекты в сухожильной структуре диафрагмы. Такие дефекты (обычно менее 1 см в диаметре) могут привести к прямым плевро-перитонеальным коммуникациям, облегчая поступление асцитической жидкости в плевральную полость из-за отрицательного внутригрудного давления, вызванного вдохом [15]. Малое или умеренное количество жидкости может быть результатом ее пропотевания (без дефектов диафрагмы) – обычно это наблюдается у пациентов

с массивными отеками. Печеночный гидроторакс без асцита отмечается очень редко и обусловлен большими дефектами диафрагмы и/или малым объемом асцита.

Печеночный гидроторакс может привести к дыхательной недостаточности и осложниться спонтанной бактериальной эмпиемой. Появление гидроторакса связано с плохим прогнозом – медиана выживаемости пациентов колеблется в пределах 8–12 месяцев.

Плевральная пункция проводится для уточнения характера жидкости, проведения дифференциального диагноза с туберкулезом, раком. Плевральный выпот представляет собой транссудат с низким содержанием белка; возможно инфицирование плевральной жидкости с развитием спонтанной эмпиемы плевры (аналог СБП).

Первая линия терапии основана на применении диуретиков и/или выполнении абдоминальных парацентезов большого объема [4]. Тем не менее плевральный выпот нередко сохраняется, несмотря на успешное лечение асцита (рефрактерный гидроторакс), что требует выполнения терапевтического торакоцентеза для облегчения одышки.

Эффективность торакоцентеза преходяща, так что требуется их повторение, что увеличивает риск осложнений – пневмоторакса, инфекций плевры или мягких тканей и кровотечения.

В литературных источниках приводятся данные о положительном опыте выполнения трансюгулярного портосистемного шунта (TIPS) в качестве окончательного лечения или моста к трансплантации печени у пациентов с рефрактерным гидротораксом. Имеются сведения о выполнении плевродеза, индуцированного различными агентами (тальк, тетрацилин, доксицилин, блеомицин и повидон-йод) у пациентов, которые не являются кандидатами для TIPS или трансплантации печени, а также торакоскопической репарации при четко выраженных дефектах диафрагмы [15]. В терминальной стадии ЦП с учетом опыта паллиативной медицины и онкологии рассматривается возможность применения постоянных плевральных катетеров.

Спонтанная бактериальная эмпиема плевры обусловлена инфицированием плеврального трансудата у пациентов с предшествующим печеночным гидротораксом. Диагноз основывается на анализе плевральной жидкости, полученной при торакоцентезе: критериями являются положительная культура и более 250 нейтрофилов/мм³ или отрицательная культура и более 500 нейтрофилов/мм³ при отсутствии легочной инфекции [4].

Рекомендации по ведению пациентов с печеночным гидротораксом (EASL, 2018) [4]:

- Пациентов с печеночным гидротораксом следует оценить на необходимость трансплантации печени.

- При диагностике печеночного гидроторакса требуется исключить возможные другие причины, а именно кардиопульмональные и первичные плевральные заболевания. Нужно проводить диагностический торакоцентез, особенно при подозрении на инфицирование плевральной жидкости.

- Диуретики и торакоцентез рекомендуют в качестве первой линии лечения печеночного гидроторакса. Терапевтический торакоцентез показан пациентам с диспноэ. Систематический торакоцентез не следует проводить из-за частого возникновения осложнений.

- Плевродез может быть предложен пациентам с рефрактерным печеночным гидротораксом, не подлежащим трансплантации печени или установке TIPS. Однако частая встречаемость побочных эффектов, связанных с техникой проведения, ограничивает его использование.

- Предложена сетчатая пластика диафрагмальных дефектов для лечения печеночного гидроторакса у очень тщательно отобранных пациентов.

Гепатопульмональный синдром (ГПС) определяется как расстройство легочной оксигенации с гипоксемией, вызванное изменениями легочного микрососудистого тонуса и архитектоники с интрапульмональной вазодилатацией и реже плевраль-

ной и легочной артериовенозными коммуникациями, развивающимися при ГПС у пациентов с ЦП [8, 17]. Отмечается у 30 % пациентов с ЦП. Развитие ГПС также возможно у пациентов с предпеченочной ГПС, с внепеченочной обструкцией воротной вены, реже с острым или хроническим гепатитом. Характеризуется наличием гипоксии с парциальным давлением кислорода (PaO₂) менее 80 мм рт. ст. или альвеолярно-артериальным градиентом кислорода более 15 мм рт. ст. (более 20 мм рт. ст. у пациентов старше 65 лет) при дыхании атмосферным воздухом [4].

Относительно механизмов исследователи считают, что изменения в легких при ГПС своеобразны и имеют специальный патогенез, отличающийся от такового при сосудистых изменениях в других органах при ГПС [5, 6, 11, 18, 19]. Механизмами ГПС признаны внутрилегочная капиллярная вазодилатация, артериовенозное шунтирование и ангиогенез.

Внутрилегочная капиллярная вазодилатация – основной анатомический субстрат ГПС, приводящий к вентилиционно-перфузионному несоответствию и нарушению артериальной оксигенации. Диаметр расширенных сосудов может варьироваться от 15–100 мкм, а в некоторых случаях – до 500 мкм, тогда как обычно он колеблется от 8 до 15 мкм. Расширение прекапиллярных и капиллярных сосудов в сочетании со снижением тонуса легочной сосудистой сети приводит к увеличению легочного кровотока, который усугубляется свойственным ЦП гипердинамическим кровообращением. В результате чрезмерное количество крови проходит через легочный круг кровообращения без завершения газообмена, что приводит к артериальной гипоксемии. Внутрилегочные вазодилатации рассматриваются как результат дисбаланса между несколькими вазодилататорами и вазоконстрикторами. При ЦП с портальной гипертензией отмечается увеличение продукции вазодилататоров (прежде всего оксида азота (NO) и других) и уменьшение их печеночного клиренса. Повышенное высвобождение NO связано с повышенной экспрессией и активностью двух изоформ синтазы оксида азота (NOS) – эндотелиальной eNOS) и индуцируемой (iNOS). Повышенная продукция NO, а также окиси углерода (CO), двух легочных вазодилататоров, представляет собой ключевой процесс развития легочной вазодилатации [19].

Второй механизм, вызывающий артериальную гипоксию при ГПС, – внутрилегочное артериовенозное шунтирование, в результате которого смешанная кровь проходит через плевральные и легочные артериовенозные коммуникации, не соприкасаясь с альвеолами. Также наблюдаются портопульмонарные сосудистые коммуникации. Наличие более выраженных сосудистых дилатаций и артериовенозных коммуникаций в нижних зонах легких может объяснять механизм ортодеоксии, т. е. снижения оксигенации крови при переходе пациента из положения лежа на спине в верти-

кальное [19]. В качестве еще одного механизма ГПС рассматривается ангиогенез, который запускается кишечной бактериальной транслокацией и последующим эндотоксикозом с привлечением в легкие моноцитов и активированных макрофагов. Эти клетки вместе с циркулирующим фактором некроза опухоли-альфа (TNF- α) стимулируют активацию сигнальных путей фактора роста эндотелия сосудов (VEGF), связанных с ангиогенезом.

Данные механизмы в совокупности приводят к нарушению газообмена и оксигенации при отсутствии сердечных и легочных заболеваний.

Клинические проявления ГПС – одышка и платипноэ. Платипноэ – усиление одышки при переходе пациента из положения лежа на спине в вертикальное – является патогномичным симптомом ГПС и результатом ортодеоксии [4, 10, 12].

Гепатопульмональный синдром следует заподозрить у пациентов с заболеванием печени при наличии одышки (особенно платипноэ). В таких случаях проводится пульсоксиметрия, при выраженных симптомах (например, одышке в покое) – исследование газового состава артериальной крови. В настоящее время в качестве метода визуализации предлагается двухмерная трансторакальная контрастная (микровезикулярная) эхокардиография (ЭхоКГ) [9]. В качестве дополнительного инструмента для количественной оценки степени шунтирования у пациентов с тяжелой гипоксией и сопутствующей болезнью легких или оценки прогноза у пациентов с ГПС и очень тяжелой гипоксемией ($\text{PaO}_2 < 50$ мм рт. ст.) предлагается выполнение сканирования (MAA – technetium-99m labeled macroaggregated albumin) [4].

Диагностические критерии ГПС (EASL, 2018) [4]:

- Гипоксия с $\text{PaO}_2 > 80$ мм рт. ст. или альвеолярно-артериальный градиент кислорода ≥ 15 мм рт. ст. в атмосферном воздухе (≥ 20 мм рт. ст. у пациентов старше 65 лет).

- Легочные сосудистые дефекты, выявленные при ЭхоКГ с контрастированием, или патологическое накопление контраста в головном мозге (более 6 %) при изотопном перфузионном сканировании легких.

- Обычно при наличии ПГ, в частности:

- при печеночной ПГ при ЦП;

- при надпеченочной или печеночной ПГ у пациентов без ЦП.

- Реже при наличии:

- острой печеночной недостаточности;

- хронического гепатита.

Патогенетических методов лечения не существует. Симптоматическая терапия проводится с применением дополнительного кислорода, но в большинстве случаев не приводит к желаемым результатам.

Хотя степень гипоксемии достоверно не коррелирует с тяжестью заболевания печени, пациенты с ГПС имеют более высокую смертность, чем пациенты с циррозом печени без расстройств.

Из Рекомендаций по ведению пациентов с ГПС (EASL, 2018) [4]:

- При наличии у пациента с признаками хронической болезни печени тахипноэ, учащенного дыхания, утолщения концевых фаланг пальцев и/или цианоза следует подозревать и исключить ГПС.

- Пульсоксиметрия является средством скрининга ГПС у взрослых пациентов, но не у педиатров. Для пациентов с $\text{SpO}_2 < 96$ % должен проводиться анализ газового состава артериальной крови. PaO_2 ниже 80 мм рт. ст. и или альвеолярно-артериальный кислородный градиент ≥ 15 мм рт. ст. (для пациентов старше 65 лет ≥ 20 мм рт. ст.) при вдыхании атмосферного воздуха требует дальнейшего диагностического поиска.

- Рекомендуется использовать контрастную (микровезикулярную) ЭхоКГ для характеристики ГПС.

- Чреспищеводная ЭхоКГ с контрастированием может проводиться для окончательного исключения внутрисердечных шунтов, хотя эта методика не лишена рисков.

- У пациентов с ГПС и тяжелой гипоксией рекомендуется длительная кислородная терапия. Тем не менее нет данных об эффективности, толерантности, экономичности, комплаентности и влиянии на выживаемость на этой терапии.

- Пациентов с ГПС и $\text{PaO}_2 < 60$ мм рт. ст. следует оценивать на возможность трансплантации печени, поскольку это единственное лечение ГПС, которое доказано эффективным на сегодняшний день.

Портопальмональная гипертензия (ППГТ) – состояние, при котором легочная артериальная гипертензия (ЛАГ) возникает на фоне ПГ [4] и классифицируется как вариант ЛАГ [3]. В Руководстве по диагностике и лечению легочной гипертензии European Society of Cardiology/European Respiratory Society (ESC/ERS, 2022) приводятся данные, что ЛАГ, связанная с ПГ (ППГТ), развивается у 2–6 % пациентов с ПГ с заболеванием печени или без него. В регистрах ЛАГ доля ППГТ составляет 5–15 % [3].

Относительно механизмов ППГТ полагают, что нарушение возникает в результате чрезмерной вазоконстрикции, сосудистого ремоделирования, а также пролиферативных и тромботических событий в легочном кровообращении, которые приводят к прогрессирующей правожелудочковой недостаточности и в конечном счете к смерти [9, 13, 19, 20]. Многочисленные факторы несут за это ответственность, в том числе изменения в эндогенных сосудистых регуляторах, увеличение эндотелина 1 и снижение синтеза простациклина в эндотелии, пролиферация гладких мышечных клеток/эндотелиальная активация и агрегация тромбоцитов.

Авторы Руководства по диагностике и лечению легочной гипертензии ESC/ERS (2022) обращают внимание, что ППГТ отличается от ГПС, для которого характерна капиллярная вазодилатация и артериовенозное шунтирование, и отмечают, что ГПС и ППГТ могут возникать у пациентов с ПГ последовательно или одновременно [3].

Пациенты с ППГТ могут не иметь симптомов, но часто отмечают одышку при физической нагрузке, и у них могут быть клинические признаки правожелудочковой недостаточности [12].

Трансторакальная ЭхоКГ обычно является первым методом неинвазивной оценки у пациентов с подозрением на ЛАГ. Окончательный диагноз требует инвазивного гемодинамического подтверждения с помощью катетеризации правых отделов сердца [7, 12].

Градации тяжести ППГТ основана на оценке среднего легочного артериального давления (mPAP) и предполагает высокое легочное сосудистое сопротивление: мягкая – mPAP ≥ 25 и < 35 мм рт. ст., умеренная – mPAP ≥ 35 и < 45 мм рт. ст., тяжелая – mPAP ≥ 45 мм рт. ст. [16].

Наличие ППГТ рассматривается у пациента с установленной ПГ в отсутствие других причин легочной артериальной или венозной гипертензии, а именно тромбозов легочной артерии, хронической болезни легких, хронической болезни сердца (EASL, 2018) [4].

В упомянутых руководствах (EASL, 2018, и ESC/ERS, 2022), а также в руководстве International Liver Transplant Society (2016) [9] подчеркивается актуальность идентификации ППГТ у пациентов, рассматриваемых в качестве кандидатов для TIPS

или трансплантации печени, ввиду большого влияния на их прогноз.

Рекомендации по ведению пациентов с декомпенсированным ЦП (EASL, 2018) и Рекомендации по диагностике и лечению пациентов с легочной гипертензией (ESC/ERS, 2022) включают специальные положения по обследованию и ведению пациентов с ППГТ в контексте рассмотрения возможностей трансплантации печени и установки TIPS. В документе ESC/ERS (2022) рекомендуется пациентам с ЛАГ, связанной с ПГ, направлять в центры, обладающие опытом лечения обоих состояний. Также отмечается, что лечение, которое утверждено для первичной ЛАГ, может быть полезным при ППГТ для улучшения гемодинамики и толерантности к физическим нагрузкам, однако лекарственные средства, одобренные для лечения ЛАГ, не рекомендуются пациентам с ПГ в связи опасениями по поводу ухудшения функции печени.

Заключение. Главный подход к лечению пациентов с декомпенсированным ЦП основан на индивидуальном контроле отдельных осложнений. Мультиорганный характер декомпенсации с системной дисфункцией диктует междисциплинарный подход, включающий в том числе респираторную медицину, для оптимизации ведения пациента с декомпенсированным ЦП.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гавриленко Д.И., Силивончик Н.Н., Жандаров М.Ю. Особенности течения пневмонии у пациентов с декомпенсированным циррозом печени // *Здравоохранение*. 2017; 8: 19–23.
2. Craciun R., Mocan T., Procopet B. et al. Pulmonary complications of portal hypertension: The overlooked decompensation // *World J. Clin. Cases*. 2022; 10: 5531–5540. doi: 10.12998/wjcc.v10.i17.5531
3. 2022 ESC/ERS Guidelines for the diagnosis and treatment of pulmonary hypertension [Electronic resource] // *Eur. Heart J*. 2022; 00, 1–114. URL: <https://doi.org/10.1093/eurheartj/ehac237>
4. EASL Clinical Practice Guidelines for the management of patients with decompensated cirrhosis // *J. Hepatol*. 2018; 69: 406–460.
5. Grilo-Bensusan I., Pascasio-Acevedo J.M. Hepatopulmonary syndrome: What we know and what we would like to know // *World J. Gastroenterol*. 2016; 22: 5728–5741. doi: 10.3748/wjg.v22.i25.5728.
6. Iliana N.-V. D., Roldan-Valadez E., Cueto-Robledo G. et al. Portopulmonary hypertension: prevalence, clinical and hemodynamic features // *Curr. Probl. Cardiol*. 2021; 46:100747. doi: 10.1016/j.cpcardiol.2020.100747.
7. Iqbal S., Smith K.A., Khungar V. Hepatopulmonary syndrome and portopulmonary hypertension: Implications for liver transplantation // *Clin. Chest Med*. 2017; 38: 785–795. doi: 10.1016/j.ccm.2017.08.002.
8. Koch D.G., Fallon M.B. Hepatopulmonary syndrome // *Clin. Liver Dis*. 2014; 18: 407–420. doi: 10.1016/j.cld.2014.01.003.
9. Krowka M.J., Fallon M.B., Kawut S.M. et al. International Liver Transplant Society Practice Guidelines: Diagnosis and management of hepatopulmonary syndrome and portopulmonary hypertension // *Transplantation*. 2016; 100: 1440–1452. doi: 10.1097/TP.0000000000001229
10. Lai Y.K., Kwo P.Y. Portopulmonary hypertension // *Clin. Liver Dis*. 2023; 27: 71–84. doi: 10.1016/j.cld.2022.08.002.
11. Li L., Cook C., Liu Y. et al. Endothelial glycoalkalix in hepatopulmonary syndrome: An indispensable player mediating vascular changes // *Front Immunol*. 2022; 13: 1039618. doi: 10.3389/fimmu.2022.1039618.
12. Lv Y., Han G., Fan D. Portopulmonary hypertension // *Scand. J. Gastroenterol*. 2016; 51: 795–806. doi: 10.3109/00365521.2016.1157895.
13. Mazzola M., Madonna R., Badagliacca R. et al. Porto-pulmonary arterial hypertension: Translation of pathophysiological concepts to the bedside // *Vascul. Pharmacol*. 2022; 145: 107022. doi: 10.1016/j.vph.2022.107022.
14. Peppas S., Nagraj S., Koutsias G. et al. Portopulmonary hypertension: A review of the current literature // *Heart Lung. Circ*. 2022; 31: 1191–1202. doi: 10.1016/j.hlc.2022.04.056.
15. Pippard B., Bhatnagar M., McNeill L. et al. Hepatic hydrothorax: A narrative review // *Pulm. Ther*. 2022; 8: 241–254. doi: 10.1007/s41030-022-00195-8
16. Rodriguez-Roisin R., Krowka M.J., Herve P. et al.; ERS Task Force Pulmonary-Hepatic Vascular Disorders (PHD) Scientific Committee. Pulmonary-hepatic vascular disorders (PHD) // *Eur. Respir. J*. 2004; 24: 861–880.
17. Schraufnagel D.E., Kay J.M. Structural and pathologic changes in the lung vasculature in chronic liver disease // *Clin. Chest Med*. 2006; 17: 1–15.
18. Sendra C., Carballo-Rubio V., Sousa J.M. Hepatopulmonary syndrome and portopulmonary hypertension: Management in liver transplantation in the horizon 2020 // *Transplant. Proc*. 2020; 52: 1503–1506. doi: 10.1016/j.transproceed.2020.02.057.
19. Souliadopoulos S., Cholongitas E., Giannakoulas G. et al. Review article: Update on current and emergent data on hepatopulmonary syndrome // *World J. Gastroenterol*. 2018; 24: 1285–1298. doi: 10.3748/wjg.v24.i12.1285
20. Thomas C., Glinskii V., de Jesus Perez V. et al. Portopulmonary hypertension: From bench to bedside // *Front. Med. (Lausanne)*. 2020; 7: 569413. doi: 10.3389/fmed.2020.569413.

Поступила 15.05.2023

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ФЕРТИЛЬНОСТИ У ЛИЦ МУЖСКОГО ПОЛА ПРИ ГИПОГОНАДОТРОПНОМ ГИПОГОНАДИЗМЕ

С.В. Тишковский*, Л.В. Никонова

Гродненский государственный медицинский университет

*Контактная информация. Тел.: +375 29 685 35 61, e-mail: tishkovsky@rambler.ru

RESTORATION OF FERTILITY IN MALE PERSONS WITH HYPOGONADOTROPIC HYPOGONADISM

S.V. Tishkovskiy*, L.V. Nikonova

Grodno State Medical University

*Corresponding author. Tel.: +375 29 685 35 61, e-mail: tishkovsky@rambler.ru

Актуальность изучения мужского гипогонадотропного гипогонадизма обусловлена тем, что традиционно для лечения всех форм гипогонадизма у лиц мужского пола используют препараты тестостерона. Как следствие, пациенты остаются бесплодными, испытывают психосоциальную неудовлетворенность. Очень важным для пациентов считается возраст постановки диагноза и начала лечения, поскольку при правильно подобранной терапии возможно восстановление фертильности, что обеспечит достойный уровень жизни мужчин, а также позволит им почувствовать себя полноценными членами социума.

KEYWORDS

hypogonadotropic hypogonadism, classification, diagnosis, treatment, human chorionic gonadotropin, follicle-stimulating hormone

The relevance of the study of male hypogonadotropic hypogonadism is due to the fact that testosterone preparations are traditionally used to treat all forms of hypogonadism in males. As a result, patients remain infertile, experiencing psychosocial dissatisfaction. The age of diagnosis and treatment is considered very important for patients, since with the right therapy, fertility can be restored, which will ensure a decent standard of living for men, and also allow them to feel like full-fledged members of society.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гипогонадотропный гипогонадизм, классификация, диагностика, лечение, хорионический гонадотропин, фолликулостимулирующий гормон

Введение. Вопросы репродуктивного здоровья мужского населения в последние годы стоят очень остро. Имеются данные, что вклад мужского фактора в бездетный брак колеблется от 40 до 60 % и имеет стойкую тенденцию к росту [1]. Вопросы репродукции касаются взрослого населения, но истоки этой проблемы могут лежать еще в детском возрасте. Со стороны ученых в настоящее время проблеме гипогонадотропного гипогонадизма (ГГ) уделяется все большее внимание. Важность данной проблемы подчеркивает то, что в 2011 году Университетский госпиталь Лозанны в Швейцарии предложил создание Европейского обширного исследовательского сообщества, которое будет представлять платформу для практикующих врачей и исследователей с целью сотрудничества в области исследования заболеваний дефицита гонадотропин-рилизинг-гормона (ГнРГ). Первый съезд состоялся в Брюсселе в 2013 году [2]. Создание сообщества такого масштаба является крупным шагом на пути к пониманию точных механизмов патогенеза данной патологии, повышению эффективности терапии с восстановлением

репродуктивной функции. Это сможет обеспечить достойный уровень жизни мужчин с ГГ, а также позволит им почувствовать себя полноценными членами социума.

Определение мужского гипогонадизма. Синдром гипогонадизма у мужчин – это клинический и биохимический синдром, связанный с низким уровнем тестостерона, а также нечувствительностью рецепторного аппарата к нему и его метаболитам, сопровождающийся эректильной дисфункцией, нарушением полового развития и сперматогенеза, снижением фертильности и сексуальной активности, который может оказывать негативное воздействие на множество органов и систем, ухудшая качество жизни и жизненный прогноз [3–5].

Этиопатогенетическая классификация мужского гипогонадизма. Гипогонадизм обусловлен нарушением функции яичек и/или гонадотропин-продуцирующей функции гипофиза, а также прерыванием определенных звеньев гипоталамо-гипофизарно-гонадной цепи. Кроме того, клиническая картина гипогонадизма может развиваться и при

нормальном или повышенном уровне тестостерона, но нечувствительности андрогенных рецепторов [6].

Мужской гипогонадизм можно классифицировать в зависимости от уровня нарушений: яички (первичный гипогонадизм); гипоталамус и гипофиз (вторичный гипогонадизм); гипоталамус/гипофиз и яички (смешанный гипогонадизм), типичен

для возрастного гипогонадизма; органы-мишени для действия андрогенов (нечувствительность/резистентность к андрогенам).

Далее речь в статье пойдет о гипогонадотропном гипогонадизме (вторичный гипогонадизм).

Формы и причины мужского ГГ представлены в табл. 1 [7].

Таблица 1

Классификация мужского ГГ	
<i>Вторичный гипогонадизм</i>	<i>Причины дефицита тестостерона</i>
Изолированный ГГ	Дефицит ГнРГ, изолированный дефицит лютеинизирующего гормона (ЛГ)
ГГ с аносмией (частота 1:10 000)	Генетический детерминированный дефицит ГнРГ с аносмией
Синдром Прадера-Вилли (частота 1:10 000)	Врожденное нарушение секреции ГнРГ
Вторичный дефицит ГнРГ	Лекарственные препараты и виды лечения, токсины, системные заболевания
Опухоли гипофиза, гипопитуитаризм	Гормонально активные и «неактивные» аденомы гипофиза, метастазы в гипофиз, опухоли кармана Ратке, радиотерапия, травма, инфекции, гемохроматоз, сосудистая недостаточность, врожденный дефект, инфильтративные заболевания, в частности гистиоцитоз X
Гиперпролактинемия	Пролактинсекретирующая аденома гипофиза (пролактинома) или прием определенных лекарственных препаратов
Врожденная гипоплазия надпочечников в сочетании с ГГ (частота 1:12 500)	Заболевание, наследуемое по X-сцепленному рецессивному типу, в большинстве случаев обусловлено мутациями гена DAX1

Формирование гипоталамо-гипофизарно-гонадной оси. Пубертатный период характеризуется становлением гипоталамо-гипофизарно-гонадной системы, обеспечивающей работу половых желез. Начало пубертата связывают с высокой частотой импульсной секреции гипоталамусом ГнРГ [1].

В норме нейроны гипоталамуса секретируют ГнРГ пульсирующим способом через определенные промежутки времени в течение суток с помощью гипофизарной портальной системы, действуя на аденогипофиз и вызывая высвобождение им двух гонадотропных гормонов – ЛГ и фолликулостимулирующего гормона (ФСГ) [8]. В мужском организме ЛГ активно стимулирует синтез андрогенов в клетках Лейдига, а под действием тестостерона и дигидротестостерона происходит развитие вторичных половых признаков. ФСГ связывается с рецепторами клеток Сертоли, стимулируя продукцию ингибина Б. Под действием ФСГ в период пубертата происходит увеличение массы семенных канальцев и созревание сперматозоидов в клетках Сертоли [9]. Нейроны, секретирующие ГнРГ, берут начало в области обонятельной плакоды, затем проходят через ситовидную пластинку и попадают в структуру, называемую обонятельной луковицей. Оттуда в первые 10 недель развития головного мозга они мигрируют в зону будущего гипоталамуса. После рождения ГнРГ-нейроны в мозге уже находятся на своих местах, многие из них встраиваются в медиальное возвышение гипоталамуса, где

они выделяют ГнРГ из своих терминалей аксонов в кровеносные сосуды гипоталамо-гипофизарной портальной системы. Любые проблемы в развитии обонятельной луковицы (аплазия, гипоплазия) препятствуют прохождению ГнРГ-секретирующих нейронов через нее. Если они не достигают гипоталамуса, ГнРГ не секретируется, что, в свою очередь, ведет к отсутствию секреции гонадотропинов гипофизом. В конечном счете развиваются нарушения полового созревания и недостаточная выработка тестостерона у мужчин [8].

Клиническая картина. ГГ может быть как врожденным, так и приобретенным, возникать до и после периода полового созревания [10].

Врожденный ГГ (ВГГ) – снижение функции половых желез, в основе которого лежит нарушение синтеза, секреции или действия ГнРГ – ключевого нейрорегулятора репродуктивной системы млекопитающих. ВГГ может проявляться изолированным нарушением функции ГнРГ, сочетаться с недостаточностью других гормонов аденогипофиза (врожденный гипопитуитаризм) или быть частью синдромов.

Выделяют два основных фенотипа ВГГ:

1. Синдром Кальмана (СК) – сочетание ГГ и гипосмии или аноσμии, которое чаще наблюдается при нарушении закладки и миграции ГнРГ-секретирующих нейронов.

2. Нормосмический вариант изолированного ГГ может наблюдаться при нарушении секреции

ГнРГ, мутациях в гене рецептора к ГнРГ, нарушении секреции гонадотропинов [11].

СК был описан американским психологом и генетиком Францем Йозефом Кальманом в 1944 году. Однако намного раньше, в 1856 году, испанский врач Ауреалино Маэстре де Сан Хуан (синдром De Morsier) сообщил о больном с аносмией и гипогонадизмом, а на вскрытии заметил отсутствие у него обонятельных луковиц [12].

Патогенез СК связывают с нарушением миграции ГнРГ-нейронов из обонятельной плакоды в передний мозг в процессе эмбрионального развития.

В последние годы благодаря развитию молекулярной биологии и внедрению технологий секвенирования следующего поколения достигнут значительный прогресс в изучении ВГГ, и к настоящему моменту известно более 40 генов, ассоциированных с данными состояниями [13]. Наряду с X-сцепленным рецессивным и аутосомно-доминантным вариантами наследования, в структуре ВГГ выделяют также аутосомно-рецессивные формы, распространенность которых может значительно варьировать в различных этнических группах. В связи с этим заслуживает особого внимания рецессивная форма ВГГ, обусловленная дефектами гена GNRHR, кодирующего рецептор ГнРГ. По данным литературы, доля данной формы ВГГ варьирует в широких пределах, колеблясь от 2 [14] до 32 % [15].

Так, пациенты с СК почти всегда рождаются с нормальной половой дифференциацией за счет действия хорионического гонадотропина человека (ХГЧ), вырабатываемого плацентой примерно на 12–20-й неделе гестации, на активность которого в норме не влияет развитие СК [2]. По оценкам, в 60 % случаев СК не наблюдается симптомов, не связанных с репродуктивной функцией [8]. По данным других авторов, наличие аноσμии или гипосмии, характерной для СК, проявляется только в 30–50 % случаев гипогонадизма [16]. Дети с СК не отстают в развитии от своих сверстников до 13–14 лет, но позже, при отсутствии пубертатного ростового скачка, скорость роста у этих детей несколько снижается. Конечный рост детей не страдает и даже может превышать генетически детерминированный рост, так как зоны роста долго остаются открытыми и способность к линейному росту сохраняется до 20 лет и более. Отсутствие половых гормонов в период полового созревания приводит главным образом к росту конечностей, соотношение верхнего и нижнего сегмента тела снижается, формируются евнухоидные пропорции тела [8]. Дифференцировка костного скелета до пубертатного возраста соответствует фактическому возрасту ребенка и только с 13–14 лет отмечают отставание костного возраста. Выявляется высокий голос. Характерна гинекомастия. Снижение мышечной массы, мышечной силы с отложением жира на бедрах и груди особенно заметно у мужчин с врожденным СК. Подмышечное и лобковое оволосение обычно скудное. У этих пациентов также

выявляется лобковое оволосение по женскому типу.

Сложности диагностики СК связаны с тем, что выделяют следующие варианты развития СК у мужчин [2]:

1. **Классический гипогонадотропный гипогонадизм:** присутствует с рождения и наблюдается в течение всей жизни. Характерно отсутствие выброса ГнРГ и, как следствие, полового созревания. У мужчин в анамнезе часто крипторхизм и микропенис.

2. **Гипогонадотропный гипогонадизм с началом во взрослом возрасте:** характерно нормальное функционирование оси гипоталамус-гипофиз-гонады с последующим угасанием ее активности, что приводит к снижению уровня тестостерона и бесплодию.

3. **Обратимый СК:** характерно восстановление функционирования оси гипоталамус-гипофиз-гонады с возвращением нормальных уровней ГнРГ, ФСГ, ЛГ во взрослом возрасте.

4. **Нормальное половое созревание без симптомов, не связанных с репродуктивностью:** характерно нормальное половое созревание и наличие симптомов, не связанных с репродуктивной функцией (например, аносмия).

Обычно сложно отличить СК от простой конституциональной задержки полового созревания.

В ряде случаев начало заболевания может наблюдаться после пубертатного периода, что приводит к развитию фенотипически нормального пениса у мужчин с последующей атрофией яичек и потерей некоторых вторичных половых признаков. У таких мужчин обычно наблюдается ухудшение половой функции и понижение либидо. Аносмия у таких пациентов может присутствовать или отсутствовать. Около 10 % подростков с СК могут иметь парциальную форму ГГ.

Приобретенный ГГ развивается у пациентов (в том числе и у детей) с объемными образованиями хиазмально-селлярной области (ХСО) – краниофарингиомы, глиомы, аденомы гипофиза и др. [17, 18].

ГГ может возникать, как указывалось ранее, до и после периода полового созревания [10].

Для препубертатного гипогонадизма характерны высокий рост (при сохраненной секреции соматотропного гормона) или карликовость (при дефиците соматотропного гормона), евнухоидные пропорции тела – длинные конечности, укороченное туловище, слаборазвитая скелетная мускулатура, распределение жира по женскому типу, истинная гинекомастия, бледность кожных покровов, отсутствие оволосения на лобке, подмышечных впадинах, высокий тембр голоса, при этом длина полового члена не превышает 5 см, наблюдают атонию мошонки, объем яичек составляет менее 2 см³, или они отсутствуют в мошонке, развивается синдром «непробужденного» либидо.

Для постпубертатного гипогонадизма характерно снижение полового влечения, уменьшение

частоты возникновения и ослабление адекватных и спонтанных эрекции, пролонгированный половой акт, ослабление яркости или исчезновение оргазма, отсутствие семяизвержения, уменьшение оволосения на теле и лице, истончение волос на голове, бледность кожных покровов. При этом длина полового члена составляет 5 см и более, мошонка атонична, объем яичек более 12 см³, они мягкие и дряблые при пальпации [10].

Диагностика. ГГ диагностируется при наличии клинических симптомов, ассоциированных с дефицитом андрогенов (описание представлено выше) [19].

Гормональные исследования. Тестостерон (общий, связанный): рекомендуется забор крови для определения уровня тестостерона натощак, между 7 и 11 часами утра всем мужчинам в целях выявления гипогонадизма. Рекомендуется считать 12,1 нмоль/л для общего тестостерона сыроворотки крови как пороговое значение у всех мужчин с целью разграничить нормальное состояние и потенциальный дефицит тестостерона. Рекомендуется определить уровень глобулина, связывающего половые стероиды, с дальнейшим расчетом уровня свободного тестостерона (нижняя граница нормы которого составляет 243 пмоль/л) мужчинам с уровнем общего тестостерона от 8 до 12 нмоль/л для разграничения нормального состояния и потенциального дефицита тестостерона [3].

ФСГ, ЛГ: характерно снижение уровня ФСГ и ЛГ, но необходимо помнить, что для них характерен пульсирующий механизм секреции. У ФСГ период выведения больше, чем у ЛГ. Анализ полученных данных желательнее проводить с учетом нескольких образцов, взятых с интервалом в 20–30 мин.

Пролактин: при подозрении на гипогонадизм необходимо исследовать после соответствующей подготовки [2].

Одним из перспективных современных методов диагностики является определение отдельных маркеров репродуктивной функции второго уровня, к которым относят **ингибин Б** и **антимюллеров гормон** (АМГ). При физиологическом половом созревании уровень ингибина Б растет, а АМГ – резко снижается, что является ответом клеток Сертоли на воздействие андрогенов. Именно по этой причине одновременное определение уровней обоих гормонов позволит с высокой степенью достоверности прогнозировать, вступит ли мальчик с задержкой полового развития в пубертат самостоятельно [1, 20].

Учитывая, что клинические и гормональные показатели при конституциональной задержке пубертата (КЗП) и гипогонадизме идентичны, необходимо проведение специальных тестов [20].

Широкое распространение получили **стимуляционные пробы** с агонистами ГнРГ, в основе которых лежит способность этих препаратов стимулировать гипофиз к выработке гонадотропинов (ЛГ, ФСГ) вследствие высокой степени их структурного сродства к рецепторам ГнРГ. Методика состоит в однократном

введении агониста ГнРГ с последующим определением уровня стимулированной секреции через 1, 4, а иногда и 24 ч. По современным представлениям, в результате стимуляции выброс гонадотропинов у пациентов с КЗП будет значительно выше, чем у лиц с гипогонадизмом. Несмотря на то, что тесты с агонистами ГнРГ показывают высокую чувствительность и специфичность, малое число групп в исследованиях и отсутствие сходных референсных значений у различных авторов ограничивает возможность их широкого использования в клинической практике [1].

Пробу с ХГЧ традиционно используют для оценки состояния тестикулярной ткани и выявления дефектов биосинтеза и действия тестостерона. В основе методики лежит способность ХГЧ стимулировать ЛГ-рецепторы клеток Лейдига с последующим увеличением выработки андрогенов. Теоретически при дефиците гонадотропинов, наблюдаемом у пациентов с ГГ, выработка тестостерона на фоне ХГЧ-стимуляции должна быть минимальной. В настоящее время существует несколько вариантов протоколов проведения этого теста (разные дозы ХГЧ, число инъекций, последовательность забора крови на тестостерон).

Перед назначением лечения при ГГ проводят пробу: пациенту ежедневно в течение 3 дней внутримышечно вводят ХГЧ по 1000–2000 ЕД и через 24 ч после последней инъекции определяют уровень тестостерона крови. Результат считается положительным и свидетельствует о хорошей резервной функции яичек при повышении уровня тестостерона крови на 50 % и более [21, 22]. При положительном результате пробы возможно назначение ХГЧ [21, 23].

Проба с кломифеном: кломифен блокирует влияние половых стероидов на гипофиз. После определения исходных уровней ЛГ и общего тестостерона назначается кломифен цитрат в дозе 50 мг перорально утром, сразу после ночного сна, ежедневно сроком 10 дней. Далее повторно определяются уровни ЛГ и общего тестостерона – при их нормализации верифицируется нарушение отрицательной обратной связи в системе «гипофиз – гонады», а при отсутствии нормализации – вторичный гипогонадизм [24].

Спермограмма: исследование необходимо проводить после 3–5-дневного воздержания. Образец нужно исследовать в течение 2 ч с момента его получения. Для полного обследования часто нужны три образца, полученные с интервалом в 2–3 месяца. В норме объем образца составляет 1,5–6 мл, число сперматозоидов более 20 млн в 1 мл, и не менее 50 % из них должны быть подвижными [2].

Рентгенография костей рук и запястий: оценка костного возраста. Если костный возраст значительно ниже, чем биологический возраст пациента, можно предположить задержку полового созревания, если нет иных первопричин такого несоответствия.

Двухэнергетическая рентгеновская абсорбциометрия: определение плотности костной ткани.

Рекомендуется проведение **магнитно-резонансной томографии головного мозга** для определения наличия обонятельной луковицы, а также мужчинам с ГГ в сочетании с гиперпролактинемией в целях выявления пролактинсекретирующей и других опухолей гипофиза [3].

Ольфактометрическая проба проводится для измерения остроты обоняния.

Для диагностики ГГ используется **генетическое тестирование**, которое является новым, дорогостоящим методом диагностики, хотя перспективы его использования с каждым годом увеличиваются [25].

Исследование кариотипа проводится для исключения синдромов Клайнфельтера и др.

К дополнительным инструментальным методам исследования относят эхокардиографию, ультразвуковое исследование яичек, грудных желез, аудиометрию, электроэнцефалографию.

К дополнительным лабораторным методам исследования относят определение уровня электролитов, ферритина, тиреотропного гормона и свободного тироксина, инсулиноподобного фактора роста I и белоксвязанного инсулиноподобного фактора роста 3 в сыворотке крови [2, 20].

Вышеуказанный спектр обследований при необходимости может быть расширен.

Дифференциальная диагностика. Функциональные причины: недоедание и/или мальабсорбция, хронические заболевания, целиакия, расстройства пищеварения, чрезмерные физические нагрузки. Системные причины: гемохроматоз, саркоидоз, гистиоцитоз, талассемия [20]. Приобретенные причины: аденома гипофиза и/или опухоли мозга, киста кармана Ратке, апоплексия гипофиза, радиация (облучение мозга или гипофиза). Конституциональная задержка роста и пубертата составляет 60–80 % случаев задержки полового созревания [26].

Лечение. Традиционно для лечения всех форм гипогонадизма у лиц мужского пола используют препараты тестостерона, которые позволяют добиться удовлетворительных конечного роста и стадии полового развития. Однако объем гонад остается допубертатным, и созревание сперматогенного эпителия в таких условиях невозможно. Как следствие, пациенты остаются бесплодными, испытывают психосоциальную неудовлетворенность [27]. По данным литературы, использование препаратов гонадотропинов – ХГЧ и рекомбинантного фолликулостимулирующего гормона (рФСГ) – у взрослых пациентов с ГГ позволяет не только увеличить объем гонад, но и в ряде случаев добиться сперматогенеза [28, 29, 30]. Однако терапия, начатая во взрослом состоянии, далеко не всегда позволяет получить удовлетворительные результаты спермограммы [28].

Федеральные клинические рекомендации (протоколы) по диагностике и лечению гипогонадизма у детей (утверждены на заседании профильной комиссии в рамках научно-практической конференции «Эндокринологические аспекты в педиатрии», Москва, декабрь 2013 года) [18] рекомендуют терапию препаратами эфиров тестостерона в большинстве случаев. При вторичном гипогонадизме возможно восстановление фертильности путем введения гонадотропинов. Тактика выбора лечения определяется желанием пациента в настоящее время иметь или не иметь фертильность. Однако в детской практике чаще данный вопрос не является актуальным. Тем не менее при лечении ГГ у подростка, родители которого желают сохранить фертильность, врач сталкивается с рядом вопросов, касающихся сроков начала терапии, выбора препаратов и последовательности их введения, режима дозирования. Последнее время обсуждается вопрос о преимуществе начала терапии вторичного гипогонадизма у мальчиков с гонадотропинов [28], так как данный подход имитирует начало созревания клеток Сертоли в период полового созревания и установление взаимосвязи между клетками Сертоли и Лейдига, что может позволить в будущем поддерживать сперматогенез без дополнительного введения ФСГ, что повысит вероятность фертильности, улучшит качество жизни, а также поможет существенно снизить стоимость лечения бесплодия у взрослых [28, 29, 30]. Существует несколько протоколов лечения гонадотропинами [18]:

1. Препараты ФСГ в дозе 75–150 ЕД в/м 1 раз в 2–3 дня не менее 6 месяцев с последующим добавлением ХГЧ 1000–3000 ЕД 1 раз в 3–4 дня длительно.

2. ХГЧ 1000–3000 ЕД 1 раз в 3–4 дня до достижения уровня тестостерона не менее 12 нмоль/л с последующим добавлением препаратов ФСГ в дозе 75–150 ЕД в/м 1 раз в 2–3 дня под контролем АМГ, ингибина В, спермограммы.

3. Сразу же сочетанное использование препаратов ФСГ в дозе 75–150 ЕД в/м 1 раз в 2–3 дня и ХГЧ 1000–3000 ЕД 1 раз в 3–4 дня длительно.

Многие авторы придерживаются мнения, что проводить лечение гонадотропинами следует всем пациентам с диагностированным ГГ [18], достигшим возраста 14 лет, когда синдром задержки пубертата является клинически значимым, снижает качество жизни подростка и, следовательно, требует лечения. От подобной терапии стоит воздержаться, если имеется хотя бы одно из нижеперечисленных состояний: 1) наличие опухоли гипофиза или гипоталамуса, лечение которой не проводилось либо проводилась неадекватная терапия; 2) неконтролируемые нарушения со стороны щитовидной железы, надпочечников и гипофиза с нестабильной заместительной терапией (дозы препаратов не были стабильными в течение по крайней мере 3 месяцев); 3) операция или лучевая терапия опухолей ХСО в течение 12 месяцев до на-

чала лечения; 4) наличие в анамнезе химиотерапии по поводу онкологического заболевания; 5) клинически значимое заболевание печени, включая активный вирусный гепатит или цирроз; 6) аллергия/гиперчувствительность к гонадотропинам или их вспомогательным компонентам; 7) клинически значимое состояние или ситуация, при которой, по мнению лечащего врача, терапия может быть небезопасна [31].

В публикациях зарубежных авторов также можно найти результаты исследований различных вариантов терапии гонадотропинами. Например, Julia Rohayem и соавт. начинают с ХГЧ в индивидуальных и постепенно возрастающих дозах до достижения уровня тестостерона, соответствующего стадии полового развития пациента. При этом стартовая и полная терапевтическая дозы ХГЧ, а также целевой уровень тестостерона зависят от наличия/отсутствия предшествующей терапии препаратами половых гормонов. Далее к терапии добавляют препараты рФСГ в дозе 75–150 МЕ [30]. Naoko Sato и соавт. предлагают одновременное введение препаратов ХГЧ и рФСГ в минимальных дозах с постепенным (раз в 6 месяцев) их увеличением до полных заместительных – 3000 ЕД и 150 ЕД соответственно 1 раз в неделю [29]. Между тем накопленные литературные данные свидетельствуют о первоочередной роли ФСГ в создании условий для будущего сперматогенеза в пубертатном возрасте [28]. У подростков так называемая вторая волна пролиферации клеток Сертоли («первой» называют пролиферацию незрелых клеток Сертоли в периоде «мини-пубертата» под действием гонадотропных гормонов) и увеличение объема тестикул связаны с повышением секреции ФСГ клетками гипофиза, стимулированными гонадолиберинном. Далее ЛГ способствует повышению уровня тестостерона, что ведет, благодаря экспрессии соответствующих рецепторов на поверхности клеток Сертоли в пубертатном периоде, к их конечной дифференцировке. Количество клеток Сертоли находит отражение в качестве спермограммы. В результате исследователи полагают, что начинать следует с препаратов рФСГ, со временем переходя на комбинированную терапию гонадотропинами. Продолжительность периода монотерапии препаратами рФСГ, по данным литературы, варьирует от нескольких месяцев до 2 лет, находится в обратной зависимости от возраста пациентов и определяется уровнем ингибина В [28]. Так, А. Дьюер и соавт. показали, что концентрация ингибина В претерпевает значимые изменения в первые 2–3 месяца введения препаратов рФСГ, после чего приобретает вид «плато», подобно физиологическим изменениям в пубертатном возрасте [32]. Наиболее обоснованным представляется начало лечения с введения препаратов рФСГ. Режим дозирования рФСГ 75–150 МЕ в зависимости от веса и/или возраста подкожно 3 раза в неделю согласуется с мнением большинства авторов [18, 30].

В частности, результаты исследований по применению рФСГ в дозе 150 МЕ 3 раза свидетельствовали об увеличении объема яичек вдвое, индукции сперматогенеза у мужчин с ГГ и нормализации уровня иммунореактивного ФСГ [28, 30]. Переходить на комбинированную терапию целесообразно через 2–4 месяца от начала введения препаратов рФСГ. Возраст пациентов не позволяет длительно откладывать индукцию пубертата, а значимые изменения уровня ингибина В, как указывалось выше, происходят в первые 2–3 месяца лечения [28]. Так, через 2–4 месяца от начала введения препаратов рФСГ пациент начинает получать дополнительно ХГЧ внутримышечно (подкожно) в стандартном режиме дозирования – 1000–1500 МЕ в зависимости от веса и/или возраста 2 раза в неделю с последующей титрацией дозы по уровню тестостерона с целью поддержать его в пределах нормальных значений для стадии пубертата. При появлении признаков гинекомастии и/или повышении концентрации эстрадиола дозу ХГЧ можно снизить [33]. Продолжать этап комбинированной терапии рекомендуется в течение 1,5–2 лет [34]. Судить об эффективности терапии в подростковом возрасте можно на основании оценки полового развития по шкале Таннера (с измерением объема яичек с помощью орхидометра Прадера), антропометрии (с определением костного возраста по рентгенограмме левой кисти с помощью атласа Greulich) [17, 18]. Важнейшими лабораторно-инструментальными методами контроля являются: измерение объема яичек методом ультрасонографии, определение в крови уровня тестостерона, который отражает функциональную активность клеток Лейдига, концентраций ингибина В и АМГ, которые отражают функцию клеток Сертоли. Увеличение объема яичек, достижение пубертатных уровней тестостерона и ингибина В, повышение и затем снижение уровня АМГ свидетельствуют об эффективности терапии гонадотропинами [17, 18, 28, 29, 30]. Данные о ценности сывороточного АМГ и/или его отношения к тестостерону в плане фертильности противоречивы [35, 36]. С одной стороны, Massimo Alfano и соавт. называют уровень АМГ менее 4,62 нг/мл и/или соотношение АМГ к общему тестостерону менее 1,02 высокочувствительным маркером фертильности, доказанной методом тестикулярной микродиссекции [35], а с другой – L. Aksglaede и соавт. не обнаруживают взаимосвязи между концентрацией АМГ и качеством спермограммы [36]. О приверженности пациента к терапии, а также адекватности дозы препарата рФСГ можно судить по уровню иммунореактивного ФСГ 1–7 ЕД/л [30]. Учитывая вероятность задержки полового развития у пациента с ГГ, считается важным проводить измерение уровня ЛГ на протяжении всего лечения. Предполагается, что у пациентов с ГГ эндогенный уровень ЛГ будет по-прежнему низким. У юношей с задержкой полового созревания во время терапии препаратами с ФСГ-активностью

и ХГЧ возможно созревание гипофиза, что приведет к повышению уровня ЛГ [37]. Схема терапии го-

надотропинами, а также параметры ее эффективности представлены в табл. 2 [31].

Таблица 2

Схема терапии гонадотропинами юношей 14–17 лет с гипогонадотропным гипогонадизмом

Схема/показатель	Начало терапии	2–4 месяца от начала терапии	6 месяцев от начала терапии	1 год от начала терапии	1,5 года от начала терапии	2 года от начала терапии
Терапия рФСГ 75–150 МЕ 3 раза в неделю подкожно	x	x	x	x	x	x
Терапия ХГЧ 1000–1500 МЕ 2 раза в неделю внутримышечно (подкожно)		x	x	x	x	x
Коррекция дозы ХГЧ при необходимости			x	x	x	x
Физикальный осмотр пациента (ЧСС, АД, температура тела, ЧД)	x	x	x	x	x	x
Рост, см	x		x	x		x
Масса тела, кг						
Клиническая оценка полового созревания по шкале Таннера (половое оволосение, объем яичек орохидометром Прадера)	x	x	x	x	x	x
Анализ: ЛГ, ФСГ	x	x	x	x	x	x
Анализ: тестостерон общий, свободный	x	x	x	x	x	x
Анализ: ингибин В	x	x		x		x
Анализ: АМГ	x	x		x		x
УЗИ мошонки с оценкой объема и структуры яичек	x		x	x		x
Рентгенограмма кистей	x			x		x
МРТ головного мозга и ХСО (по показаниям)	x			x		x

Главным способом оценки фертильности мужчины является спермограмма [38], однако провести подобное исследование у пациентов в возрасте младше 18 лет не всегда возможно по физиологическим и этическим соображениям. Тем не менее многие авторы указывают на целесообразность данного исследования после двух-трех лет от начала лечения, так как это может позволить составить план дальнейшего наблюдения [34]. Терапия гонадотропинами на сегодняшний день является дорогостоящей, а лечение пациентам с ГГ требуется длительное. В связи с этим возникает вопрос о том, что делать после достижения половой зрелости и становления сперматогенеза. Некоторые авторы предлагают переводить пациентов с ГГ на традиционную заместительную терапию препаратами тестостерона с возобновлением лечения гонадотропинами при появлении желания восстановить фертильность [28]. Такой подход, по их мнению, должен существенно снизить стоимость и продолжительность лечения бесплодия у взрослых пациентов с ГГ. Т. S. Han и Р. M. G. Bouloux ука-

зывают на возможность поддержания сперматогенеза, достигнутого при помощи комбинированной терапии гонадотропинами, одним лишь ХГЧ [34], что поможет избежать возможных негативных последствий терапии препаратами тестостерона [27, 38]. Наконец, при получении удовлетворительных результатов спермограммы можно рассмотреть вопрос криоконсервации для обращения в центры вспомогательных репродуктивных технологий в будущем.

Заключение. Таким образом, ГГ является заболеванием, основное проявление которого – недостижение половой зрелости, что значительно влияет на физическое развитие человека и способствует возникновению социальной изоляции. Для пациентов с ГГ играет значительную роль возраст постановки диагноза и начала лечения, поскольку при правильно подобранной терапии возможно восстановление фертильности, что обеспечит достойный уровень жизни мужчин с ГГ, а также позволит им почувствовать себя полноценными членами социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотова Н.В., Филина Н.Ю., Чередникова К.А. Современные возможности дифференциальной диагностики гипогонадотропного гипогонадизма и конституциональной задержки роста и пубертата у подростков // Вопросы практ. педиатрии. 2018; 16 (4): 98–103.
2. Мещерякова М.Ю. Вторичный гипогонадотропный гипогонадизм: синдром Кальмана // Нейроэндокринная патология. Вопросы репродукции человека: материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых, 30 нояб. 2018 г. Росток н/Д: Рост. гос. мед. ун-т, 2018. С. 192–202.
3. Дедов И.И., Мокрышева Н.Г., Мельниченко Г.А. и др. Проект клинических рекомендаций «Синдром гипогонадизма у мужчин» // Ожирение и метаболизм. 2021; 18 (4): 496–507.
4. Шамсиев Дж.А., Мустафакулов С.С., Хасанов Дж.М. Современные аспекты диагностики и лечения мужского гипогонадизма // Мед. вестн. Нац. акад. наук Таджикистана. 2021; 11 (1): 99–108.
5. Мустафакулов С.С., Юнусов И.А., Хасанов Дж.М. Экспериментальная клиническая оценка эффективности комплексного лечения мужского гипогонадизма // Мед. вестн. Нац. акад. наук Таджикистана. 2021; 11 (1): 123–134.
6. Pitteloud N., Durrani S., Raivio T. et al. Complex genetics in idiopathic hypogonadotropic hypogonadism // Front. Horm. Res. 2010; 39: 142–153.
7. Дедов И.И., Мельниченко Г.А., Роживанов Р.В. и др. Рекомендации по диагностике и лечению гипогонадизма (дефицита тестостерона) у мужчин. Проект // Проблемы эндокринологии. 2015; 5: 60–71.
8. Щеплев П.А., Аполихин О.И. Андрология. Клинические рекомендации. М.: МЕДПРАКТИКА-М, 2016. 215 с.
9. Райгородская Н.Ю. Физиологические периоды развития половой системы мальчиков (обзор) // Бюл. Мед. Интернет-конф. 2014; 4 (1): 76–80.
10. Роживанов Р.В. Синдром гипогонадизма у мужчин // Ожирение и метаболизм. 2014; 2: 30–34.
11. Кокорева К.Д., Чузунов И.С., Безлепкина О.Б. Врожденный изолированный гипогонадотропный гипогонадизм: клинический и молекулярно-генетический полиморфизм // Проблемы эндокринологии. 2021; 67 (4): 46–56.
12. Laitinen E.M., Vaaralahti K., Tommiska J. et al. Incidence, phenotypic features and molecular genetics of Kallmann syndrome in Finland // Orphanet. J. Rare. Dis. 2011; 6: 41.
13. Butz H, Nyiró G, Kurucz P.A. et al. Molecular genetic diagnostics of hypogonadotropic hypogonadism: from panel design towards result interpretation in clinical practice // Hum. Genet. 2021; 140(1): 113–134.
14. Quaynor S.D., Bosley M.E., Duckworth C.G. et al. Targeted next generation sequencing approach identifies eighteen new candidate genes in normosmic hypogonadotropic hypogonadism and Kallmann syndrome // Mol. Cell. Endocrinol. 2016; 437: 86–96.
15. Gurbuz F, Kotan L.D., Mungen E. et al. Distribution of gene mutations associated with familial normosmic idiopathic hypogonadotropic hypogonadism // J. Clin. Res. Endocrinol. 2012; 4 (3): 121–126.
16. Bhagavath B., Podolsky R.H., Ozata M. et al. Clinical and molecular characterization of a large sample of patients // Fertil. Steril. 2006; 85 (3): 706–713.
17. Диагностика и лечение эндокринных заболеваний у детей и подростков: учеб. пособие / под ред. проф. Н.П. Шабалова. 5-е изд., доп. и перераб. М.: МЕДпресс-информ, 2021. 456 с.: ил.
18. Федеральные клинические рекомендации (протоколы) по ведению детей с эндокринными заболеваниями / под ред. И.И. Дедова и В.А. Петерковой. М.: Практика, 2014. 442 с.
19. Гусова З.Р., Ибишев Х.С., Дзантчиева Е.О. и др. Возрастной андрогенный дефицит у мужчин: лечить, не лечить, кому лечить? // Вестн. урологии. 2016; 1: 72–85.
20. Grossman A.B., Ismailov S.I., Kulmirzayeva M.G. et al. Constitutional delay of growth and puberty in boys: review // Intern. J. Endocrin. 2019; 15: 402–409.
21. Дедов И.И., Калинин С.Ю. Возрастной андрогенный дефицит у мужчин. М.: Практ. мед., 2006. 240 с.
22. Нуткин Д.М. Практические рекомендации по гормональной терапии возрастных нарушений андрогенного статуса у мужчин // Рецент. 2017; 20 (5): 681–690.
23. Кравцова Н.С., Роживанов Р.В., Курбатов Д.Г. Стимуляция сперматогенеза у мужчин комбинированной терапией фолликулостимулирующим гормоном и хорионическим гонадотропином при патозооспермии и бесплодии в случаях неэффективности монотерапии хорионическим гонадотропином или антиэстрогеном // Андрология и генитал. хирургия. 2016; 17 (2): 29–33.
24. Vermeulen A. Hormonal cut-offs of partial androgen deficiency: a survey of androgen assays // J. Endocr. Invest. 2005; 28 (3): 28–31.
25. Harrington J., Palmert M.R. Distinguishing constitutional delay of growth and puberty from isolated hypogonadotropic hypogonadism: Critical appraisal of available diagnostic tests // J. Clin. Endocr. Metab. 2012; 97 (9): 3056–3067.
26. Sedlmeyer I.L., Palmert M.R. Delayed puberty: analysis of a large case series from an academic center // J. Clin. Endocr. Metab. 2002; 87 (4): 1613–1620.
27. Majzoub A., Sabanegh E.Jr. Testosterone replacement in the infertile man // Transl. Androl. Urol. 2016; 5 (6): 859–865.
28. Dwyer A.A., Sykiotis G.P., Hayes F.J. et al. Trial of recombinant folliclestimulating hormone pretreatment for GnRH-induced fertility in patients with congenital hypogonadotropic hypogonadism // J. Clin. Endocr. Metab. 2013; 98: E1790–1795.
29. Sato N., Hasegawa T., Hasegawa Y. et al. Treatment situation of male hypogonadotropic hypogonadism in pediatrics and proposal of testosterone and gonadotropins replacement therapy protocols // Clin. Pediatr. Endocr. 2015; 24 (2): 37–49.
30. Rohayem J., Hauffa B.P., Zacharin M. et al. Testicular growth and spermatogenesis: new goals for pubertal hormone replacement in boys with hypogonadotropic hypogonadism? – a multicentre prospective study of hCG/rFSH treatment outcomes during adolescence // Clin. Endocr. 2017; 86 (1): 75–87.
31. Скородок Ю.Л., Иоффе И.Ю., Никитина И.Л. и др. Гонадотропины при гипогонадотропном гипогонадизме у юношей: перспективы лечения // Лечащий врач. 2018; 12: 44–46.
32. Руководство по детской эндокринологии / под ред. Ч.Г.Д. Брука, Р.С. Браун / пер. с англ. под ред. В.А. Петерковой. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. 352 с.
33. Скородок Ю.Л., Иоффе И.Ю., Нагорная И.И. и др. Применение рекомбинантного ФСГ в комбинированной терапии у юноши с идиопатическим гипогонадотропным гипогонадизмом // Мед. совет. 2018; 17: 260–264.
34. Han T.S., Bouloux P.M. What is the optimal therapy for young males with hypogonadotropic hypogonadism? // Clin. Endocrinol. 2010; 72: 731–737.
35. Alfano M., Ventimiglia E., Locatelli I. et al. Anti-müllerian hormone-to-testosterone ratio is predictive of positive sperm retrieval in men with idiopathic non-obstructive azoospermia // Scientific Reports. 2017; 7 (1): 17638.
36. Aksglaede L., Olesen I.A., Carlsen E. et al. Serum concentration of anti-Müllerian hormone is not associated with semen quality // Andrology. 2018; 6 (2): 286–292.
37. Sidhoum V.F., Chan Y.M., Lippincott M.F. et al. Reversal and relapse of hypogonadotropic hypogonadism: resilience and fragility of the reproductive neuroendocrine system // J. Clin. Endocr. Metab. 2014; 99 (3): 861–870.
38. Bassil N., Alkaade S., Morley J.E. The benefits and risks of testosterone replacement therapy: a review // Ther. Clin. Risk Manag. 2009; 5: 427–448.

Поступила 17.02.2023

КАРДИОМИОПАТИЯ ТАКОЦУБО В ПРАКТИКЕ ВРАЧА-КАРДИОЛОГА

А.А. Клименко, Т.К. Логинова, Г.М. Вердиева*, А.Э. Алисултанов, Г.П. Устинов

Российский национальный исследовательский медицинский университет
им. Н.И. Пирогова Минздрава России, Москва

*Контактная информация. Тел.: +7 967 198 83 55, e-mail: verdieva.gyunel@gmail.com

TAKOTSUBO CARDIOMYOPATHY IN THE PRACTICE OF CARDIOLOGIST

A.A. Klimenko, T.K. Loginova, G.M. Verdieva*, A.E. Alisultanov, G.P. Ustinov

Russian National Research Medical University (Pirogov Medical University), Moscow

*Corresponding author. Tel.: +7 967 198 83 55, e-mail: verdieva.gyunel@gmail.com

Представлен клинический случай ведения пациента с неишемической кардиомиопатией, возникшей на фоне психоэмоционального и физического стресса. Заболевание протекало под «маской» острого коронарного синдрома: характерные электрокардиографические изменения, нарушения сократительной функции миокарда, повышения кардиоспецифических ферментов.

KEYWORDS

non-ischemic cardiomyopathy, acute coronary syndrome, takotsubo syndrome, cardiospecific enzymes, antiplatelet therapy, global myocardial systolic function, systolic dysfunction

It presents a clinical case of patient with nonischemic cardiomyopathy, which arose against the background of psycho-emotional and physical stress. The disease was developed under the «mask» of acute coronary syndrome: specific electrocardiographic changes, violations of the contractive function of myocardial, increase of cardiospecific enzymes.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

неишемическая кардиомиопатия, острый коронарный синдром, синдром такоцубо, кардиоспецифические ферменты, антиагрегантная терапия, глобальная систолическая функция миокарда, систолическая дисфункция

Кардиомиопатия такоцубо – вид неишемической кардиомиопатии (КМП), которая наиболее часто характеризуется дисфункцией верхушки и средних сегментов миокарда с их транзиторным шарообразным расширением на фоне относительно сохранной сократимости или гиперкинеза базальных сегментов [1]. Частота встречаемости болезни такоцубо составляет 1–3 % от общего числа пациентов с подозрением на инфаркт миокарда с подъемом сегмента ST [1]. При этом около 90 % пациентов с данной патологией – женщины старше 50 лет [2, 3]. Наиболее частым триггером кардиомиопатии такоцубо является психологическая, эмоциональная или физическая нагрузка при отсутствии заболеваний сердечно-сосудистой системы [1]. Приводим описание клинического случая.

Пациент Р, женщина, 59 лет, доставлена машинной скорой медицинской помощи в кардиологическое отделение ГБУЗ ГКБ № 1 им. Н.И. Пирогова 25.08.2022 с направительным диагнозом «ОКС

с подъемом сегмента ST», с жалобами на одышку при минимальных физических нагрузках и в покое, учащенное сердцебиение.

Из анамнеза известно, что 5 дней назад внезапно испытала сильный психоэмоциональный стресс и повышенную физическую нагрузку (спасала свою собаку весом около 90 кг, тонущую в бассейне). После этого появились прогрессирующая одышка и учащенное сердцебиение.

При амбулаторном обследовании выявлены электрокардиографические изменения (ритм синусовый, ЧСС 81 уд/мин, ЭОС-горизонтальное, PQ 0,15", QRS 0,10", QT 0,40", QTc 0,43", элевация ST I, aVL, V2-3, T(+), QS V2-3), повышение кардиоспецифических ферментов (КФК-MB = 15,1 U/L; Д-димер = 1011 ng/ml; миоглобин = 128,3 ng/ml; тропонин I = 11 491,9 pg/ml; pro-BNP = 4065 pg/ml). Это явилось причиной направительного диагноза: «ОКС с подъемом сегмента ST» с экстренной госпитализацией и проведением двойной антиагрегатной терапии (ацетилсалициловая кислота 100 мг, клопидогрель 75 мг).

Ведет активный образ жизни, посещает бассейн, работает преподавателем музыки, вредные привычки отрицает.

Сопутствующие заболевания: бронхиальная астма, аллергическая форма, легкое течение, в данный момент вне обострения.

При осмотре состояние средней степени тяжести, температура 36,5 °С. Кожные покровы обычной окраски, нормальной влажности, отеков нет. Рост 160 см, вес 77 кг, ИМТ 30 кг/м², телосложение гиперстеническое, SpO₂ 95 %, ЧДД 22 уд/мин, в легких при аускультации ослабленное везикулярное дыхание, хрипы не выслушиваются. Границы относительной сердечной тупости в пределах нормы, тоны умеренно приглушены, ритм правильный, ЧСС 82 уд/мин, АД 120/60 мм рт. ст.

Живот при пальпации мягкий, безболезненный, симптом поколачивания отрицательный, стул и мочеиспускание не нарушены.

В клиническом анализе крови от 25.08.2022: гемоглобин 118,0 г/л, СОЭ 30 мм/ч, остальные показатели в пределах нормы, в динамике – клинический анализ крови в норме.

В биохимическом анализе крови от 25.08.2022 повышение общей КФК до 368,0 ЕД/л, печеночных ферментов (АЛТ 48,0 ЕД/л, АСТ 40,0 ЕД/л), глюкозы до 5,90 ммоль/л. При повторном исследовании от 29.08.2022 данные показатели составляют: общая КФК 309,8 ЕД/л, АЛТ 36,2 ЕД/л, АСТ 35,1 ЕД/л, глюкоза 4,67 ммоль/л, гликированный гемоглобин 5,61 % с последующим снижением до референсных границ. При этом остальные биохимические показатели (холестерин 4,58 ммоль/л, ЛПНП 2,84 ммоль/л, ЛПВП 1,09 ммоль/л, общий билирубин 15,0 мкмоль/л, креатинин 93,0 мкмоль/л, мочевина 3,7 ммоль/л) в пределах нормы.

Тропонин I от 25.08.2022 0,3100 нг/мл, в динамике наблюдается тенденция к снижению (от 29.08.2022 –

0,0290 нг/мл, от 05.09.2022 – 0,0210 нг/мл).

Коагулограмма и общий анализ мочи без значимых отклонений.

Рентгенография органов грудной клетки в пределах нормы.

ЭКГ на момент поступления (рис. 1): элевация ST I, aVL, V2-3, T(+), QS V2-3. В последующем на серии ЭКГ (рис. 2) отмечается инверсия зубца T в I, II, aVL, V2-6 отведениях.

Холтеровское мониторирование ЭКГ от 01.09.2022: зарегистрированы ЖЭС-6; НЖЭС-15. PQ в пределах нормы. QTc в пределах нормы. Ишемических изменений сегмента ST не выявлено.

На ЭХО-КГ от 25.08.2022 (рис. 3): дилатация полости левого предсердия. Глобальная систолическая функция миокарда левого желудочка снижена. Циркулярный гипокинез верхушечных сегментов. ФВ ~ 35 %. Регургитация на уровне митрального клапана 1–2 ст., на уровне трикуспидального клапана 1 ст. Признаки небольшой легочной гипертензии (СДЛА 40 мм рт. ст.).

В сравнении с ЭХО-КГ от 30.08.2022 отмечается улучшение систолической и диастолической функций левого желудочка, увеличение ФВ ~ 47,1 %, нормализация СДЛА.

Для оценки жизнеспособности миокарда проведена ЭХО-КГ с фармакологической нагрузкой, т. е. путем внутривенной инфузии введен добутамин в возрастающей дозировке 2,5–5–10–20 мкг/кг/мин длительностью каждой стадии 3 мин. Данный тест от 26.08.2022 выполнен со следующими показателями: одиночные редкие суправентрикулярные и желудочковые экстрасистолы, ФВ ~ 35 %.

На ЭХО-КГ с фармакологической нагрузкой в динамике отмечается улучшение сократимости левого желудочка, восстановление глобальной систолической функции левого желудочка, ФВ ~ 53 %.

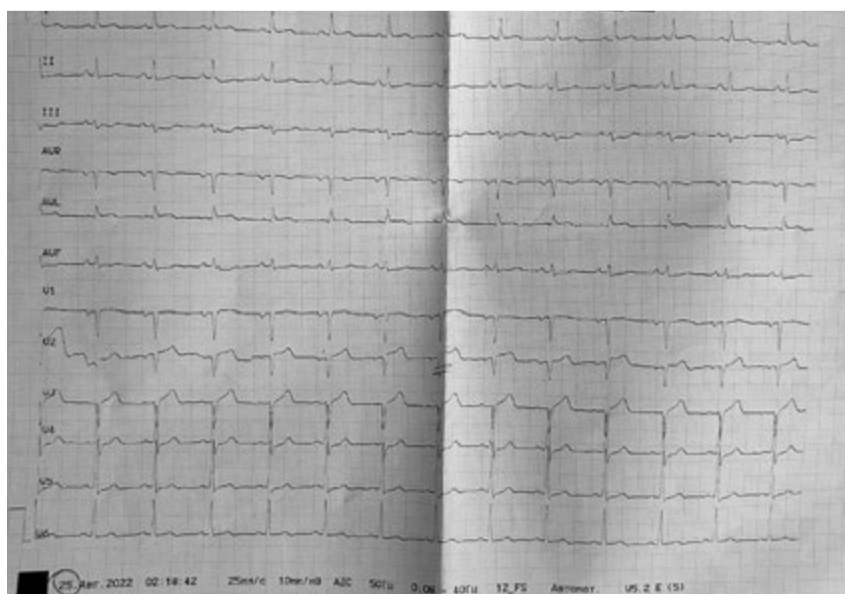

Рис. 1. ЭКГ от 25.08.2022

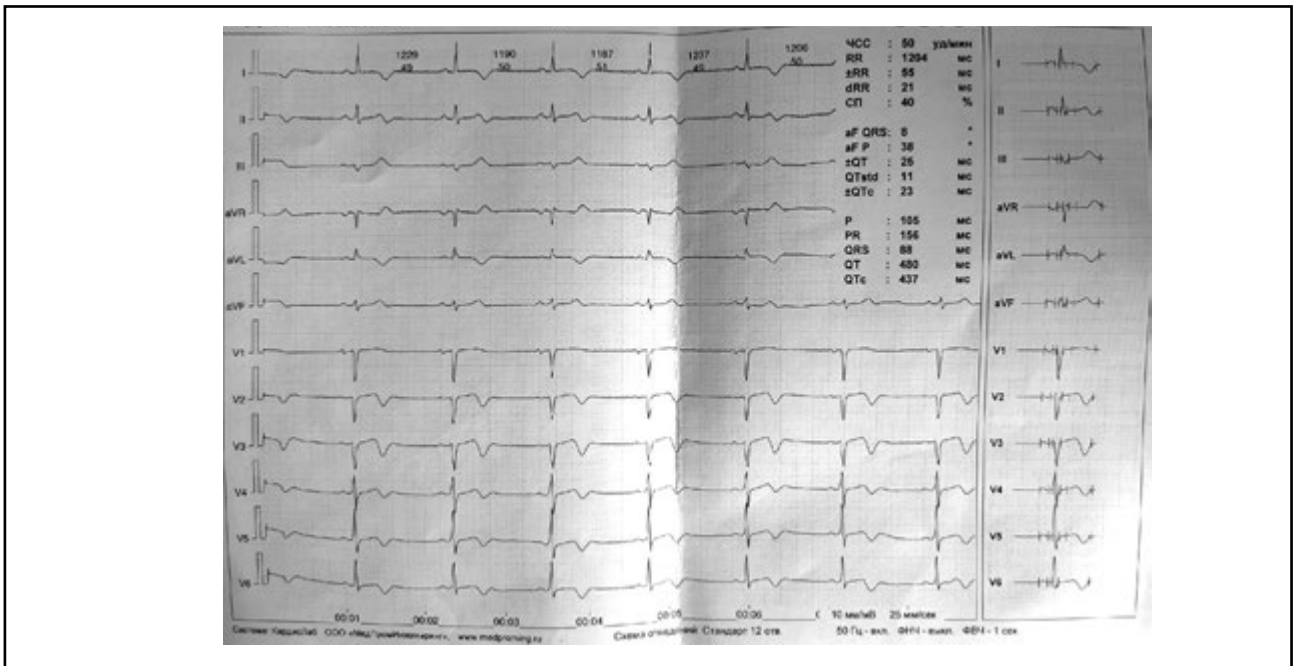

Рис. 2. ЭКГ от 05.09.2022 в динамике

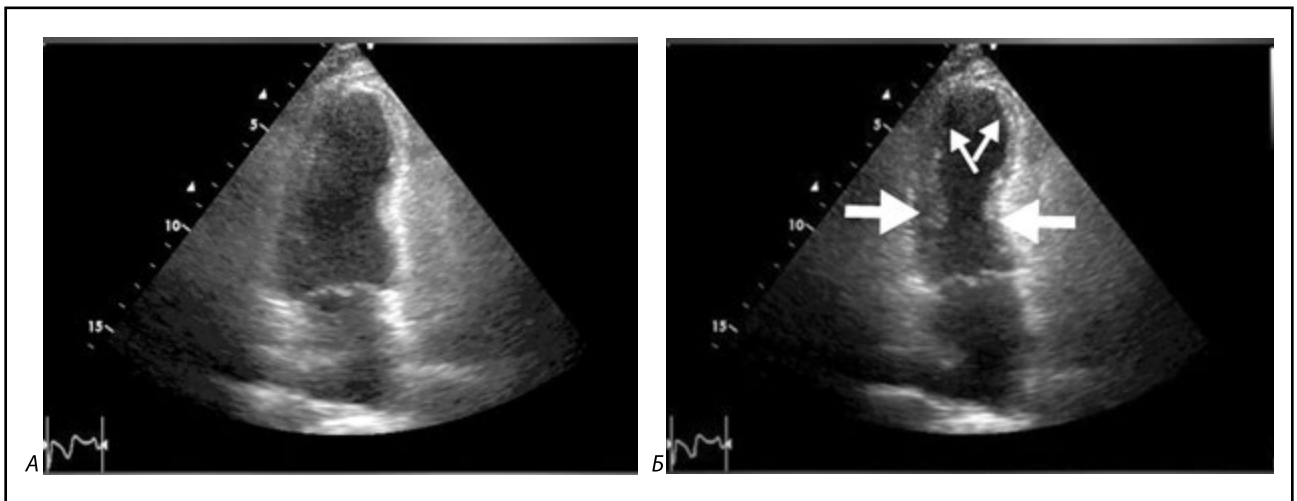

Рис. 3. ЭХО-КГ от 25.08.2022:

А – верхушечный доступ, двухкамерная позиция, в диастолу; Б – верхушечный доступ, двухкамерная позиция, в систолу

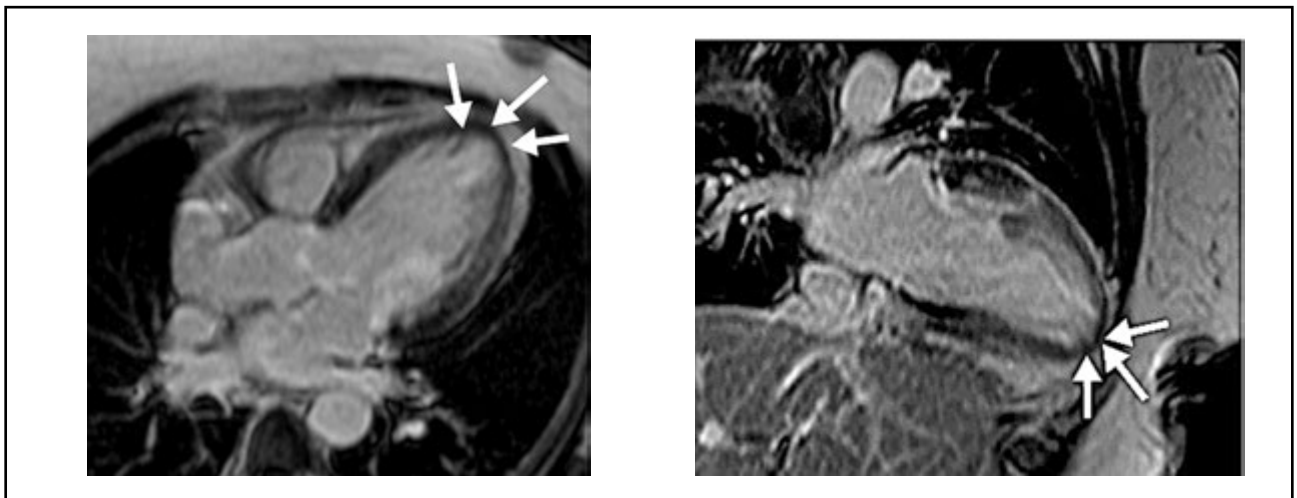

Рис. 4. МРТ сердца с контрастным усилением 01.09.2022

Коронарография от 30.08.2022: ангиографически значимых стенозов коронарных артерий не выявлено.

МРТ сердца с внутривенным контрастированием от 01.09.2022 (рис. 4): глобальная систолическая функция ЛЖ не снижена, ФВ 55 %. При проведении исследования в режиме STIR среднее соотношение интенсивности МР сигнала от миокарда ЛЖ к скелетной мышце составляет 1,0. Это говорит о том, что данных за отек миокарда левого желудочка не получено. Накопления контрастного препарата в апикальных сегментах миокарда левого желудочка отсутствуют.

Стационарное лечение: бисопролол 5 мг утром, ацетилсалициловая кислота 100 мг по 1 таблетке утром, омега-3 20 мг по 1 капсуле вечером.

Таким образом, учитывая данные анамнеза, осмотра, лабораторных показателей кардиоспецифических ферментов, ЭКГ, ЭХО-КГ установлен клинический диагноз: «Кардиомиопатия такоцубо. Бронхиальная астма, аллергическая форма, легкое течение, вне обострения».

За время наблюдения состояние пациента улучшилось: купировалась одышка, SpO₂ 98 %, ЧДД 16/мин, в легких дыхание везикулярное, хрипы не выслушиваются. Тоны сердца ясные, ритм правильный, ЧСС 65 уд/мин, АД 120/70 мм рт. ст.

Женщина выписана 07.09.2022 в удовлетворительном состоянии под наблюдение врача-кардиолога.

На примере клинического случая можно считать, что триггерами развития синдрома такоцубо стали психоэмоциональный стресс и физическая нагрузка на фоне отсутствия заболеваний сердечно-сосудистой системы. По результатам обследования у пациента по данным коронароангиографии определяется региональная систолическая дисфункция верхушки левого желудочка при отсутствии атеросклеротической обструкции [4].

В настоящее время неизвестны точные причины дискинезии, возникающие в определенной зоне левого желудочка, но предполагается, что, внезапное повышение концентрации катехоламинов в крови из-за эмоционального, психологического или физического стресса вызывает спазм коронарных сосудов, локализация которого, возможно, связана с особенностями строения, функции или распределения адренорецепторов [1]. Это сопровождается клиникой острого коронарного синдрома и соответствующими изменениями на ЭКГ и кардиоспецифических ферментов.

При дифференциальной диагностике синдрома такоцубо у пациентов с клиникой острого коронарного синдрома следует учитывать возможность некоронарогенных заболеваний: феохромоцитомы, травм головы с кровоизлиянием в мозг (нейрогенное миокардиальное оглушение), миокардита, гипертрофической и стресс-индуцированной КМП.

Для уточнения диагноза было проведено дополнительное обследование: МРТ сердца с контрастным усилением, при котором не обнаружилось накопления гадолиния, что характерно для кардиомиопатии такоцубо, в отличие от инфаркта миокарда и миокардита, что подтверждается данными других исследователей [2, 3, 5].

Несмотря на то, что синдром такоцубо считается достаточно редким и доброкачественным заболеванием, частота развития осложнений у лиц с данной нозологией зачастую сопоставимы с таковой у пациентов с ОКС (развитие жизнеугрожающих нарушений ритма и проводимости (в том числе желудочковых аритмий типа *torsade de pointes*), формирование тромбоза ЛЖ, разрыв межжелудочковой перегородки и свободной стенки ЛЖ, риск повторного развития синдрома такоцубо примерно в 5 % случаях, формирование ОН различной степени тяжести)) [6, 7].

Экстракардиальные предикторы неблагоприятных исходов – мужской пол, физические провоцирующие факторы и острые неврологические расстройства. Кардиологические предикторы неблагоприятных исходов – уровни тропонина, более чем в 10 раз превышающие верхнюю границу нормы, высокие значения BNP, фракция выброса левого желудочка (ФВЛЖ) ниже 45 %, митральная регургитация от умеренной до тяжелой степени и поражение правого желудочка [8].

В настоящее время существуют регистры пациентов с данной патологией, из которых самый известный – InterTAK, первые результаты которого опубликованы в 2015 году по описанию клинических особенностей и исходов у пациентов с кардиомиопатией такоцубо [8].

Таким образом, на примере клинического случая мы показали, что на основании осмотра, анамнеза заболевания, исследования кардиоспецифических ферментов, ЭКГ, ЭХО-КГ, а также МРТ сердца с контрастным усилением диагностирована кардиомиопатия такоцубо. Анализ данного клинического случая может быть полезен при дифференциальной диагностике острого коронарного синдрома.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wan S.H., Liang J.J. Takotsubo cardiomyopathy: etiology, diagnosis, and optimal management // *Res. Rep. Clin. Cardiol.* 2014; 5: 207–303. DOI:10.2147/RRCC.S46021
2. Ghadri J.R., Wittstein I.S., Prasad A. et al. International Expert Consensus Document on Takotsubo Syndrome (Part I): Clinical Characteristics, Diagnostic Criteria, and Pathophysiology // *Eur. Hear*

1. 2018; 7; 39 (22): 2032–2046. DOI: 10.1093/eurheartj/ehy076
3. Ghadri J.R., Wittstein I.S., Prasad A. et al. International Expert Consensus Document on Takotsubo Syndrome (Part II): Diagnostic Workup, Outcome, and Management // *Eur. Heart J.* 2018; 39 (22): 2047–2062. DOI: 10.1093/eurheartj/ehy077
4. Luscher T.F. Takotsubo syndrome: the Cinderella compared

with common acute coronary syndromes // Eur. Heart J. 2018; 39 (22): 2017–2020. DOI: 10.1093/eurheartj/ehy312

5. Першина Е.С., Щекочихин Д.Ю., Шагинян Г.М. и др. Значение магнитно-резонансной томографии в диагностике инфаркта миокарда без обструктивного поражения коронарных артерий // *Терапевт. арх.* 2021; 93 (4): 376–380. DOI: 10.26442/00403660.2021.04.200676

6. El-Battrawy I., Santoro F., Stiermaier T. et al. Prevalence, management, and outcome of adverse rhythm disorders in takotsubo

syndrome: insights from the international multicenter GEIST registry // Heart Fail. Rev. 2020; 25 (3): 505–511. DOI: 10.1007/s10741-019-09856-4

7. Суспицына И.Н., Сукманова И.А. Синдром такоцубо. Клинико-патогенетические аспекты. Основы диагностики и лечения // *Кардиология.* 2020; 60 (2): 96–103. DOI:10.18087/cardio.2020.2.n521

8. Templin C., Ghadri J.R., Diekmann J. et al. Clinical features and outcomes of takotsubo (stress) cardiomyopathy // *New Eng. J. Med.* 2015; 373 (10): 929–938. DOI:10.1056/NEJMoa1406761

Поступила 25.11.2022

РАЗДУМЬЯ О ЛЕЧЕНИИ ПАЦИЕНТОВ С COVID-19**С.А. Петров, Е.М. Банькова****Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск*

*Контактная информация. Тел.: +375 29 677 08 45, e-mail: abankova@mail.ru

DELIBERATIONS FOR COVID-19 PATIENTS TREATMENT**S.A. Petrov, E.M. Bankova****Belarusian Medical Academy of Postgraduate Education, Minsk*

*Corresponding author. Tel.: +375 29 677 08 45, e-mail: abankova@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВАCOVID-19, лечение,
антибиотики,
глюкокортикостероиды*Рассматриваются дискуссионные вопросы применения антибиотиков, глюкокортикостероидов, антикоагулянтов в лечении COVID-19.***KEYWORDS**COVID-19, treatment,
antibiotics,
glucocorticoids*This article reflects a discussion about antibiotics, glucocorticoids and blood thinners therapy options in the treatment of COVID-19 infection disease.*

Данная статья является попыткой осмыслить и обобщить нашу работу в стационаре во время четырех волн COVID-19 в период 2020–2022 гг.

Очевидно, что если сравнивать результаты лечения пациентов со «свиным» гриппом в период пандемии 2009–2010 гг. и пациентов с COVID-19, получается, что при гриппе лечение было более эффективным. Так, «возврат» с ИВЛ составил 30–40 %, а при COVID-19 – значительно меньше. В чем же причина? Одна из главных, на наш взгляд, поздняя госпитализация. Главный вопрос, который мы задавали пациентам при первом осмотре: «Когда Вы заболели?» И выяснилось, что очень малое количество пациентов госпитализированы на 5–7-й день, остальные – позже. Это происходило в основном по двум причинам. Первая – нежелание пациентов, которые думают «авось, пронесет», вторая – некомпетентность врачей амбулаторного звена.

Когда же госпитализация оптимальна?

Если высокая температура (более 38 °С) держится более 3–4 суток, пациента нужно направлять в стационар. При этом следует иметь в виду, что аускультативно в подавляющем большинстве случаев хрипы выслушать не удастся. Однако при компьютерной томографии обнаруживаются участки так называемых матовых стекол, по количеству которых определяется процент поражения легких.

Появление «матовых стекол» отражает поражение легочного интерстиция, когда жидкости в альвеолах еще нет. Именно поэтому не выслушиваются хрипы и не выявляется инфильтрация при рентгенологическом исследовании. В дальнейшем,

учитывая, что главной мишенью вируса является альвеолярно-капиллярная мембрана, в связи с ее повреждением в альвеолы начинает проникать жидкость из капилляров – плазма. В это время удастся выслушать хрипы и увидеть участки инфильтрации при рентгенологическом исследовании легких. Этот процесс в какой-то степени можно считать началом развития острого респираторного дистресс-синдрома (ОРДС) с последующим своеобразным «затоплением» легких. Интенсивность данного процесса отражает быстрое распространение (снизу вверх) количества характерных влажных хрипов. Этот же процесс является во многом основой для развития в дальнейшем вторичной бактериальной инфекции. Параллельно постепенно уменьшается насыщение крови кислородом, т. е. падает сатурация.

Вернемся к повышенной температуре. Несомненно – это свидетельство токсического воздействия вируса, но в то же время это признак выраженной и неконтролируемой реакции системы иммунитета, которая начинает «работать» против собственных органов и тканей подобно тому, как это происходит при системной красной волчанке. Во многом данный процесс является предшественником развивающегося впоследствии так называемого цитокинового шторма, играющего фатальную роль в исходе заболевания. Подтверждает это факт, что зачастую уже в это время удастся выявить повышенный уровень интерлейкина 6 (ИЛ-6). Почему именно ИЛ-6, ведь «участников» цитокинового взрыва гораздо больше? По-видимому, это обусловлено ограниченными возможностями

лабораторной службы. Это очень важный момент, так как у нас появилась возможность, основываясь на клинике (отсутствуют признаки улучшения, держится высокая температура, может падать сатурация) и повышении уровня ИЛ-6, использовать препараты моноклональных антител.

Появился препарат тоцилизумаб, с помощью которого часто удавалось добиться решающего поворота в течении заболевания. Возникает вопрос: «А почему препарат узкого действия, направленный, в частности, на нейтрализацию ИЛ-6, способен нейтрализовать развитие цитокинового шторма, ведь цитокинов очень много?» Удовлетворительного ответа нет. По-видимому, мы очень мало знаем о взаимодействии большого количества цитокинов.

Интересно, что когда в клинике закончилась актема и мы начали использовать другие препараты (левилимаб, олокизумаб и др.), эффект оказался гораздо хуже, чем у тоцилизумаба.

Теперь о глюкокортикостероидах (ГКС). После пандемии «свиного» гриппа в литературе появилось множество работ, посвященных исследованию применения ГК при этой патологии. В подавляющем большинстве отмечена неэффективность применения ГКС, а иногда даже их отрицательный эффект. Наш очень незначительный личный опыт также свидетельствовал о неэффективности ГКС. В протоколах по лечению пациентов с COVID-19 указано, что ГКС следует назначать только тем пациентам, у которых начала снижаться сатурация, т. е. при появлении дыхательной недостаточности. Практически эффект был очень незначительным. Тогда мы решили попробовать назначать ГК раньше – при затянувшейся лихорадке, но до падения сатурации. Эффект оказался разителен. У большинства пациентов происходила нормализация температуры, патологический процесс начинал регрессировать. Вероятно, неэффективность ГКС как при гриппе, так и при COVID-19 связана именно с их поздним назначением. Что делает реаниматолог, когда его вызывают в отделение к пациенту, имеющему все показания для перевода отделение интенсивной терапии, а там нет мест? Доктор рекомендует увеличить дозу ГКС. Таких ситуаций было множество, но практически ни разу улучшения добиться не удалось.

Таким образом, можно констатировать, что эффективно использовать такие свойства ГКС, как противовоспалительное, иммунодепрессивное, способность уменьшать сосудистую непроницаемость, удается в максимальной степени только в дебюте заболевания, когда все патологические процессы еще только развиваются. Именно этим объясняются неудачи применения ГКС в реанимационных условиях как при «свином» гриппе, так и при COVID-19. Конечно, использование ГКС чревато осложнениями. Может повышаться артериальное давление, декомпенсироваться сахарный диабет, появиться поражение слизистой желудка.

Однако зная побочные эффекты ГКС, их можно предупредить (профилактировать) и достаточно удачно с ними бороться. Все окупается их эффектом в борьбе с основным заболеванием. Немаловажно также: чем раньше назначаются ГКС, тем раньше они отменяются, что во многом снижает риск развития отсроченных нежелательных эффектов, таких, например, как остеопороз.

Об антибиотиках. Во время первой волны COVID-19 протоколы предусматривали стандартные назначения комбинации гидроксихлорохина и азитромицина. Помимо этого, назначался цефтриаксон. Назначение азитромицина было обусловлено не антибактериальным свойством препарата, а его действием в качестве иммуномодулятора (в основном иммунодепрессанта). Назначение же цефтриаксона было не совсем понятно. Скорее всего, это было отзвуком протоколов по лечению «свиного» гриппа 2009–2010 гг.

Так или иначе, назначение этих двух антибиотиков не вызвало отторжения у наших коллег инфекционистов.

Однако к моменту начала второй волны заболевания отношение к антибактериальной терапии резко изменилось. Назначение антибиотиков стало почти крамолой. Главным и чуть ли не единственным показанием для назначения антибиотиков явилось повышение уровня прокальцитонина. Объяснялось это тем, что увеличение уровня С-реактивного белка (СРБ) отражает степень активности «общего» воспалительного процесса, а вот прокальцитонин – это маркер бактериального воспаления. Данным анамнеза и физикального исследования уделялось очень мало внимания. Главный лозунг состоял в том, что антибиотики на вирусы не действуют.

С учетом опыта, который мы получили во время лечения пациентов первой волны COVID-19 (более трех месяцев), у нас сформировался свой подход к антибактериальной терапии. В основе его лежат клиника, данные физикального обследования и анамнез.

Первый вопрос, который мы задавали каждому пациенту: «Когда Вы заболели?». Это принципиально важно, так как чем дольше человек болеет, тем больше вероятность присоединения бактериальной инфекции. Очень важны данные аускультации вкупе с данными рентгенологического исследования. У многих больных со сравнительно небольшим сроком заболевания (условно до 7 дней) на фоне высокой температуры и выраженной интоксикации хрипы в легких не выслушиваются, а на КТ органов грудной клетки определяются лишь «матовые стекла» в том или ином количестве.

«Матовые стекла» являются показателями поражения интерстиция. Так как в это время в альвеолах отсутствует жидкость, то и хрипы не выслушиваются, на КТ легких не определяется «консолидация», на обычных рентгенограммах не находят инфильтративных изменений. В даль-

нейшем у многих пациентов начинают выслушиваться своеобразные мелкопузырчатые влажные хрипы, которые в свое время А.Г. Чучалин описал как «подобные тем, что выслушиваются при бронхолитах». Наличие этих хрипов только в нижних отделах свидетельствует лишь о том, что в альвеолах появилась жидкость, и это не является поводом для антибактериальной терапии, так как наиболее вероятная причина – проникновение плазмы в альвеолы через поврежденную альвеолярно-капиллярную мембрану. В дальнейшем, если состояние пациента с течением времени не улучшается (а это в том числе говорит о том, что и патогенетическая терапия, и противовирусное лечение неэффективны) и при этом четко фиксируется распространение хрипов вверх, с большой долей вероятности можно думать о вирусно-бактериальной пневмонии, и независимо от уровня прокальцитонина необходимо назначение антибиотиков.

Мы неоднократно наблюдали ситуации, когда уровень прокальцитонина начинал повышаться только через 2–3 дня после назначения антибиотиков. Один из показателей для назначения антибактериального лечения – вторая волна температуры. Дополнительные показания – сопутствующие тяжелые заболевания, в первую очередь такие, как сахарный диабет, хронические болезни крови, диффузные заболевания соединительной ткани, ревматоидный артрит (особенно при постоянном приеме поддерживающих доз глюкокортикостероидов). В перечисленных случаях назначение антибиотиков показано даже без явного увеличения площади распространения хрипов.

Очень важно при принятии решения о проведении антибактериальной терапии сразу сделать рентгенографию органов грудной клетки (легких) для последующего контроля. КТ-контроль в этой ситуации нерационален из-за очень большой лучевой нагрузки и должен проводиться только по дополнительным показаниям.

Что касается назначаемых антибиотиков, то необходимо отметить, что эффект должен быть

получен как можно быстрее (терапевтическая неудача может дорого стоить пациенту). Стартовая терапия – это назначение либо респираторного фторхинолона, либо карбапенема. В дальнейшем при неэффективности назначенного лечения возможны различные комбинации антистафилококковых препаратов, разных защищенных и антисегнойных антибиотиков. При этом нужно четко понимать, что все пациенты имеют коморбидную патологию, и главной в этой коморбидности является сама коронавирусная инфекция.

Во время последних двух волн у нас появилась возможность использовать препараты прямого противовирусного действия, а именно ремдесивир. Препарат хорош, однако четко проявляется главное правило использования эффективных противовирусных лекарств – чем раньше они назначены, тем лучше работают. Это ранее было продемонстрировано при использовании озелтамивира и занамивира (2009–2010).

Мы уже упоминали о поражении альвеолярно-капиллярной мембраны. Поражение капиллярной сети легких является превалирующим в связи с основным воздушно-капельным путем заражения. Однако рано или поздно развивается тотальное поражение эндотелия капилляров. Возникают предпосылки развития процесса своеобразного микрополисквертывания на органном уровне, что весьма напоминает ДВС-синдром. Иными словами, появляется клиника нарастающей дыхательной недостаточности, а затем, возможно, почечной, печеночной, церебральной. Для предотвращения этого процесса оптимально применение низкомолекулярных гепаринов, так как только с их помощью можно получить профилактический эффект без гипокоагуляционного. Но для этого пользоваться нужно именно профилактическими дозами. Неоправданно частое использование лечебных доз ведет к росту осложнений в виде различных кровотечений и формированию «больших» гематом, в чем мы и убедились.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Временные методические рекомендации: Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19), версия 15 (22.02.2022).*
2. *Временные методические рекомендации: Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19), версия 16 (18.08.2022).*

3. *Об организации оказания медицинской помощи пациентам с инфекцией COVID-19: приказ МЗ РБ от 22.06.2022 № 841.*

Поступила 15.02.2023

ТРОЕ В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ / THREE MEN IN A BOAT (TO SAY NOTHING OF THE DOG)

Джером Клапка Джером / Jerome Klapka Jerome

Отрывок из романа

Нас было четверо: Джордж, Уильям Сэмюэль Гаррис, я и Монморанси. Мы сидели в моей комнате, курили и разговаривали о том, как плох каждый из нас, – плох, я, конечно, имею в виду, в медицинском смысле.

Все мы чувствовали себя неважно, и это нас очень тревожило. Гаррис сказал, что у него бывают страшные приступы головокружения, во время которых он просто ничего не соображает; и тогда Джордж сказал, что у него тоже бывают приступы головокружения и он тоже ничего не соображает. Что касается меня, то у меня была не в порядке печень. Я знал, что у меня не в порядке именно печень, потому что на днях прочел рекламу патентованных пилюль от болезни печени, где перечислялись признаки, по которым человек может определить, что у него не в порядке печень. Все они были у меня налицо.

Странное дело: стоит мне прочесть объявление о каком-нибудь патентованном средстве, как я прихожу к выводу, что страдаю той самой болезнью, о которой идет речь, причем в наиопаснейшей форме. Во всех случаях описываемые симптомы точно совпадают с моими ощущениями.

Как-то раз я зашел в библиотеку Британского музея, чтобы навести справку о средстве против пустячной болезни, которую я где-то подцепил, – кажется, сенной лихорадки. Я взял справочник и нашел там все, что мне было нужно, а потом от нечего делать начал перелистывать книгу, просматривая то, что там сказано о разных других болезнях. Я уже позабыл, в какой недуг я погрузился раньше всего, – знаю только, что это был какой-то ужасный бич рода человеческого, – и не успел я добраться до середины перечня «ранних симптомов», как стало очевидно, что у меня именно эта болезнь.

Несколько минут я сидел, как громом пораженный, потом с безразличием отчаяния принялся переворачивать страницы дальше. Я добрался до холеры, прочел о ее признаках и установил, что у меня холера, что она мучает меня уже несколько месяцев, а я об этом и не подозревал. Мне стало любопытно: чем я еще болен? Я перешел к пляске святого Витта и выяснил, как и следовало ожидать, что ею я тоже страдаю; тут я заинтересовался этим медицинским феноменом и решил разобраться в нем досконально. Я начал Прямо по алфавиту. Прочитал об анемии – и убедился, что она у меня есть и что обострение должно наступить недели через две. Брайтовой болезнью, как я с облегчением установил, я страдал лишь в легкой форме, и, будь у меня она одна, я мог бы надеяться прожить еще несколько лет. Воспаление легких оказалось у меня с серьезными осложнениями, а

грудная жаба была, судя по всему, врожденной. Так я добросовестно перебрал все буквы алфавита, и единственная болезнь, которой я у себя не обнаружил, была родильная горячка.

Вначале я даже обиделся: в этом было что-то оскорбительное. С чего это вдруг у меня нет родильной горячки? С чего это вдруг я ею обойден? Однако спустя несколько минут моя ненасытность была побеждена более достойными чувствами. Я стал утешать себя, что у меня есть все другие болезни, какие только знает медицина, устыдился своего эгоизма и решил обойтись без родильной горячки. Зато тифозная горячка совсем меня скрутила, и я этим удовлетворился, тем более что ящуром я страдал, очевидно, с детства. Ящуром книга заканчивалась, и я решил, что больше мне уж ничто не угрожает.

Я задумался. Я думал о том, какой интересный клинический случай я представляю собою, каким кладом я был бы для медицинского факультета. Студентам незачем было бы практиковаться в клиниках и участвовать во врачебных обходах, если бы у них были. Я сам – целая клиника. Им нужно только совершить обход вокруг меня я сразу же отпирать за дипломами.

Тут мне стало любопытно, сколько я еще протяну. Я решил устроить себе врачебный осмотр. Я пощупал свой пульс. Сначала никакого пульса не было. Вдруг он появился. Я вынул часы и стал считать. Вышло сто сорок семь ударов в минуту. Я стал искать у себя сердце. Я его не нашел. Оно перестало биться. Поразмыслив, я пришел к заключению, что оно все-таки находится на своем месте и, видимо, бьется, только мне его не отыскать. Я постукал себя спереди, начиная от того места, которое я называю талией, до шеи, потом прошелся по обоим бокам с заходом на спину. Я не нашел ничего особенного. Я попробовал осмотреть свой язык. Я высунул язык как можно дальше и стал разглядывать его одним глазом, зажмурив другой. Мне удалось увидеть только самый кончик, и я преуспел лишь в одном: утвердился в мысли, что у меня скарлатина.

Я вступил в этот читальный зал счастливым, здоровым человеком. Я выполз оттуда жалкой развалиной.

Я пошел к своему врачу. Он мой старый приятель; когда мне почудится, что я нездоров, он щупает у меня пульс, смотрит на мой язык, разговаривает со мной о погоде – и все это бесплатно; я подумал, что теперь моя очередь оказать ему услугу. «Главное для врача – практика», – решил я. Вот он ее и получит. В моем лице он получит такую практику, какой ему не получить от тысячи семи-

сот каких-нибудь заурядных пациентов, у которых не наберется и двух болезней на брата. Итак, я пошел прямо к нему, и он спросил:

– Ну, чем ты заболел?

Я сказал:

– Дружище, я не буду отнимать у тебя время рассказами о том, чем я заболел. Жизнь коротка, и ты можешь отойти в иной мир, прежде чем я окончу свою повесть. Лучше я расскажу тебе, чем я не заболел: у меня нет родильной горячки. Я не смогу тебе объяснить, почему у меня нет родильной горячки, но это факт. Все остальное у меня есть.

И я рассказал о том, как сделал свое открытие.

Тогда он задрал рубашку на моей груди, осмотрел меня, затем крепко стиснул мне запястье, и вдруг, без всякого предупреждения, двинул меня в грудь, – по-моему, это просто свинство, – и вдохом боднул в живот. Потом он сел, написал что-то на бумажке, сложил ее и отдал мне, и я ушел, спрятав в карман полученный рецепт.

Я не заглянул в него. Я направился в ближайшую аптеку и подал его аптекарю. Тот прочитал его и вернул мне.

Он сказал, что такого у себя не держит. Я спросил:

– Вы аптекарь?

Он сказал:

– Я аптекарь. Будь я сочетанием продуктовой лавки с семейным пансионом, я мог бы вам помочь. Но я только аптекарь.

Я прочитал рецепт. В нем значилось:

Бифштекс 1 фунт Пиво 1 пинта (принимать каждые 6 часов) Прогулка десятимильная 1 (принимать по утрам) Постель 1 (принимать вечером, ровно в 11 часов) И брось забивать себе голову вещами, в которых ничего не смыслить.

Я последовал этим предписаниям, что привело к счастью (во всяком случае, для меня) исходу: моя жизнь была спасена, и я до сих пор жив.

Но вернемся к вышеупомянутой рекламе пилюль. В данном случае у меня были все признаки болезни печени (в этом нельзя было ошибиться), включая главный симптом: «апатия и непреодолимое отвращение ко всякого рода труду».

Как меня мучил этот недуг – невозможно описать. Я страдал им с колыбели. С тех пор как я пошел в школу, болезнь не отпускала меня почти ни на один день. Мои близкие не знали тогда, что у меня больная печень. Теперь медицина сделала большие успехи, но тогда все это сваливали на лень.

– Как? Ты все еще валяешься в постели, ленивый чертенок! Живо вставай да займись делом! – говорили мне, не догадываясь, конечно, что все дело в печени.

И они не давали мне пилюль – они давали мне подзатыльники. И как это ни удивительно, подзатыльники часто меня вылечивали, во всяком случае – на время. Да что там говорить, один тогдашний подзатыльник сильнее действовал на мою печень и больше способствовал ускорению движе-

ний и незамедлительному выполнению всех дел, которые надлежало выполнить, чем целая коробка пилюль в настоящее время.

Видите ли, нередко простые домашние средства более радикальны, чем всякие дорогие лекарства.

Так мы провели полчаса, расписывая друг другу наши болезни. Я изложил Джорджу и Уильяму Гаррису, как я себя чувствую, просыпаясь по утрам, а Уильям Гаррис рассказал нам, как он себя чувствует, ложась спать, а Джордж, стоя на коврике перед камином, с редкой выразительностью и подлинным актерским мастерством представил нам, как он себя чувствует ночью.

Джордж воображает, что он болен, но, уверяю вас, он здоров как бык.

Тут в дверь постучала миссис Попитс и осведомилась, не пора ли подавать ужин. Мы скорбно улыбулись друг другу и сказали, что, пожалуй, попробуем что-нибудь проглотить. Гаррис высказался в том смысле, что если заморить червячка, то развитие болезни может несколько задержаться. И миссис Попитс внесла поднос, и мы поплелись к столу и принялись ковырять бифштексы с луком и пирог с ревенем.

Я, должно быть, уже совсем зачах, так как через каких-нибудь полчаса вовсе потерял интерес к еде, – этого еще со мной не случалось, – и даже не притронулся к сыру.

Выполнив таким образом свой долг, мы снова налили до краев стаканы, закурили трубки и возобновили разговор о плачевном состоянии нашего здоровья. Что, собственно, с нами творилось, определенно никто сказать не мог, но мы единодушно решили: что бы там ни было, все дело в переутомлении.

– Нам просто-напросто нужен отдых, – сказал Гаррис.

– Отдых и перемена обстановки, – добавил Джордж. – Умственное переутомление вызвало упадок деятельности всего организма. Перемена образа жизни и освобождение от необходимости думать восстановят психическое равновесие.

У Джорджа есть двоюродный брат, которого всякий раз, когда он попадает в полицейский участок, заносит в протокол как студента-медика, поэтому нет ничего удивительного, что на высказываниях Джорджа лежит печать семейной склонности к медицине.

Я согласился с Джорджем и сказал, что хорошо бы найти какой-нибудь уединенный, забытый уголок, вдали от суетного света, и помечтать недельку в сонных его закоулках, – какую-нибудь заброшенную бухту, скрытую феями от шумной людской толпы, какое-нибудь орлиное гнездо на скале Времени, куда лишь едва-едва доносится гулкий прибой девятнадцатого века.

Гаррис сказал, что это будет смертная тоска, Он сказал, что отлично представляет себе уголок, который я имею в виду, – эту захолустную дыру, где укладываются спать в восемь часов вечера, и где

ни за какие деньги не разбудишь «Спортивный листок», и где надо прошагать добрых десять миль, чтобы разжиться пачкой табаку.

– Нет, – сказал Гаррис, – если уж нам нужен отдых и перемена обстановки, то лучше всего прогулка по морю.

Я решительно восстал против прогулки по морю. Прогулка по морю хороша, если посвятить ей месяца два, но на одну неделю это не имеет смысла.

Вы отплываете в понедельник, лелея мечту об отдыхе и развлечении. Вы весело машете рукой приятелям на берегу, закуриваете самую внушительную свою трубку и начинаете расхаживать по палубе с таким видом, будто вы капитан Кук, сэр Фрэнсис Дрейк и Христофор Колумб в одном лице. Во вторник вы начинаете жалеть, что пустились в плавание. В среду, четверг и пятницу вы начинаете жалеть, что родились на свет божий. В субботу вы находите в себе силы, чтобы проглотить чашку бульона, и, сидя на палубе, отвечаете кроткой мученической улыбкой на вопросы сострадательных пассажиров о том, как вы себя чувствуете. В воскресенье вы уже способны самостоятельно передвигаться и принимать твердую пищу. А в понедельник утром, когда вы с чемоданом в руке и зонтиком под мышкой стоите у трапа, ожидая высадки, – прогулка по морю вам уже решительно нравится.

Я вспоминаю, как мой шурин предпринял однажды небольшое морское путешествие для укрепления здоровья. Он взял каюту от Лондона до Ливерпуля и обратно, но, добравшись до Ливерпуля, он был озабочен только тем, как бы сплавить обратный билет.

Говорят, он предлагал его каждому встречному и поперечному с неслыханной скидкой; в конце концов билет был пристроен за восемнадцать пенсов некоему художничку юнцу, которому врач прописал морской воздух и моцион.

«Морской воздух! – воскликнул мой шурин, с нежностью вкладывая билет ему в руку. – Ого, да вы будете им сыты по горло на всю жизнь. А что касается моциона, то, сидя на палубе корабля, вы получите больше моциона, чем если бы ходили колесом по берегу».

Он сам – мой шурин – вернулся поездом. Он объяснил, что Северо-Западная железная дорога достаточно полезна для его здоровья.

Другой мой знакомый отправился в недельную прогулку вдоль побережья. Перед отплытием к нему подошел стюард и спросил, будет ли он расплачиваться за каждый обед отдельно или сразу оплатит стол за все дни.

Стюард посоветовал второй способ, как более выгодный. Он сказал, что питание на всю неделю обойдется в два фунта пять шиллингов. Он сказал, что на завтрак подают рыбу и жареное мясо. Ленч бывает в час и состоит из четырех блюд. В шесть часов – обед: суп, entree [1], жаркое, дичь, салат,

сладкое, сыр и фрукты. И наконец, в десять часов – легкий ужин из нескольких мясных блюд.

Мой приятель решил, что эта сорокапятишиллинговая сделка ему подходит (он любитель покушать), и выложил деньги.

Ленч подали, когда судно только что отошло от Ширнесса. Мой приятель проголодался меньше, чем ожидал, и ограничился куском вареного мяса и земляничкой со сливками. После ленча он довольно долго предавался размышлениям, и ему то казалось, что он уже с неделю не ел ничего другого, кроме вареного мяса, то – что он последние годы прожил на одной земляничке со сливками.

Равным образом ни мясо, ни земляничка со сливками не были в восторге – наоборот, им явно не хотелось оставаться там, куда они попали.

В шесть часов его позвали обедать. Он встретил приглашение без всякого энтузиазма, но воспоминания об уплаченных сорока пяти шиллингах пробудили в нем чувство долга, и он, держась за канаты и прочее, спустился по трапу. Внизу его встретило аппетитное благоухание лука и горячей ветчины, смешанное с ароматом овощей и жареной рыбы. Тут к нему подскочил стюард и спросил со сладкой улыбкой:

«Что вы пожелаете выбрать к обеду, сэр?»

«Лучше помогите мне выбраться отсюда», – чуть слышно прошептал он.

Его поспешно вытащили на палубу, прислонили к подветренному борту и оставили в одиночестве.

В продолжение следующих четырех дней он жил простой и безгрешной жизнью, питаясь сухариками и содовой водой, но к субботе он воспрянул духом и отважился на чашку слабого чая с ломтиком поджаренного хлеба. А в понедельник он уже уписывал за обе щеки куриный бульон. Он сошел на берег во вторник и с грустью смотрел, как пароход отваливает от пристани.

«Вот он и уходит! – промолвил мой приятель. – Вот он и уходит, а с ним и сорокашиллинговый запас провизии, который принадлежит мне по праву, но который мне не достался».

Он говорил, что, если бы ему добавили еще только один день, он сумел бы наверстать упущенное.

Итак, я решительно воспротивился прогулке по морю. Дело не в том, объяснил я, что мне страшно за себя. У меня никогда не было морской болезни. Но я боялся за Джорджа. Джордж сказал, что он в себе уверен и ничего бы не имел против прогулки по морю. Но он не советует Гаррису и мне даже думать об этом, так как не сомневается, что мы оба заболеем. Гаррис сказал, что лично для него всегда было загадкой, как это люди ухитряются страдать морской болезнью, что все это сплошное притворство, что он часто хотел тоже заболеть, но ему так и не удалось.

Потом он стал рассказывать нам истории о том, как он пересекал Ла-Манш в такой шторм, что пассажиры пришлось привязывать к койкам, и только два человека на борту – он сам и капитан корабля –

устояли против морской болезни. Иногда теми, кто устоял против морской болезни, оказывались он сам и второй помощник, но неизменно это был он сам и кто-то другой. Если же это были не он сам плюс кто-то другой, то это был он один.

Странная вещь: людей, подверженных морской болезни, вообще не бывает... на суше. В море вы встречаете этих несчастных на каждом шагу, на пароходе их хоть отбавляй. Но на твердой земле мне еще ни разу не попадался человек, который знал бы, что значит болеть морской болезнью. Просто диву даешься: куда исчезают, сойдя на берег, те тысячи и тысячи страдальцев, которыми кишмя кишит любое судно.

Я мог бы легко объяснить эту загадку, если бы люди в большинстве своем были похожи на одного молодчика, которого я видел на пароходе, шедшем в Ярмут. Помню, мы только-только отвалили от Саутэндской пристани, как я заметил, что он с опасностью для жизни перегнулся через борт. Я поспешил ему на помощь.

«Эй! Поосторожней! – сказал я, тряся его за плечо. – Этак вы можете оказаться за бортом».

«О господи! Там хуже не будет!» – Вот все, что мне удалось из него выжать. С тем мне и пришлось его оставить.

Три недели спустя я встретился с ним в Бате в ресторане гостиницы, где он рассказывал о своих путешествиях и с жаром распространялся о своей любви к морю.

«Как я переносу качку? – воскликнул он в ответ на вопрос робкого молодого человека, смотревшего на него с восхищением. – Признаться, однажды меня слегка мутило. Это было у мыса Горн. Наутро судно потерпело крушение».

Я сказал:

«Простите, это не вас тошнило на Саутэндском рейде? Вы еще тогда мечтали очутиться за бортом».

«На Саутэндском рейде?» – переспросил он с озадаченным видом.

«Да, да, на пути в Ярмут, в пятницу, три недели тому назад».

«Ах, тогда! – ответил он, просяив. – Да, вспомнил. У меня была отчаянная мигрень. И все из-за пикулей. Вот мерзкие были пикули! Не понимаю, как такую гадость могли подавать на приличном пароходе. А вы их не пробовали?»

Что касается меня, то я нашел превосходное средство против морской болезни: нужно просто сохранять равновесие. Вы становитесь в центре палубы и, в соответствии с корабельной качкой, балансируете так, чтобы ваше тело все время находилось в вертикальном положении. Когда нос ко-

рабля задирается вверх, вы наклоняетесь вперед, почти касаясь лбом палубы, а когда поднимается корма, вы откидываетесь назад. Это отлично помогает час-другой. Но попробуйте таким образом сохранять равновесие целую неделю!

Джордж сказал:

– Давайте махнем на лодке вверх по реке.

Он сказал, что нам будут обеспечены свежий воздух, физический труд и душевный покой, непрерывная смена пейзажа займет наш ум (включая и то, что известно под этим именем у Гарриса), а здоровая усталость будет содействовать возбуждению аппетита и улучшит сон.

Гаррис сказал, что Джорджу едва ли следует предпринимать что-либо для улучшения сна, – это опасно. Он сказал, что, поскольку в сутках всего двадцать четыре часа как зимой, так и летом, он не представляет себе, каким образом Джордж собирается спать больше, чем в настоящее время; он высказал мнение, что, если Джордж решил спать больше, он мог бы с тем же успехом почить навеки, чтобы не тратиться по крайней мере на стол и квартиру.

Гаррис добавил, что тем не менее предложение относительно реки «попадает в точку». Я не совсем понимаю, почему «в точку» (разве только речь идет о том, чтобы отдать в точку несколько тупые остроты Гарриса), но, видимо, это выражение имеет одобрительный смысл.

Я подтвердил, что река «попадает в точку», и мы с Гаррисом согласились, что Джорджу пришла в голову удачная мысль. Мы это высказали тонно, в котором сквозило некоторое удивление, что Джордж оказался столь сообразительным.

Единственный, кто не пришел в восторг от такого предложения, был Монморанси. Лично его река никогда не прельщала.

«Для вас, ребята, все это превосходно, – сказал он, – вам эта штука по душе, а мне – нет. Мне там нечего делать. Я не любитель пейзажей и не курю. Если я замечу крысу, то вы из-за меня не станете причаливать к берегу, а если я задремлю, вы еще, чего доброго, натворите глупостей и вывалите меня за борт. С моей точки зрения, это идиотская затея».

Однако нас было трое против одного, и большинством голосов предложение было принято.

1889 г.

Джером Клапка Джером. Трое в лодке, не считая собаки. АСТ, Астрель, ВКТ, 2011. 384 с.

Подготовила Н.Н. Силивончик

ОДНА ТАБЛЕТКА В ДЕНЬ

ОБЛЕГЧАЕТ ДЫХАНИЕ

**ЭФФЕКТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ БРОНХИАЛЬНОЙ АСТМЫ
И СИМПТОМОВ АЛЛЕРГИЧЕСКОГО РИНИТА У ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ**

ЛЕКАРСТВЕННЫЙ ПРЕПАРАТ

На правах рекламы. Имеются медицинские противопоказания и нежелательные или побочные реакции.
Применение во время беременности и лактации только в случае явной необходимости.
Перед применением ознакомьтесь с инструкцией

12^Р ЛЕТ

ГЕДЕОН РИХТЕР ОАО

МАГНЕРОТ®

магний + оротовая кислота

Больше,
чем просто магний

magnerot.by

**ЛЕКАРСТВЕННЫЙ ПРЕПАРАТ. ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ
СЛЕДУЕТ ОЗНАКОМИТЬСЯ С ИНСТРУКЦИЕЙ.**

Имеются медицинские противопоказания и нежелательные реакции. Магнерот может применяться в терапевтических дозах при соответствующих показаниях во время беременности.

Вёрваг Фарма ГмБХ и Ко. КГ, Германия. Произведено Мауерманн Арцнайmittel КГ, Германия.

На правах рекламы.